

Вопросы аграрной
ИСТОРИИ
ПРИБАЛТИКИ

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра истории КПСС

ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ПРИБАЛТИКИ

Сборник научных трудов
(межвузовский)

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1982

Вопросы аграрной истории Прибалтики: Межвуз. сб. научн. трудов /Отв. ред. В.Я.Канале. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1982. - 183 с.

Данный сборник, посвященный 60-летию образования СССР, продолжает начатое в 1973 году издание межвузовских сборников научных статей по проблемам аграрной истории Латвии в XIX и XX веках.

Публикуемые работы освещают ряд проблем аграрной истории Латвии и Эстонии, а также характеризуют источники по аграрной истории.

Расчитан на широкий круг читателей: студентов, преподавателей, научных работников.

Табл. 17.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.Канале (отв. ред.), И.Грейтъянис.

О.Ниедре, Х.Стродс

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЛГУ им. П.Стучки

В 10604-134у 29.82.0505020000
М 812(II)-82

© Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки, 1982

НИИДРЕ Ояр Мартынович

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ (ПРИБАЛТИЙСКИЕ) ОСОБЕННОСТИ
СТАТИСТИКИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ВОЕННО-КОНСКИХ
ПЕРЕПИСЕЙ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВЕКА

В исторической литературе широко применяются такие важные источники, как данные статистики землевладений в 1877 и 1905 гг. и данные военно-конских переписей конца XIX - начала XX столетия. Упомянутые материалы часто применяются для сравнения процессов в разных губерниях и регионах Европейской России. Автор данной статьи считает, что использование упомянутых материалов требует учесть региональные особенности образования источников. В данном случае мы остановимся на некоторых особенностях в упомянутых источниках в Прибалтийском регионе (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии).

Всю землю в сельских местностях официальная статистика в 1877 и в 1905 годах делит на три категории: земли в частной собственности, крестьянские земли, земли государства, церкви и учреждений¹.

Упомянутая статистика и деление в исторической литературе получили серьезные поправки и разъяснения. В Лифляндской губернии в 1877 году учитывали всю землю, а в 1905 году - только удобную². В 1877 году сведения собрали от владельцев и в качестве крестьянской земли. учли землю, по закону 1849 года обозначенную как крестьянскую, в том числе и непроданную. В 1905 году непроданная крестьянская

¹ Статистика землевладения 1905 г. Выпуск 44. Курляндская губерния. С.-Пб., 1906, с. II; Выпуск 49. Эстляндская губерния. С.-Пб., 1907, с. II.

² Статистика землевладения 1905 г., выпуск 50, с. 3.

земля причислена к частной земельной собственности, "так как в книгах Казенной Палаты эти крестьянские земли значатся и по сие время в составе помещичьих владений"³. В Курляндской губернии отсутствовало понятие "крестьянские земли". К ним приравнивали земли, которые крестьяне арендовали в 1863 году⁴. Увеличение общей площади земли с 2 269 316 десятин на 2 448 598 десятин, то есть на 79 282 десятины, или 3,35%, составители объяснили "более точным подсчетом"⁵. В Эстляндской губернии в 1877 году крестьянскими считали как арендованные, так и купленные земли, а в 1905 г. - только купленные⁶.

На необходимость делать существенные поправки в данных статистики землевладения 1905 года по Лифляндской губернии указывает М.И.Козин: "... В них вошли лишь проданные крестьянские участки. Для более или менее полного приближения этих данных к реальным условиям они должны быть пополнены непроданными участками крестьянских земель дворянских имений и пасторатов, а также крестьянскими участками казенных имений"⁷. В Курляндской губернии в группу "крестьянские земли" включили в 1905 году крестьянские проданные земли как в частных, так и казенных имениях. М.И.Козин считает, что "данные А.Тобина ближе к действительности, чем данные 1905 года". Данные А.Тобина взяты из официального источника - "Материалов для статистики Лифляндской губер-

³ Там же, с.25.

⁴ Статистика землевладения 1905 г., выпуск 44, с.22.

⁵ Там же, с.24.

⁶ Статистика землевладения 1905 г., выпуск 49, с.II.

⁷ Козин М.И. Несколько поправок к официальным данным аграрной статистики по Лифляндской губернии. - В кн.: Источниковедческие проблемы истории народа Прибалтики. Рига, 1970, с.236.

нии"⁸. По данным "Стат.землевл." в материковой части Лифляндской губернии учтены 3 147 592 десятины удобной земли, по "Мат. для стат. Лифл.губ." - 3 187 842 десятины удобной и 3 794 253 десятины всей земли. Общая сумма удобной "земли в частной собственности" и "крестьянской земли" по "Стат.землевл." - 2 813 875 десятин. По данным "Мат.для стат.Лифл.губ." крестьянам продано удобной земли из земель дворянских вотчин: 996 220 десятин крестьянской земли (юридическая категория), 65 790 десятин мызной (податной), 56 459 десятин мызной (неподатной). (Часть крестьянской земли по закону в 1849 году была переведена в состав "квотной земли" и присоединена к вотчине. Податное обложение этой земли осталось на уровне остальной крестьянской земли. Из-за этого название - мызная (податная) земля).

Общее количество проданной крестьянам вотчиной земли по этим данным составило 1 118 469 десятин удобной земли с 25 855 усадьбами и участками (1 231 685 десятин всей земли). Казна до 1 января 1906 года, кроме того, продала крестьянам 13 308 усадеб и участков с 325 265 десятинами земли. По "Стат.землевл." в категории крестьянской земли в материковых уездах Лифляндской губернии имеется 1 118 987 десятин удобной земли. Таким образом, "Стат.землевл." не учла проданную крестьянам казенную землю в категории "крестьянская земля". Сопоставление обоих источников доказывает, что "Стат.землевл." проданную крестьянам казенную землю причисляла к категории "земли в частной собственности", а составители "Мат.для стат.Лифл.губ." ее указали как принадлежащую казне, что и объясняет различие в показателях. Учитывая это, получаем в материковых уездах в 1905 году во владении собственников вотчин 1 555 112 десятин удобной земли (48,78% всей удобной земли), или 1 922 292 десяти-

⁸ Тобин А. Аграрный строй материковой части Лифляндской губернии. Рига, 1906, с.10,19,20; Матер.для статист.Лифляндской губернии, том II, вып.УП-ХП, Рига,1907, с.11-17.

ны всей земли (50,66%). В собственности крестьян 39 163 крестьянских усадеб и участков с I 556 950 десятинами всей земли (41,03%). Из-за причисления земельной собственности крестьян в казенных имениях к категории "земли в частной собственности" ("Стат.землевл."), помещичье землевладение в Лифляндской губернии в 1905 году в ряде работ рассчитано выше. Так, например, К.К.Сийливааск считает, что оно достигло 54,3% всей земли⁸.

В Курляндской губернии юридическое понятие "крестьянская земля" не существовало. Вместо этого имеется понятие "крестьянские участки". В 1890 году в приложении к губернаторскому отчету указано: "из общего числа принадлежавших к частным имениям Курляндской губернии крестьянских участков к 23 апреля 1889 г. значатся проданными 10 630 участков и остается еще в аренде 1295 участков. Впрочем, последняя цифра основывается лишь на арифметическом вычислении и на том предположении, что к началу действия Правил, утвержденных 6 сентября 1863 года, общее количество крестьянских участков в частных имениях Курляндской губернии составляло всего II 925. Между тем соответствует ли эта последняя цифра действительности, в точности определить нельзя, так как официальным путем число крестьянских участков в частных имениях Курляндской губернии никогда не было приведено в известность"⁹. В 1907 году барон Г.Е. фон Фелькерзам от имени Курляндского ландтага указал, что под спорными "крестьянскими участками" (земля, которую владельцы имений отказались признать "крестьянскими участками", а волостные общества считали "крестьянскими участками", подлежащими правилам 6 сентября 1863 года) являются по меньшей мере 200 000 десятин¹⁰.

^{8а} Борьба за советскую власть в Прибалтике. М., 1967, с.29.

⁹ Обзор Курляндской губернии за 1889 год. Митава, 1890, с.50.

¹⁰ Труды особого совещания при вр.прибалтийском генерал-губернаторе, учрежденного высочайшим указом 28-го ноября 1905 г. (С.м. и г.изд.), с.296.

то есть около 20% земельной собственности имений. Такое же количество упоминается в 1910 году в латышской буржуазной прессе¹¹.

По каждому из спорных участков между волостными обществами и имениями велись судебные тяжбы, которые, как правило, бесконечно затягивались. Опубликованные "Материалы статистики землевладения 1905 года" прямо не указывают проданную землю, а в категорию "крестьянская земля" включают также какую-то, нам неизвестную, часть непроданных "крестьянских участков". Из-за разных принципов учета при сравнении "крестьянской земли" в 1887 и 1905 гг. по данным "Статистики землевладения 1905 г." истории наблюдения крайне небольшой прирост крестьянского землевладения в Курляндской губернии. Так, например, М.И.Козин подсчитал прирост с 903,3 тыс.десятин до 936,3 тыс.десятин, то есть на 3,65%¹². Имеются более точные данные о крестьянской земельной собственности на 1894 год (Губернского распорядительного комитета - учреждения для расчета налогообложения) и более подробные расчеты на 1905 год, опубликованные в 1909 году¹³. По этим данным крестьянская земельная собственность по удобной земле выросла с 819,7 тыс. до 877,3 тыс.десятин, то есть на 7,03%, в том числе по сельскохозяйственно удобной земле (удобная земля без леса) с 805,7 тыс. на 860,4 тыс.десятин. По тем же данным мизная земельная собственность сократилась по удобной земле с 941,7 тыс. на 916,8 тыс.десятин (на 2,6%), в том числе по сельхозугодиям с 509,6 тыс. на 478,9 тыс.десятин (на 6,02%). Приведенные цифры доказывают, что рост крестьян-

¹¹ Latvija, 1910., 20.martā, N 65.

¹² Очерки экономической истории Латвии 1860-1900. Рига, 1972, с.292.

¹³ Обзор Курляндской губернии за 1896 год (б.м. и г.изд.), с.40-41; Землевладение и землепользование в Курляндской губернии: Стат.очерк / Под ред. Н.М.Степанова, Митава, 1909. Вып. I, с.21, 22, 28.

иской земельной собственности происходил как за счет казенных земель, так и за счет продажи крестьянам сельскохозяйственно удобной земли в частных имениях.

Направивается вывод, что применяя для сравнения с другими губерниями данные "Статистики землевладения 1905 года", необходимо считаться с упомянутыми особенностями, которые частично являются результатом отличия аграрного законодательства в данных губерниях. То же самое касается данных военно-конских переписей.

На основе данных военно-конских переписей о количестве лошадей М.И.Козин подсчитывает: в Лифляндской губернии крестьянских хозяйств безлошадных и с 1 лошадью - 34,8% (малоземельные), с 2 лошадьми - 24,9% (средняки), с 3 и более лошадьми - 40,3% (зажиточные)¹⁴. Эстонский историк О.Карма на основании тех же данных подсчитал: в Лифляндской губернии безлошадных и с 1 лошадью - 52,5% (малоземельные), с 2 лошадьми - 31,9% (средняки), с 3 до 7 лошадей - 15,6% (зажиточные)¹⁵.

По мнению М.И.Козина, "военно-конская перепись под хозяйством подразумевает более или менее твердую экономическую единицу, поэтому ее учтены и хозяйства батраков, имевших лошадей, и часть батрацких хозяйств"¹⁶.

По данным военно-конской переписи 1888 года Лифляндской губернии М.И.Козин подсчитывает 53 031 крестьянских хозяйств, которые распределяются на 2305 безлошадных (4,3%), 16 158 с одной лошадью (30,5%), 13 240 с двумя лошадьми (24,8%), 16 523 с 3 и 4 лошадьми (31,2%), 4806 с

¹⁴ Очерки экономической истории Латвии, 1860-1900. Рига, 1972, с.320.

¹⁵ История Эстонской ССР. Таллин, 1966. Том II, с.362.

¹⁶ Козин М.И. Разложение крестьянства Видземе и Курземе во второй половине XIX в. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961, Рига, 1963, с.49; Очерки экономической истории Латвии. 1860-1900, с.319.

5 и более лошадьми (9,2%)¹⁷.

Фактически военно-конская перепись учитывала всех коневладельцев. Понятие "хозяйство" в этой переписи применялось только для обозначения тех безлошадных, которым принадлежал земельный надел (в Прибалтике земельная собственность в границах волости), но которые не имели лошадей. В Прибалтике среди них имелись крестьяне-собственники земли, отдавшие всю землю в исполную или другую аренду, а также владельцы солдатских и батрацких участков от 0,5 до 2 десятины, которые являлись, по существу, батраками с наделом. Кроме того, сюда вошли и все те мелкие землевладельцы, основным занятием которых не было земледелие. Прибалтийско-немецкий историк А.Э.Тобин, ссылаясь на "Материалы для статистики Лифляндской губернии", том II, табл. I, утверждает, что в начале XX века в Лифляндской губернии "из общего числа 59 667 крестьянских усадеб 5510, т.е. 9,2%, не имели лошадей, зато конский состав остальных 54 157 состоял из 136 голов"¹⁸. В свою очередь в "Материалах для статистики" со ссылкой на сведения Центрального статистического комитета "Военно-конская перепись 1899-1901 гг.", указывается, что в 8 материковых уездах Лифляндской губернии "у крестьян в сельских обществах по переписи 1900 г. имеется 59 667 "дворов или хозяйств", в том числе лошадных - 54 157"¹⁹.

По расчетам О.Карма в Лифляндской губернии в 1888 году имелись 84 103 крестьянских хозяйств (5% безлошадных, 42,3% с 1 лошадью, 31,8% с 2 лошадьми, 14,5% с 3 лошадьми, 6,4% с 4 до 7 лошадьми), а в 1900 году - 87 094 хозяйств (9,4% безлошадных, 43,1% с 1 лошадью, 31,9 с 2 ло-

¹⁷ Козин М.И. Разложение крестьянства..., с.49; Очерки экономической истории Латвии. 1860-1900, с.320.

¹⁸ Тобин А.Э. Аграрный строй материковой части Лифляндской губернии. Рига, 1906, с.14.

¹⁹ Материалы для статистики Лифляндской губернии. Том II, вып. II, Рига, 1904, табл. I.

шадьями, II, 2% с 3 лошадьми, 4, 4% с 4 до 7 лошадьми). В результате такого резкого различия резко различаются и выводы О.Карма и М.Козина. О.Карма пишет: "В Эстляндии, по сравнению с Лифляндией и еще более с другими губерниями России, самой малочисленной была группа экономически наиболее сильных хозяйств"²⁰. М.И.Козин пишет: "Для латышской деревни характерно наличие... весьма сильного слоя средней и отчасти крупной сельской буржуазии, так называемых "серых баронов"²¹.

Как могла получиться такая значительная разница в выводах и оценке общего количества крестьянских хозяйств в Лифляндской губернии между М.Козиным и О.Карма.

Основная причина разногласия в том, что М.И.Козин придерживается точки зрения А.Э.Тобина и считает крестьянскими хозяйствами лишь те, которые в материалах военно-конской переписи отражены в разделе "у крестьян в сельских обществах". Эстонские историки придерживаются другой точки зрения. Они считают крестьянскими все хозяйства безлошадных, владеющих наделом на правах собственности, и всех сельских владельцев от одной до семи лошадей, которые в материалах военно-конских переписей отражены в разделах "у крестьян в сельских обществах" и "землевладельцы и другие лица, проживающие в уезде". По мнению О.Карма, только хозяйства с 8 и более рабочими лошадьми близки к мызным хозяйствам²². На наш взгляд, правы эстонские историки. Некритическое принятие методики А.Э.Тобина в отдельных работах сотрудников Института истории АН Латвийской ССР и использование их для установления коли-

²⁰ История Эстонской ССР, том II, с.363.

²¹ Козин М.И. Разложение..., с.51; Очерки экономической Латвии 1860-1900, с.322.

²² История Эстонской ССР, том II, с.362.

чества и социального состава крестьянства - результат неполного понимания механизма возникновения данных военно-конских переписей. При сборе последних статистики не интересовались "более или менее твердыми экономическими единицами", а просто владельцами лошадей и количеством их лошадей. В Прибалтике в разделе "у крестьян в сельских обществах" включили коневладельцев, проживающих на землях, подчиненных администрации волостного общества. В Лифляндской губернии это лица, имеющие хозяйства на крестьянской (юридическая категория) и мызной податной (квота) земле, независимо от того, являлись они собственниками, арендаторами, издольщиками или батраками на этой земле. От остальных крестьян их отличало наличие лошади, которую (которых) они имели в своей собственности. Безлошадными учитывались те собственники земельных участков, которые не владели лошадьми. В Эстляндской губернии волостное общество включало крестьянские и мызные податные (шести-дольные) земли. В Курляндской губернии власть волости касалась земель "крестьянских участков" (*gesinde*).

Как "землевладельцы и другие лица, проживающие в уезде", учитывались те коневладельцы, которые жили на мызных (в Лифляндской и Эстляндской губерниях - на мызных неподатных) землях. Среди них помещики, а также все арендаторы мызных неподатных земель, служащие и батраки имений, имевшие в своей собственности лошадей. В других губерниях в эту группу почти не попали крестьяне. В Прибалтике, где большая масса земли находилась вне волости (мызная неподатная) и почти все арендаторы мызной земли не имели земельного надела (причислялись к безземельным), значительная часть крестьянского сословия принадлежала к данной группе. Об этом свидетельствуют данные о коневладельцах дворянского и крестьянского сословия в группе "землевладельцы и другие лица, проживающие в уезде" в 29 губерниях в 1900 году и 50 губерниях в 1912 году.

Таблица I

Доля коневладельцев дворянского и крестьянского сословия в группе "землевладельцы и другие лица, проживающие в уезде" по данным военно-конских переписей 1900 и 1912 гг.²³

I	Дворяне		Крестьяне	
	коневладельцы (%)	им принадлежат лошади (%)	коневладельцы (%)	им принадлежат лошади (%)
1	2	3	4	5
<u>1900 год</u>				
Виленская	24,97	42,03	26,17	19,75
Витебская	11,97	25,97	41,38	34,08
Владимирская	8,22	23,59	18,74	16,11
Вологодская	4,23	11,86	42,04	33,33
Волынская	5,25	26,99	34,56	23,18
Гродненская	11,18	36,67	17,09	10,33
Калужская	11,44	32,95	23,90	20,08
Киевская	10,08	47,20	21,57	10,30
Ковенская	33,22	54,85	34,08	20,93
Костромская	8,51	20,63	35,79	27,85
<u>Курляндская</u>	<u>6,64</u>	<u>39,37</u>	<u>67,69</u>	<u>36,43</u>
Курская	31,67	60,74	11,98	6,52
<u>Лифляндская</u>	<u>4,39</u>	<u>31,93</u>	<u>56,83</u>	<u>36,61</u>
Минская	16,16	32,40	26,92	19,90
Могилевская	12,07	29,03	30,88	23,27

²³ Процентная доля лошадей и коневладельцев дворянского и крестьянского сословия рассчитаны на основе: Военно-конская перепись 1899-1901 гг. С.-Пб., 1902, с.216-223; Военно-конская перепись 1912 г. Петроград, 1914, с.416-433.

1	2	3	4	5
Московская	13, 13	23, 04	30, 43	27, 52
Новгородская	15, 13	30, 16	37, 51	28, 69
Олонечкая	24, 13	19, 23	10, 41	11, 26
Подольская	16, 48	55, 41	18, 88	7, 35
Полтавская	26, 72	53, 77	15, 95	11, 57
Псковская	4, 02	11, 30	54, 15	48, 23
Самарская	4, 13	14, 56	40, 27	33, 17
С.-Петербургская	7, 39	20, 55	53, 04	38, 23
Смоленская	19, 92	37, 94	35, 72	25, 48
Тверская	11, 32	30, 78	40, 20	30, 69
Харьковская	17, 36	35, 19	30, 61	13, 71
Черниговская	29, 47	53, 03	3, 60	2, 49
<u>Эстляндская</u>	<u>8, 05</u>	<u>55, 41</u>	<u>62, 55</u>	<u>24, 28</u>
Ярославская	8, 12	23, 26	28, 80	23, 39
В 29 губерниях	13, 59	37, 05	33, 93	21, 56

1912 год

Архангельская	0, 63	0, 31	50, 00	45, 94
Астраханская	0, 59	0, 42	42, 45	37, 05
Бессарабская	9, 20	27, 66	22, 82	17, 05
Виленская	26, 22	43, 26	43, 53	31, 73
Витебская	10, 04	24, 06	53, 15	43, 67
Владимирская	5, 74	17, 06	26, 95	22, 86
Вологодская	3, 55	8, 51	48, 09	40, 96
Волынская	5, 13	31, 71	45, 36	29, 88
Воронежская	9, 60	33, 06	50, 17	35, 20
Вятская	4, 04	9, 04	28, 16	22, 25
Гродненская	9, 60	37, 81	23, 62	15, 29
Донск. войск. обл.	1, 08	3, 01	74, 02	73, 31
Екатеринославск.	2, 98	8, 40	54, 07	44, 99
Казанская	10, 58	49, 33	50, 03	15, 47
Калужская	7, 24	24, 12	45, 29	34, 19
Киевская	9, 86	52, 19	21, 44	10, 47

I	2	3	4	5
Ковенская	27,76	43,37	41,25	28,18
Костромская	5,57	12,65	42,78	34,35
<u>Курляндская</u>	<u>3,83</u>	<u>29,02</u>	<u>75,70</u>	<u>48,14</u>
Курская	25,43	49,61	29,90	22,13
<u>Лифляндская</u>	<u>2,58</u>	<u>23,44</u>	<u>73,02</u>	<u>49,59</u>
Минская	16,95	34,61	42,85	32,20
Могилевская	10,00	25,00	38,24	30,97
Московская	13,85	26,85	34,15	23,37
Нижегородская	16,82	45,38	36,21	17,43
Новгородская	12,48	23,73	40,98	32,77
Олонецкая	26,10	23,07	4,60	5,43
Оренбургская	0,59	3,49	48,77	48,59
Орловская	11,93	42,26	42,92	23,56
Пензенская	13,25	44,00	47,35	21,49
Пермская	5,16	10,56	52,78	38,65
Подольская	17,88	59,60	21,18	8,18
Полтавская	13,53	37,50	43,37	28,14
Псковская	2,97	8,46	74,52	68,43
Рязанская	16,66	36,55	37,20	24,33
Самарская	2,34	10,32	68,35	59,61
С.-Петербургская	5,59	16,76	53,45	36,57
Саратовская	5,30	27,60	51,29	36,10
Симбирская	5,75	39,65	68,00	33,92
Смоленская	12,66	23,91	56,46	44,78
Таврическая	5,77	5,97	34,64	37,02
Тамбовская	13,12	42,48	38,76	19,85
Тверская	9,29	23,81	44,40	36,79
Тульская	16,83	46,21	38,78	16,69
Уфимская	7,82	23,98	44,36	31,97
Харьковская	8,50	20,22	56,51	43,63
Херсонская	3,99	18,50	34,94	26,11
Черниговская	21,39	41,53	9,42	7,08
<u>Эстляндская</u>	<u>6,95</u>	<u>61,40</u>	<u>87,31</u>	<u>28,80</u>

I	2	3	4	5
Ярославская	4,74	14,69	48,66	39,89
В 50 губерниях	9,30	27,49	46,84	33,93

В 1912 году, когда мы имеем сведения по всем 50 губерниям Европейской России, процент коневладельцев крестьянского сословия в данной группе Эстляндской губернии является наиболее высоким (87,31%), второе место занимает Курляндская губерния (75,70%), пятое - Лифляндская (73,02%).

Если не считать Донскую войсковую область со своей спецификой (третье место), то единственная родственная губерния в этом отношении Псковская (четвертое место). По проценту лошадей, принадлежащих дворянам (61,4% из всех лошадей в этой группе), Эстляндская губерния занимает первое место. Курляндская и Лифляндская губернии из остальных в этом отношении не выделяются. В абсолютных цифрах по количеству крестьян-воневладельцев в указанной группе Лифляндская губерния (20 015) стоит сразу же за такими гигантами, как Волынская губерния (22 332) и Донская войсковая область (20 511), в которых общее количество лошадей в группе более чем дважды превышает это количество в Лифляндской губернии. Остальные прибалтийские губернии были так малы, что сравнивать их с другими в абсолютных цифрах невозможно.

Сравнивая данные 1912 года с данными 1900 года, наблюдаем резкое увеличение процента и количества коневладельцев-крестьян в группе: в Эстляндской губернии с 62,55% на 87,31%, в Лифляндской - с 56,83% на 73,02%, в Курляндской - с 67,69% на 75,70%. Сокращается процент коневладельцев-дворян. Во всех губерниях увеличивается доля крестьянских лошадей. Доля дворянских лошадей уменьшается в Курляндской и Лифляндской губерниях, увеличивается в

Эстляндской губернии.

Сравнивая среднее количество лошадей на одного коневладельца крестьянского сословия в группе "землевладельцы и другие лица, проживающие в уезде" по данным военно-конской переписи 1912 года, убеждаемся, что в Эстляндской губернии имеется самый низкий показатель - 1,35; Лифляндская губерния занимает предпоследнее место - 1,79. Показатель Курляндской губернии - 2,14 - также значительно ниже среднего показателя по 50 губерниям - 3,17. Это свидетельствует о том, что в Эстляндской и Лифляндской губерниях в данной группе очень много коневладельцев, имеющих одну, в крайнем случае, двух лошадей. Несмотря на наличие крупных арендаторов мыз и фольварков, имеющих десять и более лошадей (особенно в Лифляндской губернии), масса мелких коневладельцев очень снизила общие показатели. В этом существенное отличие Прибалтики от многих губерний Европейской России, где арендой мызной земли занимался крестьянин с наделом, лошади которого во время военно-конских переписей учитывались в группе "у крестьян в сельских обществах".

По сравнению с 1900 годом среднее количество лошадей на одного крестьянина рассматриваемой группы снижается: в Курляндской губернии с 2,16 на 2,14, в Лифляндской - с 1,91 на 1,79, в Эстляндской - с 1,46 на 1,35. В последних двух губерниях такое снижение, сопровождающееся ростом общего количества крестьян - коневладельцев в группе, свидетельствует о росте продажи и аренды мызной земли мелкими участками.

Всё сказанное доказывает обоснованность методики подсчета и классификации крестьянских хозяйств, применяемой эстонскими историками. На наш взгляд, необходимо по этой методике подсчитать социальный состав во всех прибалтийских губерниях.

ЗВИРТЭДИНЬ Индулис Карлович

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛОВ МИТАВСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО
БАНКА

Революция 1905 года вновь напомнила царскому правительству о нерешенности аграрного вопроса в России¹. Создание отделений Крестьянского поземельного банка (далее - КБ) в прибалтийских губерниях явилось одной из попыток решения этого вопроса в пользу местных помещиков.

Н. Бордонос (позже он стал управляющим Митавского отделения КБ) указывал в 1904 году², что первые предложения о создании отделения банка в Лифляндской губернии в 90-х годах XIX века встретили сопротивление у местного дворянства, поэтому ограничились изменением уставов Лифляндского дворянского кредитного общества.

Процесс выкупа крестьянских хозяйств, который в Курляндии начался в 1864 году, к началу XX века еще не был закончен, так как сохранились большие долги, сделанные крестьянами при покупке. К этому времени полностью выкуплены были только 7,4% хозяйств³. Остальные имели долги как у дворян, продавших хозяйства, так и в кредитных обществах.

Закон об учреждении прибалтийских отделений КБ был принят 26 апреля 1906 года⁴. Митавское отделение Крестьянского поземельного банка начало работу 26 июня 1906 го-

¹ Ленин В.И. ПСС, том I9, с.422.

² Бордонос Н.Н. Основы поземельных отношений в Лифляндской губернии, Могилев на Днепре, 1904, стр.129-130, 169.

³ Козин М.И. Экономические предпосылки двух социальных войн в латышской деревне. Известия АН ЛССР, 1974-10, с.69.

⁴ Зак. А.Н., Крестьянский поземельный банк (1883-1910) Москва, 1911, с.384.

да⁵, а первое дело (о продаже имения Ятеля Планецанской волости Гольдингенского уезда) было зарегистрировано 18 июля⁶.

Крестьянский банк покупал землю, отдавал ее в аренду, перепродавал эту землю, а также выдавал ссуды для покупки земли. Ссуды можно сгруппировать следующим образом:

- 1) ссуды для закупки земли у самого банка;
- 2) ссуды для закупки земли у других владельцев при посредничестве банка;
- 3) ссуды для покрытия долгов хозяйств, закупленных ранее без содействия банка.

Эта группировка условна, так как были случаи, когда крестьянин продавал крестьянину хозяйство при посредничестве банка, но уже раньше на это хозяйство была получена ссуда в банке.

Так как на 1 января 1916 года в собственности банка было 22,2 тысячи десятин земли, а с 1906 года по 1915 год банком были проданы 313 земельных участков с общей площадью 6148 десятин⁷, то можно считать, что вообще банком были закуплены 28,3 тысячи десятин земли.

При посредничестве банка (ссуды второго вида) были куплены 1175 участков земли с общей площадью 31369 десятин. Для перевода долгов ранее закупленных 136963 десятин земли было выдано ссуд на сумму 10670470 рублей⁸. Как видно, большая часть ссуд использовалась для перевода долгов ранее купленных хозяйств с дворянских кредитных

5 ЦИА ЛатвССР, ф.548, оп.1, д.2207, л.2.

6 Там же, д.1 л.1.

7 Очерки экономической истории Латвии (1900-1917), Рига, 1968, с.158; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, том.26. С.-Петербург, 1909, с.490-495. Niedre O. Baltijas zemniecības sociālā struktūra XX gs. pirmajos gadu desmitos. Rīga, 1980., 86.lpp.

8 Там же, с.86.

учреждений и частных лиц на Крестьянский банк. В "Очерках экономической истории Латвии"⁹, где коротко охарактеризована деятельность КБ, этот третий вид ссуд не упоминается вообще, хотя по Курляндии он составил основную массу банковских операций.

Перед тем, как покупать землю или выделить ссуду, работниками банка были проведены осмотр и оценка предполагаемого земельного участка. Не все просьбы крестьян о выдаче ссуды были удовлетворены, не все предложенные имения были куплены банком, но представитель банка побывал всюду.

Далее коротко будут охарактеризованы материалы, которые находятся в фонде Митавского отделения Крестьянского поземельного банка в Государственном Центральном Историческом Архиве Латвийской ССР (548 фонд). Фонд разделен на две описи, но так как во второй описи собраны личные дела работников банка, то выборочно рассмотрены материалы первой описи. Основную часть этих материалов составляют дела о тех земельных участках, которые предполагались банку для покупки или на которые просились ссуды. Они занимают дела - I-2206, 2219 и 2220. Сведения об осмотренных хуторах зафиксированы в специальных анкетах. Там указаны площади угодий, коротко охарактеризована почва, отмечены данные о выгуде хутора и о имеющихся долгах. Для обоснования оценки десятины удобной земли приведены сведения об арендных и продажных ценах близлежащих хозяйств. Есть и анкеты, где указаны и сведения об урожаях, о численности скота, о семье хозяина и использовании наемной рабочей силы, о состоянии хозяйства, а также о различиях в распределении земли по угодьям согласно плану и природным условиям. Таким образом, создается представление не только о состоянии хозяйства в момент осмотра, но частично и о развитии хозяйства после выкупа. Нельзя, конечно, характеристику хозяйств, обратившихся к КБ, механически перенести на все хозяйства, выкупленные у помещиков (точное число их

⁹ Очерки экономической истории Латвии (1900-1917) Рига, 1968, с. 157.

неизвестно, можно предполагать, что оно превышает 10 400)¹⁰.

Описи крестьянских договоров, имеющиеся в фондах КБ, родственны материалам земской статистики¹¹, тем более важны они для тех губерний (в том числе и Курляндии), где земской статистики нет.

В исторической литературе высказано мнение, что на начальном этапе функционирования КБ основным его клиентом являлось бедное крестьянство¹², но на третьем этапе деятельности (после 1905 года) его помощь в основном использовало состоятельное крестьянство¹³. Относительно Курляндии надо помнить, что 70% ссуд использовались на погашение выкупных долгов.

В делах 2209 и 2210 сохранились арендные договора закупленных банком земельных участков. Договоры типовые, их основные пункты: арендующий, местонахождение арендуемого участка, время и срок заключения договора, площадь участка, сумма аренды.

В делах 2211-2218 обобщены материалы об арендных договорах по 136 волостям (нет сведений о Талсинском и Тукумском уездах), которые, очевидно, использованы для уточнения оценки. Отдельно по волостям указано название арендуемого хозяйства, общая площадь используемой земли и рас-

¹⁰ Mierīņa A. Agrārās attiecības un zemnieku stāvoklis Kurzemes XIX gs. II pusē. Rīga, 1968., 78.lpp.

¹¹ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с.276-316.

¹² Вдовин В.А. Крестьянский поземельный банк (1883-1895). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1959, с.15.

¹³ Ляпинский Л.И. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978, с.95-96; Иванова Р.М. Материалы крестьянского поземельного банка как источник для изучения социально-экономических отношений в деревне в конце XIX-начале XX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1978, с.23.

пределение по угольям, площадь неудобной земли и общая площадь, общая арендная плата и аренда относительно одной десятины пашни и удобной земли, а также год, когда эти сведения собраны. По отдельным хозяйствам указан и год заключения арендного договора и срок.

Сведения собраны в 1907-1914 годах. Руководитель Курляндского статистического комитета Н. Степанов опубликовал данные об арендных договорах¹⁴. В материалах КБ охвачено больше арендных хозяйств. Разница арендных сумм по отдельным хозяйствам частично объясняется различной оценкой взаимных натуральных обязательств, но разница в оценке земельной площади по обоим источникам для одного и того же хозяйства явно указывает на неточность того или иного источника.

Далее будет рассмотрена "Ведомость земельных оценок"¹⁵, краткая характеристика которой дана в книге О. Ниедре¹⁶. Там обобщены поволостно сведения об арендной цене (1979 случаев), цене продажи за период с 1903 по 1910 гг. (2338 случаев), в 1906-1911 гг., проведенные Крестьянским банком оценки 3524 хуторов, а также данные распорядительного комитета (далее РК) Курляндской губернии о 26023 хозяйствах. Волости Бауского, Виндавского, Газенпотского, Гольдингенского и Талсинского уездов разделены на две группы, Гробинского уезда - на три группы. Группы отличаются по величине оценки десятины удобной земли.

Данные РК в дальнейшем будут использоваться в качестве базисных. Распорядительный комитет в губернии руководил делами повинностей и налогов, для взимания поземельного налога. Последняя всеобщая переоценка земель происходила в 1897-1898 годах¹⁷. Материалы РК охватывают 26 029 крестьянских дворов с общей площадью 910 079 десятин. В I

¹⁴ Степанов Н.М. Сельскохозяйственные отношения в Курляндской губернии. Митава, 1911.

¹⁵ ЦИИ ЛатвССР, ф. 548, оп. I, д. 2227, л. I-9.

¹⁶ Niedre O. Baltijas zemniecības sociālā struktūra..., 25. lpp.

¹⁷ Степанов Н.М. Сельскохозяйственные отношения..., с. 177.

таблице данные РК сравниваются с двумя источниками, наиболее часто используемыми для определения числа и площади крестьянских дворов. Данные этих источников не идентичны. В материалах РК не зафиксирована часть мелких хозяйств.

В материалах РК по каждой волости указано, сколько хозяйств включено в списки, и для среднего хозяйства волости указана общая площадь земли, а также ее распределение на пашню, пастбище, сенокос, лес и неудобную землю (в десятинах), и дана оценка одной десятины удобной земли.

В таблице 2 дано сравнение распределения земли по угодьям с опубликованными данными. По всем уездам (за исключением Илукстенского) данные близко сходятся, что указывает на их достоверность.

О продаже 2338 хозяйств в 216 волостях даны следующие параметры - наибольшая, наименьшая и средняя по волости цена десятины удобной земли при продаже, а также число проданных хозяйств.

В ведомости обобщены сведения 1979 случаев аренды в 208 волостях. Указаны следующие данные: средняя аренда в волости за десятину удобной земли и десятину пашни, число арендованных хозяйств в волости и годовая арендная оценка десятины удобной земли. Отношение первых двух величин, умноженное на 100, дает процент пахотной земли из удобной в арендованных хозяйствах. Этот показатель дает возможность лучше охарактеризовать арендованные хозяйства по сравнению со всеми.

В делах 2211-2218 арендные договоры зафиксированы в 136 волостях. Если сравнивать эти материалы с данными дела 2227 и по каждой волости взять максимальное число, то по губернии получаем 2528 случаев аренды крестьянских хозяйств.

В ведомости включены 3524 случая оценок крестьянских хозяйств самим Крестьянским поземельным банком из 185 волостей. В таблице указаны наибольшая, наименьшая и средняя оценки десятины удобной земли, число определен-

ных хозяйств в волости, средняя площадь оцененных хозяйств, а также распределение этой площади по угодьям.

Так как в ведомость не включены оцененные КБ усадьбы и те хозяйства, которые продал сам банк, то понятно, что эти 3524 оценки сделаны в случаях, когда ссуда нужна была для закупки земли других собственников (при посредничестве КБ) или для погашения долгов ранее закупленных хозяйств. За годы 1906-1911 банком выдано соответственно 415 и 260 таких ссуд¹⁸, то есть из 3524 требований ссуды удовлетворены 3019 (85,6%). Ссуды требовались для хозяйств с общей площадью 135 676 десятин, получены для 116 487 десятин (85,9%).

Средняя площадь хозяйств, подавших заявление на ссуду, в губернии 38,5 десятин. Средние площади по уездам указаны в последней колонке I-й таблицы. Хотя площадь хозяйства не единственный фактор, определяющий принадлежность к какой-то категории, все же можем сделать вывод, что к банку обращались более состоятельные хозяйства. Особенно большие отличия по площади земли у обращающихся к банку в Виндавском, Газепотском и Гробиньском уездах.

В таблице 3 показан процентный уровень оцененных хозяйств.

Ведомость земельных оценок содержит большое количество данных, сравнение и группировка которых очень трудоемка. Обобщение различных параметров в таблицах дает возможность исследовать их взаимосвязи (по строкам таблицы), а также территориальные изменения одного и того же параметра (по колонкам таблицы).

Один из путей решения первого типа задач - исследование взаимных корреляций. Коэффициент корреляции показывает взаимосвязь между двумя переменными величинами, принимает значения от -1 до $+1$. Чем ближе он к предельным значениям, тем теснее связь между рассматриваемыми факторами.

¹⁸ Обзор Курляндской губернии за 1913 год. Митаве, 1914, с. 12.

Положительный коэффициент указывает на прямую зависимость, отрицательный - на обратную зависимость. С определенной вероятностью утверждать, что взаимосвязь существует, можно только тогда, когда коэффициент корреляции по модулю достаточно большой. Допустимое его минимальное значение при заданной точности зависит от числа фиксированных значений переменных, которое можно найти в специальных таблицах. Если коэффициент близок к нулю, взаимосвязь не существует.

Простейший вид взаимосвязи - линейная зависимость. Существование ее между разными параметрами, указанными в "Ведомости земельных оценок", было выяснено.

1-й расчет - на основании данных о проданных хозяйствах и данных РК - проведен для тех волостей, в которых продано более 20% хозяйств. Таких волостей 25. Для того, чтобы с вероятностью 0,95 можно было подтвердить существование линейной связи, коэффициент корреляции должен превышать 0,337 по модулю, процент проданных хозяйств выше там, где большая общая площадь хозяйств и где большую часть земли занимают пастбища ($K = 0,451$ и $K = 0,492$). При продаже земля оценена выше там, где большая часть под пашней ($K = 0,675$), а при возрастании общей площади земли оценка одной десятины ($K = 0,571$). В общем, оценка при продаже и оценка РК определялась одними факторами ($K = 0,844$), а отклонение оценки при продаже от оценки РК значительна там, где большая часть под пастбищами ($K = 0,585$).

2-й расчет - на основании данных об арендованных хозяйствах и данных РК - проведен для тех волостей, в которых арендовано более 20% хозяйств. Таких волостей 39. Оценка десятины удобной земли выше там, где большая часть пашни ($K = 0,780$). Оценка при аренде и оценка РК определены общими факторами ($K = 0,741$), отклонение оценки при аренде больше в тех волостях, где выше оценена десятина удобной земли ($K = 0,786$).

3-й расчет - на основании данных об оценке КБ и дан-

ных РК - проведен для тех волостей, где КБ оценено более 50% хозяйств из числа, указанного РК. Таких волостей 25.

Существует зависимость между площадью удобной земли в хозяйствах, оцененных КБ, и соответствующими данными РК ($K = 0,677$), а также между распределением этой земли под пашню, сенокос и пастбища, по одним и другим данным (соответственно $K = 0,850$, $K = 0,846$ и $K = 0,834$). Отклонение оценки МоКБ от оценки РК уменьшается при увеличении средней площади хозяйства ($K = 0,589$). Оценка земли Крестьянским банком тоже определена процентом пашни ($K = 0,521$), но, кажется, в меньшей мере, чем в тех самых волостях оценка РК ($K = 0,751$).

Последний расчет - на основании различных данных для всех волостей одного уезда (Бауский, Виндавский, Талсинский и Фридрихштэдтский уезды).

Так как продажей, арендой, оценками КБ и РК в разных уездах охвачено разное число волостей, разные и критические значения корреляционных коэффициентов:

<u>Уезды</u>	<u>Продажа</u>	<u>Аренда</u>	<u>Данные КБ</u>	<u>Данные РК</u>
Бауский	0,360	0,369	0,412	0,360
Виндавский	0,521	0,549	0,669	0,521
Талсинский	0,336	0,336	0,400	0,336
Фридрихштэдтский	0,378	0,378	0,378	0,378

Можно сравнить, как в уездах коррелируют оценки земли при продаже, аренде, сделанные Мо КБ с оценкой РК. В следующей таблице приведен процент хозяйств, охваченный оценками продажи, аренды и Мо КБ, от числа хозяйств, указанного РК (верхнее число), и коэффициент корреляции между соответствующей оценкой десятины удобной земли и оценкой РК.

<u>Уезд</u>	<u>Продажа</u>	<u>Аренда</u>	<u>Данные КБ</u>
	9,1	10,3	18,2
Бауский	0,936	0,879	0,649
	8,5	8,6	2,4
Виндавский	0,618	-0,203	0,408

<u>Уезд</u>	<u>Продажа</u>	<u>Аренда</u>	<u>Данные КБ</u>
	8,0	13,0	13,4
Талсинский	0,083	0,429	0,236
	5,8	5,4	4,9
Фридрихштадтский	0,584	0,454	0,522

В Бауском и Фридрихштадтском уездах оценки земли при продаже, аренде, сделанные по КБ, и оценка РК определились общими факторами, там коэффициенты корреляции превышают критические значения; в Виндавском уезде это относится только к продаже, в Талсинском - к аренде.

Представительность данных по КБ по сравнению с данными РК о распределении удобной земли характеризуют взаимные корреляционные коэффициенты:

<u>Уезд</u>	<u>% пашни</u>	<u>% сенокоса</u>	<u>% пастбища</u>
Бауский	0,900	0,802	0,760
Виндавский	0,066	0,204	0,731
Талсинский	0,690	0,676	0,294
Фридрихштадтский	0,631	0,345	0,297

Так как в Бауском и Талсинском уездах большая часть хозяйств охвачена оценкой КБ (16,2% и 13,4%), там и более совпадает использование земли.

Коэффициент корреляции, который показывает зависимость оценки десятины удобной земли и долей пашни (по данным РК) таков: Бауский уезд - $K = 0,994$, Талсинский уезд - $K = 0,959$, Фридрихштадтский уезд - $K = 0,550$ и Виндавский уезд - $K = 0,390$. В первых трех случаях существует признак линейной зависимости. Здесь уместно помнить, что в Бауском уезде под пашней больше половины используемой земли, в Виндавском - немногим больше четверти.

Краткая характеристика материалов Митавского отделения Крестьянского поземельного банка и некоторые нами приведенные примеры сравнительного анализа упомянутых материалов доказывают их значимость для исследований состояния крестьянского хозяйства в Курляндской губернии первых десятилетиях XX века.

Таблица I

Данные о числе и площади крестьянских хозяйств Курляндской губернии

У е з д ы	Число хозяйств			Общая площадь в десятинах			Средняя площадь хозяйства			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4
Бауский	2484	2484	2213	91016	88052	88598	36,64	35,45	40,04	35,80
Виндавский	1980	1980	1809	72796	67348	68356	36,76	34,01	37,79	48,66
Газенпотский	2403	2632	2455	78098	73302	73477	32,50	27,85	29,93	43,48
Гольдингенгский	2633	2633	2418	106772	103565	104479	40,55	39,33	43,21	39,83
Гробинский	3792	3792	3274	72631	66515	66225	19,15	17,61	20,20	37,20
Идукстенский	2609	2516	2509	82023	93764	89044	31,44	37,26	35,49	33,53
Талсинский	2355	2355	2190	89919	82753	84494	38,18	35,14	38,58	43,40
Тукумский	2128	2074	1838	84118	84328	84236	39,53	40,66	45,83	42,43
Добленский	3663	3581	3210	123754	124458	121980	33,78	34,76	38,00	35,05
Фридрихштадтский	4234	4234	4113	129718	127926	129189	30,63	30,21	31,41	32,61
По губернии	28281	28281	26029	930845	912010	910077	32,91	32,24	34,96	38,50

1 Статистика землевладения Курляндской губернии. Вып. 44, СПб, 1906, с. 10.

2 Обзор Курляндской губернии за 1908 год. Митава 1909, с. 21-23, 25-26.

3 ЦИА ЛатвССР, ф. 543, оп. I, дело 2227, лист 1-9, материалы Распорядит. комитета.

4 Там же, материалы о хозяйствах, оцененных Мо КБ.

Таблица 2

Распределение крестьянской земли Курляндской губернии по видам использования в начале XX века (в %)

У е' з д м	Пашня		Сенокос		Пастбища		Лес		Неудобная земля	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Бауский	51,62	51,60	28,62	28,58	19,88	19,78	1,52	1,64	8,41	8,39
Виндавский	26,61	26,87	42,02	42,32	27,14	27,07	1,16	1,18	8,07	8,11
Газенпотокский	48,90	48,94	80,78	80,89	19,82	19,84	1,44	1,26	4,11	4,08
Гольдингенский	40,25	40,85	80,66	80,84	25,40	25,05	0,78	1,00	2,96	3,26
Гробинский	85,88	85,41	89,66	89,80	20,80	20,58	1,60	1,58	8,11	8,12
Добленский	67,64	67,71	18,58	18,89	12,59	12,47	0,52	0,68	5,67	5,79
Илукотенский	55,84	58,11	28,82	25,58	10,55	11,18	7,18	5,10	8,11	5,12
Талсинский	44,88	44,40	80,86	80,10	20,08	19,80	1,54	1,99	8,69	8,71
Тукумский	57,12	57,28	19,74	19,77	16,67	16,74	2,89	2,81	4,08	8,95
Фридрихштадтский	87,62	87,60	28,06	28,02	29,45	29,58	0,96	0,92	8,91	8,88

1 Latvijas zemes Izpildīt. Kurieme. Rīga, 1920., 26.lpp.

2 Рассчитано по материалам ЦГИА ЛатвССР, ф. 548, оп. I, дело 2227, лист I-9.

Таблица 3

Число волостей уезда с соответствующими % оцененных хозяйств

Уезды	Всего всло- стей	Продажа				Аренда				Оценка К Б					
		50	30- 50	10- 30	0- 10	50	30- 50	10- 30	0- 10	70	50- 70	40- 50	30- 40	20- 30	0- 20
Бауский	20	-	1	5	14	-	-	9	11	-	2	2	2	-	14
Виндавский	11	-	-	6	5	1	-	4	6	-	-	1	2	-	8
Газенпоттский	28	1	-	11	16	2	2	13	11	3	1	5	3	1	10
Гольдингенский	23	2	3	10	8	1	-	9	13	3	1	1	1	1	16
Гробинский	13	-	1	3	9	-	-	2	11	2	1	-	-	3	7
Добленский	33	-	-	14	19	-	1	8	24	2	1	1	2	3	24
Илукстенский	17	-	3	8	6	-	1	2	14	-	1	2	1	4	9
Талсинский	28	1	1	8	18	2	3	17	11	1	2	1	4	1	19
Тукумский	28	-	-	5	23	-	1	16	10	-	4	1	1	3	19
Фридрихштадтский	22	-	-	5	17	-	1	6	15	-	1	-	1	2	18
По губернии	223	4	9	75	135	6	14	76	126	11	14	14	22	18	144

ЭВАРДСОНЕ Инна Имантовна

СРАВНЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ТРЕХ
ВОЛОСТНЫХ ПРАВЛЕНИЙ КУРЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ
С МАТЕРИАЛАМИ СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА
ГУБЕРНИЙ, ИЗДАННЫХ В 1912 ГОДУ

Цель работы - сравнить статистические материалы начала 20-го века Гавезенского, Маткуленского и Яунпилсского волостных правлений с изданными в 1912 году Статистическим Комитетом Курляндской губернии под редакцией Степанова Н.М. материалами по статистике земельной собственности. В последнем источнике имеются сведения о названиях и общей площади земли более чем 26 тысяч крестьянских хозяйств в Курляндской губернии, которые распределены по волостям. В то же время отсутствуют какие-то указания, являются ли эти хозяйства собственностью крестьян или отданы им в арендное пользование. Нам также не известно, упомянуты ли в материалах статистического комитета все крестьянские хозяйства. Частичный ответ на данный вопрос может дать сравнение упомянутых материалов с другими источниками. Данная работа является одним из таких сравнений.

В предисловии к материалам статистического комитета упоминается, что "в настоящем издании собраны все материалы по землевладению в Курляндской губернии"¹. Там же отмечено, что "материал распределен на УП отделов: городские поселения, пастораты, имения в пользовании различных обществ и учреждений, казенные имения, лесничества, имения частных лиц, усадьбы". Кроме того, в издании приведены продажные и арендные цены по волостям и

¹ Землевладение в Курляндской губернии. Материалы по статистике земельной собственности, продажные и арендные цены / Под ред. Н.М.Степанова. Митава, 1912, Предисловие.

уездам губернии.

Помещенные в сборнике статистические материалы, характеризующие общие размеры землевладений Гавезенской, Маткуленской и Яунпилсской волостей, являются главным источником исследования. Чтобы раскрыть содержание этого важного источника и возможности его использования, помещенные в нем материалы, характеризующие земельную собственность и ее общие размеры в Гавезенской, Маткуленской и Яунпилсской волостях, сравниваются со статистическими материалами уже упомянутых трех волостей такого же характера, находящимися в фондах Центрального государственного архива ЛатвССР.

Судя по "Землевладению в Курляндской губернии", в Гавезенскую волость Гробиньского уезда входили такие экономические единицы, как Гавезенское имение, Сустенское имение, Гробиньский пасторат и 73 крестьянские усадьбы, а также Сустенская волостная школа². Кроме того, имеется примечание о том, что Гробиньскому пасторату еще принадлежало 10 крестьянских усадеб общей площадью в 33 десятины³. Таким образом, общая площадь указана в размере 14242,28 десятин, причем крестьянские усадьбы занимали 3289 десятин (23,1%). По названию источника и предисловию можно сделать заключение, что все 73 крестьянские усадьбы были проданы, к тому же II из них в списке значатся как батрацкие усадьбы⁴.

В материалах Гавезенского волостного правления находятся составленные в 1909 и в 1910 годах списки, в которых указываются принадлежавшие Гавезенскому и Сустенскому имениям земельные площади и их размеры, перечисляются принадлежавшие имениям крестьянские усадьбы, лесничьи усадьбы, подмызки, корчмы и т.д. и указываются их

2 Землевладение в Курляндской губернии, с.196,203-204.

3 Там же, с.196.

4 Там же, с.196.

размерн⁵. В составленном в январе 1910 года списке имений, крестьянских усадеб и поселений Гавезенской волости указаны земельные площади 77 крестьянских усадеб⁶. В другом, немного раньше (в 1909 году) составленном списке упомянуты земельные площади 62 частновладельческих и 10 арендуемых крестьянских усадеб, детально отображена структура посевов и количество принадлежавшего этим хозяйствам домашнего скота. В этих списках нет сведений о Гробиньском пасторате, кроме указания на его наличие в пределах волости⁷.

Сравнивая оба источника, следует отметить, что они составлены примерно в одном промежутке времени (в 1909, 1910 и 1912 году).

По статистическим материалам Гавезенского волостного фонда можно заключить, что хозяйственную структуру Гавезенской волости составляли хозяйства двух упомянутых имений, хозяйство Гробиньского пастората, а также 62 проданные крестьянские усадьбы и 10 арендуемых крестьянских усадеб. Территория Гавезенской волости, не считая площади Гробиньского пастората, которую по этому источнику определить не удалось, занимала 10 667 десятин земли⁸, то есть на 3575,28 десятины меньше, чем указано в материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии. Принадлежавшие Гавезенскому и Сустенскому имению земельные площади в обоих источниках отличаются. По материалам Гавезенского волостного правления Гавезенскому имению принадлежало 4148 десятин земли, а Сустенскому имению 3148 десятин земли⁹, в свою очередь, в материалах

5 ЦГИА ЛатвССР, ф.6277, оп.1, ед.хр.55, л.47-98.

6 Там же, л.97-98.

7 Там же, л.47-49.

8 Там же, л.97-98.

9 Там же.

по статистике земельной собственности в Курляндской губернии соответственно указано 6800 и 3906 десятин¹⁰. В статистических материалах Гавезенского волостного правления земельные площади имений указаны без учета земель, отдаваемых в аренду крестьянских хозяйств, зато в материалах по статистике земельного пользования указана территория имений. Интересные результаты получаем, сопоставляя данные обоих источников о Гробиньском пасторате. Материалы по статистике земельной собственности в Курляндской губернии указывают принадлежавшую пасторату земельную площадь (247 десятин)¹¹, а примечание на 196 странице помогает определить фактическое местоположение упомянутых в списках 1909 и 1910 годов 10 арендуемых хозяйств, которые сдавались в аренду крестьянам волости Гробиньским пасторатом. В общей сложности пасторат сдавал в аренду, по материалам статистики земельной собственности, 10 хозяйств с 334 десятинами земли¹², а по материалам Гавезенского волостного правления, - 10 хозяйств с 392,5 десятинами земли¹³.

Намного труднее сравнивать материал о крестьянских усадьбах. По поводу 62 крестьянских усадеб Гавезенской волости не существует разногласий, так как и в материалах по статистике земельной собственности, и в статистических материалах Гавезенского волостного правления их названия и указанные земельные площади полностью совпадают. В обоих источниках эти хозяйства указаны как проданные¹⁴.

В противоположность этому в материалах по статистике земельной собственности упомянутые II батрацких участков в составленном в 1910 году списке указаны как принадлежащие Сустенскому имению (земельные площадки совпадают)¹⁵.

10 Землевладение в Курляндской губернии, с.196.

11 Там же.

12 Там же.

13 ЦГИА ЛатвССР, ф.6277, оп.1, ед.хр.55, л.98.

14 Землевладение в Курляндской губернии, с.196.

15 ЦГИА ЛатвССР, ф.6277, оп.1, ед.хр.55, л.97.

Следует предполагать, что различия в сведениях обоих источников объясняются тем, что с 1910 по 1912 год Сустенское имение продало эти участки.

В материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии не упоминается Гавезенское волостное правление и Гавезенская волостная школа и им принадлежащие площади земли, а указана лишь Сустенская волостная школа и ее земля в размере 0,28 десятины¹⁶.

В целом, оставляя в обоих источниках упоминающиеся факты о Гавезенской волости, удалось сделать несколько важных заключений: 1) какова площадь земли, принадлежавшая Гробиньскому пасторату; 2) что упоминающиеся в статистических материалах Гавезенского волостного правления 10 арендуемых хозяйств крестьянам волости отдал в аренду Гробиньский пасторат; 3) в материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии приведены лишь проданные крестьянам хозяйства; 4) сведения о наличии 11 новых крестьянских участков в Гавезенской волости в 1912 году существенно изменяют представление о числе мелких крестьянских хозяйств в Гавезенской волости. Следовательно, в материалах по земельной собственности в Курляндской губернии в 1912 году в Гавезенской волости было всего 13 мелких крестьянских хозяйств, то есть 17,8% от общего числа хозяйств¹⁷. Прибавив к перечисленным в этом источнике хозяйствам еще 10 известных нам крестьянских усадеб, отданных пасторатом в аренду (каждой из них принадлежало выше 30 десятин земли, и следует предполагать, что среди них не было мелких хозяйств), можем вычислить, что в 1912 году в Гавезенской волости примерно 15,7% из общего числа крестьянских усадеб были мелкими; 5) по ходу анализа собранных в сборнике "Землевладение в Курляндской губернии" материалов, относящихся

¹⁶ Землевладение в Курляндской губернии, с.204.

¹⁷ Там же, с.203-204.

к Гавезенской волости, обнаруживается внутренняя противоречивость этого источника. Так как автор распределял всю землю по принципу собственности, возникает вопрос, почему принадлежавшая Гробиньскому пасторату площадь земли указана лишь в размере 247 десятин, а не в размере 581 десятины, то есть без 10 арендуемых хозяйств¹⁸. Закономерно возникает и вопрос о том, зачислена ли в указанные площади имений земля выдаваемых в аренду хозяйств. Так как между материалами по статистике земельной собственности в Курляндской губернии и статистическими материалами Гавезенского волостного правления существуют значительные расхождения, следует полагать, что в сборнике "Землевладение в Курляндской губернии" указанные площади имений включают территории сдаваемой в аренду земли.

В материалах по статистике земельной собственности находящиеся сведения о Маткуленской волости Талсинского уезда, в основном можно сравнить с составленным в 1900 году списком площадей крестьянских усадеб Маткуленской волости, в котором, наряду с земельными площадями каждой из усадеб, указано распределение земли по способу использования¹⁹. По другим материалам Маткуленского волостного фонда удалось определить лишь то, что наряду с упомянутыми 107 крестьянскими усадьбами, в Маткуленскую волость в начале 20-го века входили хозяйства имений Маткуле, Бринк-Педвале, Фиркс-Педвале, Когоули, Калнамуйка и Оберлангседене, а также Маткуленское лесничество и 81 имение сдаваемых в аренду хозяйств²⁰. К сожалению, в материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии находящиеся сведения о Маткуленской волости не заполняют все пробелы в знаниях о ней.

18 Землевладение в Курляндской губернии, 1912, с.196.

19 ЦГА ЛатвССР, ф.1072, оп.1, ед.хр.1570, л.8-12.

20 Там же, л.1: 8.

21 Землевладение в Курляндской губернии, с.270-273.

В этом сборнике статистических материалов находят-ся лишь сведения о размерах земельных площадей трех имений Маткуленской волости: Бринк-Педвале (1249 десятин), Фиркс-Педвале (900 десятин) и Калнамуижа (в источнике Оренберг, 1124 десятины)²¹. Маткуленское лесничество здесь не упоминается.

Судя по "Землевладению в Курляндской губернии", в 1912 году в Маткуленской волости было 125 крестьянских хозяйств, девять из которых - солдатские земельные участки²².

Всего крестьянам волости принадлежало 6326,1 десятины земли (в среднем 50,61 десятины на каждую усадьбу)²³.

В списке крестьянских усадеб Маткуленской волости, составленном в 1900 году, упомянуты 104 из 125 указанных в материалах по статистике земельной собственности крестьянских усадеб, а три усадьбы - Кроки (33 десятины), Баумейстери (56 десятин) и Сникери (54 десятины) в этих на 12 лет позже составленных статистических материалах больше не упоминаются²⁴.

Земельные площади 78 указанных в обоих источниках крестьянских усадеб совпадают или разница между ними не превышает одной десятины. В 18 случаях размеры хозяйств увеличились в общей сложности на 124,73 десятины, в том числе в 3 случаях более чем на 20 десятин. В противоположность этому, земельные площади 8 крестьянских усадеб уменьшились в общей сложности на 46 десятин, в том числе земельная площадь лишь одной усадьбы (Вецкруши) сократилась на 20 десятин, то есть почти вдвое. В остальных случаях сокращения земельных площадей малозначительны.

22 Землевладение в Курляндской губернии, с.292-294.

23 Там же.

24. ЦИА ЛатвССР, ф.1072, оп.1, ед.хр.1570, л.8-12; Землевладение в Курляндской губернии, с.292-294.

В материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии находятся сведения о 15 крестьянских усадьбах и о 6 солдатских земельных участках, которые в ранее составленном списке крестьянских усадеб не упоминаются. Следует полагать, что два из упоминающихся здесь солдатских участков были в Маткуленской волости и в 1900 году, так как в составленном в этом году списке крестьянских усадеб есть примечание о том, что на территории волости находятся два солдатских участка (их владельцы и земельные площади не указаны)²⁵. Значит, в течение 12 лет в Маткуленской волости прибавилось 19 новых хозяйств, а 3 крестьянские усадьбы, которые в материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии больше не упоминаются, в 1912 году больше не существовали.

В общей сложности земельная собственность крестьян Маткуленской волости с 1900 по 1912 год возросла на 663,31 десятины, но средние размеры крестьянских усадеб за счет 4 прибавившихся солдатских земельных участков немного сократились (в среднем на 2,32 десятины на каждое хозяйство). Следовательно, к 1912 году изменились и соотношения различных групп крестьянских усадеб в Маткуленской волости. Если в 1900 году мелкие усадьбы составляли 6,5% от общего числа, то в 1912 году удельный вес мелких крестьянских усадеб составлял 10,4% всех крестьянских усадеб Маткуленской волости.

На территории Маткуленской волости находился также дом волостного правления и волостная школа, в пользовании которых было соответственно 7,85 и 4,19 десятины земли (как в одном, так и в другом источнике указанные земельные площади совпадают)²⁶.

25 ЦГИА ЛатвССР, ф.1072, оп.1, ед.хр.1570, л.8-12.

26 Землевладение в Курляндской губернии, с.294; ЦГИА ЛатвССР, ф.1072, оп.1, ед.хр.1570, л.12.

В целом, можно заключить, что сопоставляя два разных источника, характеризующих Маткуленскую волость Талсинского уезда, наряду со сведениями о размерах земельных площадей в трех имениях Маткуленской волости, мы получаем и определенное представление о развитии крестьянской земельной собственности в Маткуленской волости с 1900 по 1912 год. Яунпилсская волость Тукумского уезда охарактеризована подробнее других в связи с тем, что автору были доступны два важных источника: список жителей на 23 апреля 1911 года и списки налогоплательщиков 1905 и 1906 годов, в которых, наряду с суммами налогов, указаны земельные площади крестьянских усадеб и распределение земли по способу использования²⁷. Сопоставляя данные этих источников с материалами по статистике земельной собственности в Курляндской губернии, убеждаемся, что в общих чертах они совпадают. Оба источника свидетельствуют, что в Яунпилсскую волость в начале века входили такие хозяйственные единицы, как Яунпилское имение (Нейенбург), Лаукмуйжское имение (Фельдгоф), частновладельческие крестьянские усадьбы и Яунпилльский пасторат. В материалах по статистике земельной собственности общая площадь волости занимала 13 488 десятин, а по материалам Яунпилского волостного фонда - 13 452 десятины (не считая площадь Яунпилского пастората, которая здесь не указана)²⁸. Таким образом, материалы по статистике земельной собственности в Курляндской губернии выясняют размеры принадлежавшей Яунпилскому пасторату земли (100 десятин)²⁹. Земельная площадь обоим имениям, как в одном, так и в другом источнике указана почти одинаковая. Яунпилскому имению принадлежало

27 ЦГА ЛатвССР, ф.938, оп.1, ед.хр.117, л.2-113; ф.938, оп.1, ед.хр.150, л.1-7.

28 Землевладение в Курляндской губернии, с.304-307,319-320; ЦГА ЛатвССР, ф.938, оп.1, ед.хр.150, л.1-7; ф.472, оп.13, ед.хр.104, л.60-62.

29 Землевладение в Курляндской губернии, с.304-307.

7040 десятин земли (по материалам Яунпилсского волостного фонда - 7024 десятины), а имению Лаукмуйжа - 743 десятины (по обоим источникам).

Сравнивая перечень крестьянских частновладельческих усадеб Яунпилсской волости в материалах по статистике земельной собственности с указанными в списке налогоплательщиков крестьянскими частновладельческими усадьбами, убеждаемся, что среди 81 крестьянской усадьбы, указанной в материалах по статистике земельной собственности, находятся 76 из 80 усадеб, указанных в списке налогоплательщиков³⁰. Принадлежавшие этим 76 усадьбам земельные площади в обоих источниках полностью совпадают, кроме 4 случаев, когда указанные земельные площади различаются лишь на 1 десятину. Список налогоплательщиков выясняет и земельную площадь, принадлежавшую усадьбе Атали (68 десятин), которая в материалах по статистике земельной собственности не указывается. В материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии, в отличие от списка налогоплательщиков Яунпилсской волости, упомянуто 5 новых названий усадеб: Витини, Дедзинь-Булли, Дачке, Йожи и Стабини. Хозяйство Витини, по-видимому, образовалось из двух упоминающихся в списке налогоплательщиков усадеб - Леяс-Витини и Кална-Витини, так как общая площадь усадеб совпадает с земельной площадью усадьбы Витини. Остальные четыре усадьбы, не упоминающиеся в списке налогоплательщиков, очевидно, были куплены с 1906 по 1911 год, так как и в списке жителей Яунпилса, составленном в 1911 году, эти четыре хозяйства тоже указаны. Так как нам известно, что указанные в материалах по статистике земельной собственности усадьбы Атали,

³⁰ Землевладение в Курляндской губернии, с.319-320; ЦГИА ЛатвССР, ф.938, оп.1, ед.хр. 150, л.1-7.

Пакимши, Янемаш, Атвасаи и Бекери их хозяевами сдавались в аренду³¹, можно сделать вывод о том, что в материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии указаны все крестьянские усадьбы, включая и т., которые их владельцы сдавали в аренду. Уже сравнивая статистические материалы волостных фондов Гавезенской и Маткуленской волостей с материалами по статистике земельной собственности в Курляндской губернии, мы убедились в том, что ни в списки крестьянских усадеб Гавезенской, ни в списки крестьянских усадеб Маткуленской волости не были включены усадьбы, сдаваемые в аренду именьями. В списке жителей Дунпилсской волости указано 9 сдаваемых в аренду Дунпилским именем хозяйств³², но ни одно из них не указано в материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии. На основании этого делаем вывод о том, что в этом сборнике статистических материалов отражаются лишь крестьянские частновладельческие усадьбы Дунпилсской волости.

В заключение следует отметить некоторые закономерности, которые проявляются при сопоставлении материалов, характеризующих упомянутые три волости в различных источниках. Во-первых, в материалах по статистике земельной собственности в Курляндской губернии зарегистрированы только проданные, а также отданные в аренду так называемые "Крестьянские участки". (Последние, по определению властей, относились к юридической категории "крестьянская земля"; которая в Курляндской губернии, в отличие от остальных губерний Европейской России, как юридическая категория не существовала). Во-вторых, так как в материалах по статистике земельной собственности в Курляндской

31 Степанов Н.М. Сельскохозяйственные отношения в Курляндской губернии. Статистический очерк. Митава, 1911, с.162.

32 ЦГА ЛатвССР, ф.938, оп.1, ед.хр.117, л.9-16.

губернии указывается лишь принадлежащая каждой из крестьянских усадеб общая земельная площадь, то опираясь на этот источник, трудно определить соотношение крупных, средних и мелких крестьянских усадеб. Этот источник дает приблизительное представление о количестве мелких усадеб, так как к их числу можно отнести батрацкие усадьбы, солдатские земельные участки, а также те крестьянские хозяйства, принадлежащая которым земельная площадь не превышает десяти десятин.

В целом материалы по статистике земельной собственности в Курляндской губернии характеризуют отношения земельной собственности и не дают достаточно ясного представления о фактических условиях землепользования. В то же время, используя другие источники, характеризующие любую из волостей Курляндской губернии, целесообразно их сравнивать с материалами по статистике земельной собственности в Курляндской губернии. Это поможет дополнить создающееся более полное представление об условиях землепользования того времени.

СТРОДС Хейнрих Петрович

ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
ЛАТВИИ

Проблема генезиса капитализма в сельском хозяйстве Латвии изучена еще недостаточно. Это обусловлено не только молодостью латвийской советской историографии и сложностью проблемы, но и выраженной дискуссионностью вопроса, причем не только в советской, но и в зарубежной историографии. Если в советской и зарубежной марксистской историографии спор шел главным образом о конкретных формах, темпах и сроках разложения феодального и генезиса капиталистического строя, то представители зарубежной буржуазной историографии нередко пытались исказить суть данной проблемы, с одной стороны, утверждали, что капитализм, мол, "извечен", а с другой - пытались свести ее к одним только переменам в "хозяйственной ментальности" помещиков и крестьян в период перехода к "индустриальному обществу".

Вместе с тем нельзя и недооценивать исследования советских историков в этом направлении. Главной заслугой латвийских советских историков - исследователей переходного периода от феодализма к капитализму, работавших под прямым влиянием дискуссии советских историков по этой проблеме, является конкретно-историческое изучение аграрного вопроса. Правда, их работы далеко еще не охватывают всю территорию Латвии и всю проблематику генезиса капитализма. Больше "посчастливилось" истории классовой борьбы крестьянства Видземе, или латышской части Лифляндской губернии (М.Степерманис, М.Аболиня, Я.Зутис, И.Степране), меньше-экономической истории латышской деревни (Я.Зутис, М.Аболиня, М.Сваране, Х.Стродс). Разумеется, исследование генезиса капитализма в сельском хозяйстве Латвии требует изучения не только аграрной истории, но и развития городского производства, торговли, городской социальной жизни, быта и идеологии (Г.Енш, Б.Вилкс, М.Таубе, А.Зейда).

Ввиду того, что многие кардинальные вопросы - история торговли, кредита, ремесла, идеология помещиков и крестьян, демография и др. - еще ждут своих исследователей, в данной работе высказываются лишь некоторые предварительные суждения, которые в ходе последующих исследований могут быть уточнены или отвергнуты. Это особенно относится к XVI - первой половине XVII в.

Спорадическое появление элементов капитализма в сельском хозяйстве Латвии (XVI - первая половина XVII в.)

Победа капиталистических отношений не возможна прежде всего без наличия крупных капиталов, образования класса людей, готовых продавать свою рабочую силу¹, достижения определенного уровня товарного производства и обмена. Поэтому важно определить, в каких формах эти явления встречались в Латвии в период, когда в передовых странах Европы уже победили капиталистические отношения, или же просто выяснить, что существовало вместо них и какое влияние оказали инациональные государства, в которых в течение веков входила Латвия.

Вопрос о влиянии инациональных государств - Речи Посполитой, Швеции, Дании, - в состав которых входили латышские земли после их завоевания немецкими феодалами в XIII в., на социально-экономическое развитие этих земель практически не исследован. Тем не менее представители немецкой, польской, шведской и русской дворянско-буржуазной историографии нередко утверждали, что в период, когда латышские земли входили в состав именно "их" национального государства, наблюдалась более или менее полная хозяйственно-культурная интеграция этих земель с метрополией и в результате - их расцвет. В то же время латышская

¹ Дружинин Н.М. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США. - "Новая и новейшая история", 1972, № 4, с.14.

буржуазия и ее историография, особенно в 30-х годах XX в., как правило, подчеркивала некую "самостоятельность" и "самобытность" латышских земель под властью завоевателей, но при этом в зависимости от политической ориентации латышской буржуазии и международной ситуации латышская буржуазная историография давала положительную оценку вхождению латышских земель в то или иное инациональное государственное образование. Обе эти точки зрения явно тенденциозны и не могут быть признаны соответствующими действительности. Степень органического "вписывания" латышских земель в инациональные государственные образования зависела от уровня социально-экономического и культурного развития и централизации последних, от государственной политики, отдаленности метрополии и длительности пребывания в ее составе. Этот процесс тормозился колониальной эксплуатацией и сохранением "особого статуса" немецких дворянско-буржурских господствующих сословий. Поэтому латышские земли, разумеется, нельзя рассматривать только как чисто механические "вкрапления" в инациональные государственные образования, но в то же время нельзя и отрицать сохранение этими землями некоторых элементов самобытности и определенного автономного статуса.

Как бы то ни было, для экономики Латвии характерны были те же основные черты, что и для экономики соседних стран, - развитие мызно-барщинного хозяйства, рост имущественного неравенства крестьянства, - правда, с наличием значительных особенностей.

Мызно-барщинное хозяйство в Латвии развивалось быстрее и интенсивнее, чем на других территориях к востоку от Эльбы, и в конце XV и в первой половине XVI в. стало господствующим². Утверждение мызно-барщинного хозяйства в Латвии имело следствием углубление, а позднее - консервацию феодально-крепостнических отношений.

2 Доряденко В.В. Основные проблемы аграрной истории Латвии в XVI веке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. историч. наук. Риг, 1964, с.44-46.

Всеобъемлющий характер дворянских привилегий и вообще исключительное место и роль феодального господствующего класса как в деревне, так и в городе, по-видимому, в значительной степени объясняются феодально-колониальным характером его господства над инонациональным большинством трудового люда Латвии. Это привело к исключительной организованности господствующего класса, окружившего себя, как крепостными стенами, целой системой привилегий и создавшего прочную экономическую, социальную и идеологическую базу для господства немецкого эксплуататорского меньшинства. Такое положение наблюдалось не только в деревне, но и в городах Латвии, где торговля и ремесло, как правило, по германскому образцу были организованы корпоративно - в цехах и гильдиях. Доступ "не-немцев" в эти феодально-корпоративные учреждения в период позднего феодализма был полностью запрещен. Феодально-корпоративный характер социально-экономической организации господствующего класса в деревне способствовал гипертрофии дворянских привилегий и усиливал их социально-экономическое значение.

Гипертрофия дворянских привилегий способствовала усилению личной зависимости крестьянина от помещика и развитию барщины и товарного производства в имениях. Если до утверждения мызно-барщинного хозяйства основными экспортными зернами в Латвии были Ливонский орден и епископы, а вассалы в основном вели натуральное хозяйство, то в XVI в. основными производителями товарного зерна становятся помещики³. Хотя в области сельскохозяйственной техники в период с начала XVI до середины XVII в., видимо, не произошло сколько-нибудь существенных сдвигов, помещикам путем увеличения эксплуатации брачных крестьян и расширения земельных угодий имений удалось увеличить

³ Ahvensinen J. Der Getreidehandel Livlands im Mittelalter. Helsinki, 1963, с.227.

производство зерна для рынка⁴. Этому в значительной степени способствовало и воздействие революции цен, в результате которой цены в твердой валюте на зерно и лен за XVI в. возросли в 2-3 раза, а на продукты животноводства - даже в 3-4 раза. В конце XVI в. некоторые помещики (например, Г.Тизенгаузен) продавали рижским купцам ежегодно 40-50% урожая своих имений⁵. Кроме того, некоторые помещики (тот же Г.Тизенгаузен) скупали для продажи продукты у крестьян. Однако рост товарного производства в имениях - превращение в товар подчас до 50% полученного зерна - не нарушал в Латвии господства крестьянского натурального хозяйства⁶ - важного условия существования барщинного хозяйства.

Наемный труд в единичной, случайной форме существовал, как известно, в условиях и рабовладельческого, и феодального способа производства. Первое упоминание в источниках о применении наемной рабочей силы (*medeling*) на сельскохозяйственных работах в имениях Видземе относится к 1386 г.⁷ Это, видимо, было связано с имущественным расслоением крестьянства. Распространение подворного крестьянского землепользования, обычно с соблюдением принципа майората (особенно в Курземе и Видземе), создало условия, при которых основой обложения крестьянского двора повинностями в Латвии были земля и имущество крестьянского двора и сами семьи крестьян-"хозяев" "производили" безземельных и малоземельных. Этот процесс не был в сколько-нибудь в значительной степени, особенно в западной

4 Dunsdorfs E. Der grosse schwedische Kataster in Livland. Stockholm, 1950, с.115, 137.

5 Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVII веке. Рига, 1960, с.294-295.

6 Бирон А.К., Дорошенко В.В. Советская историография Латвии. Рига, 1970, с.75.

7 *Latviešu konversācijas vārdnīca*, I. Rīga, 1927-1929, с. 260-261.

Латвии, задержан и распространением хозяйств "половинщиков" (*pušelnieki*), появившихся в случае, когда отцовский двор наследовали два сына. С середины XV в., а особенно в XVI в. в латвийской деревне растет слой мало-земельных и безземельных людей - так наз. "одноногих" (*unipedes*), "валиниек" (*lostreiber*), которые частично работали на барщине, а частично обладали правом передвижения и работали по найму⁸. Отсутствие письменных договоров о найме и исследований о развитии найма не позволяли судить об условиях и характере этого явления, но следует полагать, что в найме доминировали принуждения и кабала. К концу XVI в. количество "валениек" и т.п. достигло 1/3 - 1/2 числа крестьян-"хозяев"⁹.

Рабочая сила различных наймитов (*mietlinge*) в XVI - XVII вв. играла в латвийской деревне порой значительную, а в некоторых случаях и главную роль, особенно в небольших имениях. Наймиты испытывали экономический и особенно внеэкономический гнет помещиков. Уже постановление Елгавского ландтага 1606 г. строго определило отношения между хозяевами и наймитами, а также хозяевами и работниками, прибывавшими в страдную пору из Литвы.

Наряду с прямым наймом в имениях возник косвенный и принудительный наем арендаторами дворов рабочей силой крестьян, оплата труда которых производилась в основном натурой и землей. В результате в XV - XVII вв. образовался слой так наз. пиртников, мебуветов и др., сидевших на крестьянской земле¹⁰. Поскольку эти люди за спиной крестьян-хозяев скрывались от имения и имели неконтролируемые доходы, помещики, особенно в Видземе, уже в XVII в.

8 Schwabe A. Grundriss der Agrargeschichte Lettlands. Riga, 1928, с.76-78; Švābe A. Latvijas tiesību vēsture, II.

9 Дорошенко В.В. Основные проблемы аграрной истории Латвии в XVI веке, с.72.

10 Švābe A. Latvijas tiesību vēsture, II, с.23.

стремились ликвидировать этот слой. Постановлением Лимбажского ландтага 1647 г. предписывалось перевести пирт-ниеков, иебувиетов и т.п. на положение батраков или хозяев¹¹. Неспособность удовлетворить потребности рынка в вольнонаемном труде в Курземе в 1633 г. привела к законодательству против "чрезмерной заработной платы" и к установлению максимального уровня платы¹². Лифляндские помещики в 1643 г. в законопроекте Менгдена предусмотрели запрещение найма валениеков и на поденную наемную работу¹³.

В общей сложности применение наемной рабочей силы, конечно, носило спорадический характер и не оказывало серьезного влияния на феодальный способ производства. Это, однако, не означает, что в рассматриваемый период не наблюдалось новых явлений в характере найма. Так, в ХУП в. в имениях бюргеров города Риги существовала издольщина, причем издольщики по своему социальному положению были весьма близки к капиталистическим издольщикам периода, последовавшего за отменой крепостного права¹⁴.

После опустошений Северной войны и связанной с ней чумы усиливается применение наемной рабочей силы в тех имениях, где не хватало барщинных крестьян, а также на работах, в которых крестьяне обычно не имели необходимых навыков (например, при строительстве и отделке дворов помещиков). Затраты на оплату рабочей силы, судя по некоторым фрагментарным данным, не превышали 5-10% общего денежного дохода имений, и применение ее, по-видимому, носило

11 *Rescivus Conventus Terrestris Lemsalensis den 7 Augustus Anno 1647* (ЦГИА ЛатвССР, ф. 214, оп. 2, д. 186, л. 142-145).

12 *Serephim A. Die Geschichte des Herzogtums Kurland (1561-1795)*. Reval, 1904, с. 267-268.

13 *Landrecht des Fürstenthums Lievland 1643 von Engelbrécht von Mengden* (ЦГИА ЛатвССР, ф. 214, оп. 2, д. 288, кн. I, глава 7, § 18).

14 *Meņina Dz. Agrārās attiecības Rīgas lauku novadā 17.-18.gv.* Rīga. 1962, с. 174.

в основном потребительский характер. Предпринимательский характер применение наемной рабочей силы получило в имениях патримонциального округа Риги. В начале XVIII в. наемные рабочие составляли здесь 20-25% всех работоспособных людей¹⁵. В то же время в других областях Латвии (например, в Курземе), возможно, наблюдалось своего рода торможение расслоения крестьянства, хотя в общем деление крестьян на дворохозяев, батраков и валинисков уже достигло широких размеров.

К XVIII в. относится начало мануфактурного периода развития промышленности в Латвии, а также начало образования зачатков латышского предпролетариата и, возможно, мелкой буржуазии. Территориально мануфактурная промышленность (прежде всего более 100 крепостных мануфактур курляндского герцога и первая, судя по счетам за 1629-1749 гг., использовавшая исключительно наемную рабочую силу, кирпичная мануфактура в Елгаве¹⁶ концентрировалась в основном в сельской местности юго-западной части Латвии, а также в Риге.

На экономическое развитие Латвии оказывал большое влияние факт наличия протяженного морского побережья и таких портов, как Рига и Вентспилс, поддерживавших постоянные тесные контакты со странами Западной Европы, где развивался капитализм. В XVIII в. господствующее положение в морской торговле и, в значительной мере, также в экономике городов Латвии все в большей степени стал занимать купеческий капитал первой европейской капиталистической страны - Нидерландов. Воздействие этого капитала на экономику Латвии, однако, не изучено. Рижские купцы в финансовом отношении находились в зависимости от заграничных кредиторов, особенно нидерландских купцов, которые

15 Liepiņa Dz. Agrārās attiecības Rīgas lauku novadā 17.-18.gs., с.132.

16 ЦГА ЛатвССР, ф.651, оп.1, д.249.

брали чисто средневековые проценты - 15-20% годовых. В 1736 г. в Риге был основан торговый банк, который давал купцам деньги в кредит за 6% годовых¹⁷.

Согласно господствовавшему в средневековье принципу, доходы от торговли принадлежали купцам. Рижские купцы, специализировавшиеся на торговле с крестьянами (Bauernhändler), скупали сельскохозяйственную продукцию и непосредственно у них. Такие торговые сделки крестьян с купцами и потребителями, особенно в случаях, когда имел место явный дефицит сельскохозяйственной продукции, могли приводить к получению крестьянами "некрестьянских доходов". Особенно это имело место в шведской Лифляндии (Видземе). В руках отдельных богатых крестьян здесь накапливались деньги, которые они отдавали зачастую займы помещикам и правительству¹⁸, получая в залог крестьянский двор или освобождение от барщины (leimann). Правда, такие примеры пока единичны, однако трудно полагать, что хотя бы большинство такого рода сделок нашло отражение в письменных источниках и что они всегда по сути дела являлись только закамуфлированными выкупными операциями. Более выраженный процесс накопления денежных средств в руках латышского населения происходил в городах, где складывалось латышское купечество и особенно прослойка ремесленников, среди которых, видимо, были и представителями нарождавшейся латышской мелкой "предбуржуазии". В первой половине XVIII в. из среды этой мелкой "предбуржуазии", особенно в Риге, по мнению исследователей этого периода (например, Я. Страуберга и др.), уже выделялись отдельные представители средней "предбуржуазии". Однако эти представители средней

17 Stiede F. Das livländische Bankwesen in Vergangenheit und Gegenwart. Leipzig, 1909, с. 37, 50.

18 Так, крестьянин имения Яунмулжа Буртниекского прихода Е. Эиемелис дал займы шведскому правительству 650 талеров (Zviedru laikmets Latvija. Riga, 1934, Nr.55).

"предбуржуазии" часто еще терпели банкротство и в следующих поколениях опускались до уровня городского рабочего люда. Хотя местная немецкая буржуазия была сравнительно слабой и зависимой от дворянства, в первой половине XVIII в., с одной стороны, наблюдалось наступление дворянства на привилегии городских кушцов, а с другой стороны, имели место первые выступления некоторых представителей политически бесправной нарождающейся латышской городской буржуазии (например, Штейнхауэр, Муйжелис и др.) против господствующей немецкой буржуазии в борьбе за равноправие в хозяйственной деятельности и в общественном положении¹⁹.

Таким образом, в XVI - первой половине XVIII в. в Латвии складывалось более или менее крупное торговое производство в сельском хозяйстве (меды) и в промышленности (мануфактуры). В результате имущественной дифференциации крестьянства существовал слой (видимо, еще социально неустойчивый) безземельных крестьян, которые нанимались на работу в сельском хозяйстве и иногда также в промышленности. К XVII в., видимо, надо отнести начало становления латышского предпролетариата и зачатков городской "предбуржуазии". В середине XVIII в. начинается борьба первых представителей нарождающейся латышской городской "предбуржуазии" с господствующими немецкими сословиями за равноправие. Эти спорадические новые явления субъективно выступали целиком под флагом феодализма и, конечно, не означали еще завершения его поступательного развития, однако объективно феодальное общество все больше испытывало влияние товарного производства, начинало чувствовать силу денег и тех, кто ими располагал. Это было составной частью проявления т.т. нисходящей стадии развития феодализма.

¹⁹ Straubergs J. Rīgas latviešu pirmās nacionālās cīņas 18.gs. Rīga, 1936.

Развитие капиталистического уклада
в сельском хозяйстве Латвии
(80-е годы XVIII в. - 50-е годы XIX в.)

В развитии капиталистического уклада в сельском хозяйстве Латвии можно выделить три этапа. П е р в ы й из этих этапов охватывает последние два десятилетия XVIII в. и примерно первые два десятилетия XIX в.

В XVIII в. политическое положение Латвии изменилось. В результате победы России над Швецией к России в 1710 г. была присоединена Лифляндия с Ригой. По первому разделу Речи Посполитой в 1772 г. к Российской империи отошла Латгалия, после третьего раздела в 1795 г. - Курземе. Наступление длительного мирного периода содействовало росту населения Латвии с 465 000 человек в конце XVIII в. до 1 300 000 в 1860 г. Плотность населения увеличилась, соответственно, с 7,3 до 19,1 человека на 1 кв.км.²² Увеличение численности и плотности населения было важным показателем роста производительных сил.

Включение Латвии в состав Российской империи создало благоприятные условия для усиления экономических связей с Россией, и эти экономические связи укреплялись. Однако Латвия длительное время продолжала оставаться экономически связанной преимущественно с традиционными рынками сбыта в Западной Европе.²³ Выгодная конъюнктура сбыта аграрной продукции в Западной Европе, которая выразилась в стремительном росте цен на зерно, начиная с 30 - 40-х годов

²² Atlas statistique de la Lettonie. Riga, 1938, с.1.

²³ Стрелец Х.П. Влияние торговой политики Российской империи на развитие сельского хозяйства Латвии в XVIII в. - Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968.

XVIII в.,²⁴ стимулировала дальнейшее развитие в Латвии производства товарного зерна.

Превращение с конца XVIII в. нечерноземного центра России в район, ввозящий хлеб, а черноземного центра и Среднего Поволжья - в житницу России, дороговизна транспортировки зерна с юга в прибалтийские порты способствовали дальнейшему росту в Латвии производства зерна в XIX в. Это приводило к некоторым изменениям форм феодального землевладения, хозяйственного использования имений, а также методов эксплуатации крестьян. Во второй половине XVIII в. наблюдалась дальнейшая концентрация земельной собственности в руках богатых помещиков и укрупнение имений. Так, например, в Курляндском герцогстве удельный вес малых имений с крестьянским населением до 100 человек за период с начала XVIII по начало XIX в. уменьшился с 45,9 до 7,8 %, между тем как удельный вес имений с крестьянским населением более чем 1500 человек за это время увеличился с 0,5 до 16,2 %.²⁵ Производство товаров для рынка помещики увеличивали путем расширения посевных площадей в имениях и создания своего рода вспомогательных цехов товарного производства имений - так наз. подмызков (Beihof, Viehhof, Vorwerk).

Последнее явление имело место уже в середине XVII в., однако широких масштабов достигло начиная с середины XVIII в., а особенно в 40 - 50-е годы XIX в. Таким образом, наряду с концентрацией земельной собственности имела место хозяйственная парцелляция имений. Последняя, видимо, должна рассматриваться и как организационное мероприятие помещиков по оптимизации размеров имений. С другой стороны, наблюдалось укрупнение крестьянских хозяйств, которое получило распространение особенно в Курземе начиная со второй половины XVIII в. Это укрупнение,

²⁴ Riemann Fr. Ackerbau und Viehhaltung im vorindustriellen Deutschland, Kitzingen-Main, 1951, Schaubild 2.

²⁵ Dunsdorfs E. Die Gutsbesitzer in Kurland, Semgallen und Pilten am Anfang des 18. Jahrhunderts, - Baltische Hefte, 1965, с.220.

так же как и в восточной Германии, видимо, представляло собой одно из средств экстенсивного расширения мызно-барщинного хозяйства,²⁶ так как создавались, как увидим дальше, более барщиноспособные крестьянские хозяйства. Расширение запашки имений приводило к значительному росту главной формы эксплуатации крестьян — барщины как шири, так и вглубь. Наряду с "обыкновенной" барщиной все большую (в Курземе — ведущую) роль играла издольная барщина.²⁷ "Стояны" приобретали характер регулярной барщины, распространение получала барщина безземельных.²⁸ Мызное хозяйство на рубеже XVIII и XIX вв. держалось на подневольном труде крепостного крестьянина. Таким образом, в Латвии, как отмечал Ф. Энгельс в отношении территории к востоку от Эльбы, "капиталистический период оповестил на селе о своем пришествии в форме крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян".²⁹ Латвийский материал показывает, что рост барщины и укрепление поместного строя, с одной стороны, и развитие спорадических проявлений буржуазных отношений и складывание капиталистического уклада, с другой, наблюдались одновременно и, возможно, способствовали развитию друг друга.

- 26 Heitz G. Agrarischer Dualismus, Eigentumsverhältnisse, preussischer Weg. — In: *Studia historica in honorem Hans Kraus*. Tallinn, 1971, с. 306.
- 27 Strods H. *Klaušu rente Letvijā XVIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā pusē*. — *Latv. PSR ZA Vēstis*, 1971, No 5.
- 28 Аболина М.К. Барщинное хозяйство и классовая борьба крестьян в Видземе в конце XVIII века. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Рига, 1957, с. 22-23.
- 29 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 341.

Имена производили зерно для западноевропейского рынка, а также водку и мясо на всероссийский рынок. Производство последних двух видов товарной продукции быстро увеличивалось. Непосредственные связи хозяйства Латвии с европейским рынком, низкая себестоимость аграрной продукции давали помещикам возможность получать на основе расширения производства в мизно-барщинном хозяйстве крупные доходы. Замена вывоза большей части зерна за границу переработкой его на водку, которая сбывалась внутри империи, увеличивала денежные доходы помещиков, способствовала более быстрому накоплению капиталов у них. Помещичье винокурение, обеспечивавшее нередко львиную долю денежных доходов ливонским³⁰ и отчасти курляндским помещикам, поглощало крестьянские деньги и способствовало не общему росту товарности сельского хозяйства, а сокращению покупательной способности крестьян и внутреннего рынка в целом.

Присвоение результатов неоплаченного труда крестьян и накопление в руках помещиков крупных капиталов обычно не имели следствием регулярное вложение средств в производство. Деньги использовались для создания бытовых условий, сходных с теми, какие существовали во дворцах западноевропейской аристократии. В имениях Курземе и Видземе с 30-40-х годов XVIII в. начали появляться многоэтажные дворцы — шедевры архитектуры той поры.³¹ К концу XVIII в. в руках помещиков, судя по отдельным спискам имущества, составленным после смерти владельцев, в большом количестве накопились бриллианты, золотые, серебряные и фарфоровые изделия, дорогая заграничная одежда и другое т.п. имущество.³²

30 Дорошенко В.В. Мыза, корчма и крестьянин в Лифляндии XVII-XVIII вв. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1968, Л., 1972.

31 Piranga H. Die baltische Herrenhaus, I, II, Riga, 1926, 1928.

32 ЦГА ЛатвССР, ф. 4038, оп.2, д.858.

Однако социально-экономическое развитие уже в конце XVIII в. привело к первым трещинам феодально-крепостнического строя.

Основные мероприятия феодального характера, к которым прибегали помещики в целях расширения товарного производства в имениях, — ухудшение условий крестьянской аренды земли, сгон обнищавших и не способных к барщине крестьян с земли и создание подмызков усиливали процесс имущественной дифференциации крестьянства, его деление на небольшой слой хозяев-арендаторов и массу безземельных. Кроме того, рост торгового земледелия значительно ухудшил положение крестьянско^й бедноты и вытеснил ее в ряды безземельных.³³

Деградация части крестьянских хозяйств и превращение хозяев-бедняков в батраков происходили не только в результате усиления эксплуатации крестьян. Значительную роль в этом процессе играли также неурожаи, эпидемии и эпизоотии. Конечно, в определенной степени росту безземельного населения способствовал естественный рост населения, при наследовании арендных усадеб в основном по принципу майората. При таком наследовании крестьянских усадеб сами крестьянские семьи продолжали увеличивать количество батраков, тогда как сыновья и дочери хозяев работали за пределами отцовского хозяйства. Количество крестьянских хозяйств, не пользовавшихся трудом батраков, в экономически более развитых районах Курземе и Видземе уже в конце XVIII в. резко сократилось. В Курземе крестьянство уже в 1815 г. было расколото на составлявших меньшинство арендаторов-дворохозяев (30 %) и массу безземельных батраков (70 %).³⁴ Таким образом, образование массы экспроприированных работников, которые не имели других источников существования, кроме

33 Подробнее о развитии торгового земледелия см.:

Х. Стродс. Развитие торгового земледелия в Латвии. — Вопросы истории, 1976, № 6.

34 Zutis J. Vidzemes un Kurzemes zemnieku likumi XIX gs. sākumā (1804—1819). Rīga, 1954.

продажи своей рабочей силы, и могли систематически использоваться в качестве наемных рабочих в товарном производстве, в Курляндской и основной части Лифляндской губернии. относится ко второй половине XVIII в. Если во внутренних русских губерниях работа по найму до реформы 1861 г. не была единственной альтернативой для приложения крестьянам своего труда³⁵ (конечно, кроме барщины), то в Латвии для большинства сельского населения уже со второй половины XVIII в. она, определенно, была единственной возможностью. В такой социальной структуре крестьянского хозяйства заключалась одна из важнейших специфических черт развития капиталистического уклада в сельском хозяйстве Латвии, которая предопределяла смену барщины вольнонаемным трудом.³⁶

Таким образом, попытки помещиков добиться укрепления феодально-барщинного строя также путем создания крупных, более барщиноспособных крестьянских хозяйств не только приводили к экстенсивному расширению мздно-барщинного хозяйства, но и способствовали буржуазной эволюции крестьянской верхушки, приводили к качественным изменениям феодального аграрного строя деревни.

В последней четверти XVIII в. возможности экстенсивного расширения помещиками Латвии производства зерна для западно-европейского рынка и производства водки для внутренних губерний России постепенно исчерпывались. Все более значительная часть крестьянских хозяйств в результате чрезмерной барщины часто оказывались на грани разорения и усиливали активную и пассивную борьбу против помещиков.³⁷ Доходы помещиков все явственнее стали отставать

35 Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 396.

36 Очерки экономической истории Латвии, 1860-1900. Рига, 1972, с.10.

37 Аболоня М.К. Барщинное хозяйство и классовая борьба крестьян Видземе в конце XVIII века. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Рига, 1957; Stereņanīš M. Zemnieku piemieri Vidzemē. 1750-1784. Rīga, 1956.

от их расходов, быстро росла задолженность дворянства представителям недворянских сословий, и имения все чаще становились объектом торговли. Преодоление экономических трудностей в сельском хозяйстве Латвии происходило двумя путями - феодальным путем и путем буржуазных преобразований. На первом из них значительную поддержку помещикам оказывал царизм.

Царское правительство старалось помочь помещикам преодолеть финансовые трудности, в частности, предоставляя им все большую часть торговой прибыли путем поощрения помещичьей торговли, что было легализовано "уставом о рижской коммерции" в 1765 г.³⁸ Продукты продавались помещиками на рынке, вырученные суммы с присовокуплением посреднической прибыли употреблялись ими для компенсации расходов и приумножения денежных доходов. Рост товарно-денежных отношений помещики использовали для укрепления своего положения, феодального строя и дальнейшего наступления на крестьян и их хозяйство. В Латвии складывалось комплексное мызное хозяйство сельскохозяйственно-промышленно-торгового типа.³⁹ Каждое имение состояло из основного имения, нескольких (иногда до 12) подмызков, как правило, имело один или несколько пивоваренных и винокуренных заводов, несколько водяных и ветряных мельниц, а зачастую также лесопильные, бумажные, стеклянные и другие "заводы". Каждое имение содержало питейные заведения, иногда даже до десяти корчем и "погребов", в которых продавалась его продукция. Многие имения располагали рыночными и ярмарочными площадями. Эта комплексная хозяйственная деятельность, основанная на дворянских привилегиях и в основном принудительном труде, давала возможность не только противостоять экономическим

38 Jēnā J. Tirdzniecības un kūniecības latviešu tautas dzīvē un dzejā.— In: Endzelīns J., Kleustipā R. Latviešu tautas dainas, XII. Rīga, 1932, с.301—331.

39 Strods H. Lauksaimniecība Latvijā pārejas periodā no feodālisma uz kapitālismu. Rīga, 1972, с.197—226.

трудностям, но и успешно конкурировать с сельскохозяйственными, промышленными, торговыми предприятиями, принадлежавшими лицам недворянских сословий .

Большое значение для сохранения имений в руках помещиков имела организация общественного ипотечного кредита, вопросом о создании которого ливонские помещики начали интересоваться в 1789 г. В 1802 г. за счет государственных субсидий было организовано Ливонское, а в 1830 г. — Курляндское дворянское кредитное общество, которые под низкие проценты (4 — 6 %) выдавали помещикам займы крупные суммы. ⁴⁰ Вопрос о характере использования кредитов, о роли ипотечного кредита, как отмечалось, не исследован. Изучение бюджетов отдельных имений показало, что в зависимости от экономического состояния, специальности и местожительства помещика, рыночной конъюнктуры и т.д. кредиты в различных имениях использовались весьма по-разному. При этом никак нельзя утверждать, что даже в периоды увлечения "модными" хозяйственными нововведениями (мериносовое овцеводство, переход на наемную рабочую силу и др.) все кредиты пользовались главным образом на производительные нужды.

Затруднения мызно-барщинного хозяйства и попытки правительства в начале XIX в. реформировать аграрные отношения путем издания законодательных актов являлись выражением экономических и социальных трудностей феодального способа производства.

В то же время в городах, особенно в Риге и Елгаве, происходил рост имущества купцов и капиталов ростовщиков, что приводило к дальнейшему росту крупных капиталов, независимых от феодальной земельной собственности. Невиданная прежде концентрация капиталов в руках буржуазного "третьего сословия" стала одной из важных предпосылок разложения феодальных отношений. Естественно, господствующее феодальное производственное отношение не удовлетворя-

⁴⁰ Treimanis K. Augļu normas Vidzemes un Kurzemes lauksaimniskū ilgtermiņa aizdevumiem. 1700—1922, Rīga, 1931.

ли нарождающуюся местную (немецкую) среднюю и крупную буржуазию, которая под непосредственным влиянием Великой Французской буржуазной революции начала подумывать о борьбе за установление буржуазного строя, в которую включалась и демократическая антифеодалная публицистика.⁴¹ Антифеодалная идеология сыграла отнюдь не последнюю роль в компроментации и в упадке феодального строя.

Феодалный путь предотвращения и преодоления затруднений феодально-барщинного сельского хозяйства никак не мог обеспечить удовлетворение стремления помещиков к увеличению прибавочного продукта, и поэтому им приходилось искать новые способы повышения доходов. Говоря словами прибалтийско-немецкого историка Н.Кестнера, немецкие бароны, вплоть до момента утраты своей власти оставаясь по сути своей рабовладельцами, проявили большую приспособляемость к новым условиям.⁴² Поэтому наряду с крестьянским хозяйством, которое производило большинство сельскохозяйственных товаров и являлось как бы олицетворением собственно "народного хозяйства", значительное внимание следует уделить собственно мизному хозяйству, темпы эволюции которого в капиталистическом направлении до середины XIX в. определяли эволюцию крестьянского хозяйства.⁴³

41 Степерманис М.К. Влияние Французской революции 1789-1794 гг. на аграрный вопрос в Латвии. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев, 1962; Stepermanis M. Lielās liecības atblāzma. Rīga, 1971.

42 Kötner N. Das Schwindeln der Frohne... (ЦГА ЛатвССР, ф.7403, оп.1, д.8, л.27).

43 Очерки экономической истории Латвии. 1860-1900, с.37.

В XVI - XVII вв. закрепощения крестьян и увеличения барщины добывались прежде всего держатели небольших имений, в рассматриваемый же период они, как правило, были первыми, кто прибегал к инвестициям. В некоторых имениях к концу XVIII в. появились отвальные плуги, деревянные бороны с железными зубьями, первые молотилки с конным приводом, посевы красного клевера, картофеля, первые плодосменные севообороты.

Применение машин ознаменовало начало нового этапа в развитии сельскохозяйственной техники, несовместимого с барщинным трудом. Все острее выдвигалась проблема изыскания дополнительной рабочей силы. Однако в условиях господства феодально-крепостнических отношений наем в большинстве случаев все еще превращался в принудительный, особенно если речь шла о работе феодально зависимых крестьян на своего или соседнего "господина". С созданием крупных крестьянских хозяйств и усилением имущественной дифференциации крестьян эта форма найма во все большей степени распространялась и на крестьянские хозяйства. Характерной особенностью сельскохозяйственного производства в имениях и крестьянских хозяйствах было то, что в нем использовалась в основном рабочая сила работавших фактически по принуждению безземельных батраков, которая оплачивалась арендаторами усадеб. Применение наемного труда безземельных батраков не освобождало, однако, хозяев от личного физического труда. В результате того, что барщинные крестьяне часто оказывались вынужденными брать у помещиков в займы зерно, скот и т.д., с тем чтобы в последующем рассчитаться за них трудом в мизном хозяйстве, наряду с принудительным наймом возник кабальный наем, который характеризовался В.И. Лениным как первоначальное проявление капитализма в земледелии.⁴⁴ "Феодальный наемный труд" мог существовать как в форме скрытой барщины, так в форме скрытого наемного труда. Конечно, не приходится утверждать, что

44. См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 509.

принудительный наем в начале XIX в. возник на почве ликвидации предшествовавшего вольного найма XVI - XVII вв., однако создается впечатление, что налицо тенденция усиления роли принудительного найма в период разложения феодализма.

Одновременно с феодальным наймом местного населения в имениях все чаще появлялись "чужая", "приходящая" наемная рабочая сила, нанятая непосредственно имением, а не арендатором двора. Поденный (издельный) и сезонный наем уже в конце XVIII в., видимо, часто носил стабильный характер. К заработкам нередко прибегали и зажиточные крестьяне - у "господ" в более отдаленных местах или у купцов. Таким образом, и в Латвии ростки капиталистических отношений были сдвинуты и деформированы всей обстановкой феодального строя. ⁴⁵

При затруднительном финансовом положении помещиков затраты на наем рабочей силы в XVIII в. и нередко еще в начале XIX в. не превышали 10 - 15 % их денежных доходов, т.е. относительно находились почти на уровне XVI в. Однако, в отличие от XVI в., когда рабочая сила нанималась в основном для потребительских нужд, в рассматриваемый период все более усиливался предпринимательский характер найма.

Аграрные реформы начала XIX в. создали условия для увеличения роли свободного найма в сельском хозяйстве Латвии. В Курляндской губернии этому способствовало то обстоятельство, что третья часть крестьян здесь относилась к категории государственных (из них 19% в 1827 г. платили денежную ренту), которых Н.М. Дружинин считает промежуточным звеном между помещичьими крестьянами и свободными людьми. ⁴⁶ Однако в связи с сохранением зависимости крестьянина от помещика (существование так наз. "желез-

45 Дружинин Н.М.: Особенности генезиса капитализма..., с.31

46 Дружинин Н.М.: Государственные крестьяне и реформа П.А.Киселева. Т.1. М.-Л., 1946, с. 38.

ного инвентаря", барщинных арендных договоров, ограничение передвижения, право "домашнего наказания" и т.д.) принудительный наем фактически сохранился. Но и применение принудительного и низкооплачиваемого наемного труда все-таки заставляло помещиков заботиться об усовершенствовании орудий труда, приемов земледелия, пород скота и сортов семян. При достижении определенного уровня и масштабов товарного производства, когда денежные средства начинали использовать для приобретения техники и машин, распространялся вольный наем, возникали предпосылки для реального подчинения труда капиталу. Новые, капиталистические элементы в конце XVIII в., как видно из последующего развития, становились необратимыми, и "второе издание крепостного права" начинало уступать место "прусскому пути" развития капитализма.

В качестве второго этапа развития капиталистического уклада в сельском хозяйстве Латвии можно выделить период, включающий 20-е и 30-е годы и первую половину 40-х годов XIX в.

В феодальном землевладении и землепользовании наблюдались, даже ускоренно развивались указанные выше две тенденции — концентрация земли в руках богатых помещиков и хозяйственная парцелляция имений. Получив от абсолютизма упомянутые выше крупные "денежные инъекции" и законодательную помощь (отмена крепостного права в 1817 — 1819 гг. при которой вся крестьянская земля была объявлена собственностью помещиков), дворянские организации начали упорную борьбу в целях уничтожения появившихся в здании феодального строя экономических "трещин" — буржуазной собственности на землю — и за освобождение имений от частных ипотечных долгов. Это было невозможно без расширения сельскохозяйственного производства в имении. Крестьян теперь заставляли отбывать барщину фактически в неограниченном объеме — столько, сколько требовали помещики.

В среднем крестьяне обрабатывали в помещичьем поле такую же площадь земли, как на своем поле. Поэтому данный период в истории Латвии в народе и называли "барщинными временами".

Мероприятия, к которым прибегали помещики, стремясь увеличить прибавочный продукт путем сокращения необходимого продукта барщинных крестьян, все же не могли удовлетворить их жажду денег. Поэтому помещики вынуждены были искать возможности повышения производительности труда в сельском хозяйстве путем капиталовложений. Развитие капиталистических элементов в сельском хозяйстве находило выражение в применении усовершенствованных орудий труда (отвалных плугов, культиваторов) некрестьянского производства и сельскохозяйственных машин (молотилок, сеялок, соломорезок), во внедрении плодосменных севооборотов, во ввозе скота улучшенных иностранных пород и привлечении иностранных специалистов (скотоводов, овцеводов, огородников, сыроваров и др.), число которых в 1836 г. в Лифляндской губернии составляло 176 человек.⁴⁷ Поскольку, по крайней мере, несколько десятков местных помещиков имели высшее сельскохозяйственное образование, то даже если и принять, что каждый специалист обслуживал только одно имение, все же получается, что такие специалисты были почти в 30 % частных имений губернии.

Первые значительные капиталовложения в имениях Латвии в 20 - 30-х годах XIX в. были сделаны в мериносовое овцеводство. Для этого только от правительства курляндские и лифляндские помещики получили 76 тыс. рублей серебром и три илениа в качестве экспериментальных хозяйств. В 1841 г. в Латвии было около 100 крупных овчарен, на которых находилось около 80 тыс. мериносовых овец, ежегодно дававших до 83 тонн тонкоручной шерсти.⁴⁸

⁴⁷ Island, 1837, No 7, с. 113—115.

⁴⁸ Стродс Г. П. Мериносовое овцеводство в Латвии в первой половине XIX века. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960г. Киев, 1962, с. 378-389.

В результате внедрения новой агротехники и попыток приспособления к рыночной конъюнктуре проблема изыскания дополнительной рабочей силы в страдную пору, несмотря на рост объема барщины, становилась для помещиков все более острой. Она по-прежнему решалась наймом поденщиков (для определения характера найма — был ли он принудительным, кабальным или свободным — необходимы специальные исследования), но все большую роль начинали играть сезонные рабочие. Это свидетельствовало о том, что дополнительная рабочая сила становилась более постоянной. Если социальный состав сезонных рабочих был сравнительно однородным (безземельные), то состав поденных рабочих был социально и территориально весьма разнородным (безземельные, ремесленники, арендаторы крестьянских усадеб, оброчные крестьяне из Латвии и русских губерний и т.д.). По-видимому, нельзя утверждать, что использование поденных и сезонных рабочих непрерывно расширялось. В случае изменения рыночной конъюнктуры и сокращения производства товаров для рынка и прежде всего по мере увеличения долгового бремени имений, особенно мелких, наблюдалась некоторая натурализация мизного хозяйства, которая находила выражение и в сокращении числа наемных рабочих, в том, что наемный труд снова использовался для явно потребительских нужд. Эта натурализация и одновременно невозможность после отмены крепостного права юридически закрепить наемных рабочих способствовали распространению поселения безземельных на мизных землях с условием работать в имении. Фактически это часто представляло собой прикрепление личности крестьянина к земле, некоторый прогресс по сравнению с барщиной и типическое раннекапиталистическое явление. Однако наряду с такими формами найма наблюдалось усиление в имениях роли постоянных годовых "штатных" батраков на харча и жалованье (натурой и деньгами). По расчетам помещиков, 5 — 7 годовых батраков обрабатывали на полях имения примерно столько же рабочих

дней, сколько 20 крестьянских хозяйств при двухдневной очередной барщине в неделю. В передовых имениях было по 10 - 30 рабочих лошадей с упряжью. По словам царского чиновника Арсеньева, как хозяева, так и помещики эксплуатировали батраков страшнее, чем на принудительных работах в Сибири. Но все же попытки помещиков повысить доходность имений путем капиталовложений и найма батраков в этот период предпринимались значительно реже, нежели попытки увеличить производство феодальными способами, более привычными для помещиков.

Большинство латышских крестьян в результате отмены в 1817 - 1819 гг. крепостного права из феодальных держателей превратились в арендаторов. Долгосрочность и фактически даже наследственность аренды крестьянских дворов, как в восточной Германии,⁴⁹ широкое применение принудительного труда наемных батраков уже в 20 - 30-х годах в экономически более развитых районах⁵⁰ создали условия, при которых в руках верхушки барщинного крестьянства накапливалось имущество. Присвоение ливонскими и курляндскими помещиками большей части крестьянского движимого имущества в виде так наз. "железного инвентаря" (орудия труда, скот, семена) и передача его крестьянам-арендаторам в пользование на срок аренды создавали помещику условия для того, чтобы он мог претендовать на доходы крестьянского двора на правах не только земельного собственника, но и лица, ссудившего капитал. В условиях существования барщины эта переходная форма, с одной стороны, часто эволюционировала в направлении к увеличению феодальной ренты, но

49 Ср.: Meitz G. Agrarischer Dualismus, Eigentumverhältnisse, preussischer Weg, с. 306-307.

50 Даже в Лифляндской губернии, где число батраков не достигало уровня Курляндской губернии, по кадастру 1810-1832 гг. в каждой крестьянской семье в среднем было 6,2 работоспособного человека, в том числе 4 члена семьи хозяина и 2,2 (35 %) батрака - нечлена семьи.

с другой стороны, способствовала образованию в крестьянских хозяйствах в виде "железного инвентаря" капитала для ведения капиталистического хозяйства.⁵¹ В первой половине XIX в. крестьянское сельское хозяйство в Латвии значительно отставало от сельского хозяйства имений, особенно имений образцовых.

В сельском хозяйстве, а также в общественных отношениях в Латвии в это время существовало много промежуточных категорий, не являвшихся уже феодальными, но и не ставших еще капиталистическими. Способность конкурировать с капиталистическими хозяйствами, требовавшими капиталовложений и в начальный период дававшими лишь незначительный рост производительности труда, обусловила возможность длительного сосуществования и соперничества укладов феодального и капиталистического. В феодальном сельском хозяйстве одновременно существовали три основных уклада - натуральнохозяйственный уклад (в основном барщинные крестьяне), простое товарное производство (большинство имений, барщинные крестьяне, сельские ремесленники) и капиталистический уклад (в некоторых имениях и в хозяйствах верхушки зажиточного крестьянства, корчмарей, мельников, лесников). Появившиеся уже элементы капиталистического сельского хозяйства со временем приходили во все большее противоречие с господствующими феодально-барщинными отношениями. Столкновение нового со старым привело к усилению затруднений мызно-барщинного хозяйства, в котором проявились глубокие кризисные явления. Но феодально-барщинное хозяйство парализовала и подрывала не только трудность приспособления к производству товаров для рынка. Основной причиной разложения феодально-барщинного сельского хозяйства было противоречие между его феодальным характером и его тесными связя-

⁵¹ Стродс Х.П. Роль "железного инвентаря" в социально-экономической жизни Латвии (вторая половина XVIII - первая половина XIX века). - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г. Таллин, 1972.

ми с товарным производством и даже капиталистическим мировым рынком. Неспособность феодально-барщинного мизного хозяйства повысить свою производительность до уровня капиталистических хозяйств и приспособиться к капиталистической рыночной конъюнктуре обусловила разложение феодального способа производства. Изучение важнейших отраслей мизного сельскохозяйственного производства, как-то: зерноводства, картофелеводства, мериносового овцеводства, винокурения и др., систем земледелия и т.п. показывает, что к началу 40-х годов феодальные методы ведения хозяйства окончательно потерпели поражение в конкурентной борьбе с капиталистическим хозяйством не только в производстве, но и на рынках.⁵² Однако средний помещик Латвии этого еще не понимал.⁵³ Сособенно болезненно помещики переживали рост своей задолженности и продажу имений с молотка. Несмотря на финансовые "инъекции", долги курляндских и латвийских помещиков достигли в среднем 35 - 55 % оценочной стоимости частновладельческих имений. Хотя имения юридически считались принадлежащими помещикам, все большее число их переходило в фактическое владение ростовщиков, которые впоследствии выступали в качестве арендаторов, диспозитов или уполномоченных помещика и получали ренту как форму процентов со своего капитала, вложенного в имение. В результате доходы от эксплуатации феодально зависимого крестьянства во все большей степени уплывали из рук помещиков и растекались по карманам разных людей из непривилегированных сословий. То обстоятельство, что возможности быстрого роста и приспособления товарного

52. Ср.: Kahl J. Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland. Tallinn, 1969, с. 213.

53. Kbstner N. Das Schwinden der Frohne ...

(ИГА ЛатвССР, ф.7403, о.1, д.8, л.38). - Кризис барщинного хозяйства, возможно, тормозил и развитие городов. Однако конкретные проявления этого еще необходимо исследовать .

производства барщинного хозяйства к требованиям рынка оказались исчерпанными, привело в 30-40-х годах к кризису барщинного хозяйства, всеобщему переходу в 40-х и особенно в 50-х годах к денежной ренте и разрыву основных внеэкономических отношений между помещиками и крестьянами.

Третий этап - с конца 40-х до начала 60-х годов - характеризуется преобладанием буржуазных методов преодоления затруднений феодально-барщинного хозяйства. Орудия труда все больше проникали в сферу рыночного обращения, и к концу 50-х годов в подавляющем большинстве курляндских и лифляндских имений, как видно из их официальных донесений генерал-губернатору, имелись различные земледельческие орудия и машины.⁵⁴ В 1863 году в Курляндской губернии насчитывалось 219 молотилок, причем 186 из них приводились в движение лошадьми, 31 - паровыми двигателями и 2 - водой. 811 пурных мест (300 га) пашни в 64 имениях были осушены закрытым дренажом с помощью глиняных труб, 5254 пурных места (1944 га) в 157 имениях было орошено и культивировано. В 79 имениях применялись искусственные удобрения. Орудия труда и машины в основном были иностранного производства, хотя возрастал удельный вес изделий местной промышленности. Переход к совершенным орудиям некрестьянского производства в крестьянских хозяйствах тормозился, однако, и тем, что фабрики и мастерские изготавливали крупные орудия труда, подходящие для мыз и нередко не приспособленные к масштабам крестьянского хозяйства.

Победе мелкокрестьянского капиталистического земледелия в Латвии способствовало хуторское землепользование и раздел находившихся прежде в общем пользовании лугов и пастбищ (за небольшими исключениями). Средние размеры крестьянского хозяйства в Лифляндской губернии составляли 47 га, в Курляндской - 41 га (примерно столько же, сколько

⁵⁴ ЦГИА ЛатвССР, ф.1, оп.4, д.329, л.35.

в соседней Ковенской губернии, и более чем вдвое больше, чем в Витебской и Гродненской губерниях.⁵⁵ Это способствовало росту товарной продукции для рынка.

Основной отраслью товарного производства в сельском хозяйстве по-прежнему оставалось зерноводство. Значительный удар позициям помещиков Латвии в поставке зерна на европейский рынок нанесло появление в Европе в середине XIX в. американского хлеба и падение цен на зерно, а также увеличение производства водки в русских губерниях. Отставание спроса на продукцию зерноводства и цен на хлеб от спроса и цен на продукты мясо-молочного животноводства способствовало началу специализации в области животноводства.

Благодаря довольно большим капиталовложениям в имения получил широкое применение плодосмен, который к концу рассматриваемого периода стал господствующей системой земледелия в имениях Курляндской и Лифляндской губерний. В русских губерниях эта система земледелия применялась лишь в некоторых имениях.⁵⁶ В крестьянских хозяйствах Латвии плодосмен с многопольным севооборотом начал распространяться во второй половине 40-х и в 50-х годах XIX в. По свидетельству курляндского губернатора, в 1862 г. многопольное хозяйство в губернии "... продолжало распространяться ... не только между помещиками, но и между крестьянскими хозяйствами".⁵⁷ В 1863 г. многополье в Курляндской губернии, по губернаторскому отчету, было введено в 8740 крестьянских хозяйствах (42,4 % общего количества, равного 20 574)⁵⁸.

55 Улащик Н.Н. Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии. М., 1965, с.311-320.

56 Дружинин Н.М. Особенности генезиса капитализма..., с.34.

57 ЦИАЛ, ф. 1281, оп.6, д.20, л.17.

58 Там же, л. 24.

Изучение плодосменных севооборотов в Курляндской губернии по статистическим данным, собранным в конце 1862 г., показывает, что в 72 % из тех имений, где плодосмен был внедрен, на мизных полях господствующими были 9 - , 10 - и 11 - польные севообороты, а в 41 % имений в крестьянских хозяйствах господствующими были 7-, 8-, 9-и 10-польные севообороты с посевом клевера на сено и на подножный корм скоту. ⁵⁹

В этот период наблюдалось начало отставания технической оснащённости всего сельского хозяйства от оснащённости промышленности. Это вело к ухудшению условий развития крестьянского сельского хозяйства по прусскому пути. Однако в целом сельское хозяйство Латвии в период развития капиталистического уклада сделало крупный скачок от натурального к товарному и заняло в этом отношении одно из первых мест в Российской империи. ⁶⁰ Агротехнические преобразования в большинстве мизных хозяйств и отчасти в хозяйствах крестьянской верхушки свидетельствовали о том, что ликвидировано важное условие существования барщинного хозяйства - рутинное состояние агротехники. Коренная рационализация агротехники потребовала крупных капиталовложений. ⁶¹ Убедительным доказательством значительной эко-

59 Стродс Х. Плодосменные севообороты в крестьянских хозяйствах и имениях Курляндской губернии в 1862 г.: Тезисы докладов научной конференции по историческому изучению систем земледелия. М., 1973.

60 В России прогресс техники сельского хозяйства в период существования крепостного права был незначительным. (Ковальченко И.Д. Русское крестьянство первой половины XIX в. Автореф. дис. на соиск.учен.степ.докт.ист.наук. М., 1966, с.4).

61 Ср.: Дружинин Н.М. Особенности генезиса капитализма.... с.16.

номической роли новой агротехники является то, что в конце 40-х и в 50-х годах мизное хозяйство Латвии сумело отказаться от феодально-барщинной системы и перейти к использованию наемной рабочей силы.

Развитие элементов капиталистического земледелия сопровождалось сокращением удельного веса традиционных феодальных полевых культур (репа, чечевица, бобы), стремлением к совершенствованию зерновых и бобовых культур (рожь, ячмень, свес, горох) и внедрением новых, более доходных культур, характерных для капиталистического земледелия и тесно связанных с промышленностью и мясо-молочным животноводством (картофель, клевер, люцерна). Все это свидетельствовало о том, что феодализм не мог больше препятствовать распространению капиталистических условий производства в деревне. В период развития капиталистического уклада в сельском хозяйстве Латвии усилилась территориальная специализация товарного производства: в Курземе — зерно (особенно пшеница), в Видземе — зерно (особенно рожь), водка и лен, в Латгалии — лен.

Тормозящее действие феодальных общественных отношений находило выражение в отставании роста товарно-денежных отношений в крестьянском секторе хозяйства от роста их в имениях: если мизное сельское хозяйство все больше превращалось в торговое и капиталистическое, то только верхушка крестьянских хозяйств эволюционировала в направлении торгового и капиталистического товарного хозяйства. Однако неэквивалентная торговля с помещиками и гильдейскими купцами, скупавшими для продажи на рынке крестьянские товары ниже их стоимости, не удовлетворяла крестьян и не могла обеспечить достаточный обмен между городом и деревней.

Это создавало условия для развития деятельности торгующих крестьян.⁶² Рост товарного производства и торговли при-

⁶² Stroda N. *Ģilžu tirdzniecība un tirgotāji senieki Latvijā XXIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā pusē.* — Latv. PSR ZA Vestis, 1970, Nr. 12, с. 33-50.

водил к кризису феодальных форм торговли и натурального хозяйства в крестьянском хозяйстве. Накоплению денег в руках крестьян способствовала (за исключением восточной части Латгалии) близость морских портов, в которых возможности сбыта товаров по более выгодной цене были большими, чем в сельской местности. В связи с развитием непосредственного обмена между деревней и городом при помощи корчмарей, торгующих крестьян, особенно в Видземе, феодальная привилегированная торговля и ремесло малых городов в первой половине XIX в. оказались подорванными. Это способствовало уменьшению феодальной экономической эксплуатации деревни городом, дальнейшему отделению сельского ремесла от сельского хозяйства. Капитал в руках зажиточных латышских крестьян, нередко крестьян-торгующих, был накоплен не только путем эксплуатации батраков, но и путем разорения мелких городских купцов и ремесленников.⁶³

Капитал зажиточных крестьян Латвии особенно быстро начали расти в 50-х годах XIX в. Они составлялись в основном из средств от внеземледельческих доходов — доходов от торговли, ремесел, посылки батраков на заработки, извозного промысла и т.д. Типичной формой обогащения зажиточных крестьян был наем так наз. фиктивных батраков и отправка их на заработки. В 20 — 30-х годах один баграк приносил 10 — 20 рублей, а в 40 — 50-х годах — 30 рублей дохода в год.⁶⁴ Зажиточные крестьяне в 40 — 50-х годах начали

63 Вилкс Б.Я.: Формирование промышленного пролетариата в Латвии во второй половине XIX века. Рига, 1957, с.43.

64 Сваране М. Социально-экономическое положение крестьян Курземе и Видземе в 40-50-х годах XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Рига, 1966, с.27.

давать крупные денежные суммы (иногда до 100 - 300 рублей серебром) взаймы другим крестьянам под высокие проценты. Подворная и наследственная система землепользования, институт "железного инвентаря", торговые сделки и присвоение дворохозяевами некоторой части прибыли от эксплуатации массы наемных безземельных батраков привели к тому, что в Курземе и Видземе образовался слой богатых хозяев-арендаторов.⁶⁵ В начале 60-х годов XIX в. число безземельных крестьянских семей в Лифляндской губернии в 5 раз, а в Курляндской - 6 раз превышало число хозяйских семей. Такая социальная структура деревни соответствовала интересам как имений, так и арендаторов крупных крестьянских хозяйств, нуждавшихся в большом количестве дешевых наемных рабочих.

Если до отмены барщины наемная рабочая сила в имениях играла вспомогательную роль, то после отмены барщины в 50-х годах наемная рабочая сила в имениях Курземе и Видземе заняла главное место в производстве. Наряду с поденщиками и сезонными работниками важным видом наемной силы стали годовые батраки. Однако при найме и в оплате труда, помимо денег и харчей, значительную, а иногда и основную роль играла земля и натуралии, что свидетельствовало о сохранении пережитков форм оплаты труда феодального периода. Попытки помещиков сократить издержки производства, с тем чтобы таким путем обеспечить себе больше прибыли, способствовали сохранению принудительного и кабального найма. Если поселение разоренных крестьян на крестьянских землях еще в начале XIX в. фактически допускалось,⁶⁶ то в 50-х годах наблюдается процесс всеобщей ликвидации слоя этих

65 Svarāne M. Kurzemes un Vidzeme zemnieku saimniecības XIX gs. 40.—50. gados.—Latvijas agrārā vēsture (XVI—XIX). Rīga, 1966.

66 Kötner N. Das Schwinden der Frohne...

так наз. "крестьянских вассалов". Роль их в крестьянском хозяйстве уменьшилась, но в середине XIX в. увеличивалась в имениях, так как здесь оплата труда батраков землей рассматривалась как первая и переходная форма к оплате наемного труда деньгами. По закону 1849 г. в Лифляндской губернии для обработки одного гака мызной земли, в том числе около 70 пурных мест пашни, предполагалось содержать 8 батраков, с выделением каждому из них 4,5 пурного места пашни в качестве жалованья. Однако присоединение предназначенной для этого так называемой квотной земли к мызным полям свидетельствовало о том, что данная форма найма батраков не удовлетворяла многих помещиков. Процесс превращения "валиниек" и других "крестьянских вассалов" в странствующих поденщиков, начавшийся в 50-х годах XIX в., явился одним из источников комплектования пролетариата для города и деревни. Превращение феодально зависимых батраков в свободных капиталистических наемных работников, которое началось во второй половине 40-х годов, представляло собой длительный процесс и, видимо, в начале 60-х годов еще полностью не завершилось. Однако выравнивание цен на вольнонаемный труд в Курляндской и Лифляндской губерниях в 50-х годах может служить свидетельством существования единого рынка рабочей силы.

Несмотря на сохранение пережитков феодальных форм найма, переход от барщины к вольнонаемному труду содействовал значительному росту производительности труда в сельском хозяйстве. Более высокая урожайность озимых и яровых в Прибалтике, наряду с Правобережной Украиной, в 40-50-х годах свидетельствовала об осуществлении расширенного производства и в помещичьем хозяйстве, что "было, несомненно, связано с развитием в нем капиталистических отношений"⁶⁷.

67. Коваленко И.Д. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959г. М., 1961, с.196, 198, 201.

Надо полагать, что победа капиталистических отношений на первых порах приводила не столько к значительному общему подъему продуктивности сельского хозяйства, сколько к росту товарной продукции, особенно за счет крестьянского хозяйства. В 50 - 60-х годах как в Эстонии, так и в Латвии основные трудности в деле увеличения производства товарной продукции и образования крестьянской буржуазной собственности на землю были уже позади.⁶⁸ После отмены малопродуктивного барщинного труда, а также перехода к усовершенствованным орудиям труда и машинам оказалось, что отсутствие системы parcelляции крестьянских хозяйств не удерживает людей на земле и что в деревне существует крупная резервная армия труда для промышленности.

Когда в латышской деревне победили капиталистические отношения? В конкретных исторических условиях Латвии переломным пунктом в социально-экономической жизни деревни явился всеобщий переход от барщины к денежной ренте и вольнонаемной рабочей силе во второй половине 40-х и в 50-х годах XIX в.⁶⁹ Верхушка крестьян-хозяев к концу этого периода превратилась в капиталистических арендаторов земли, а большинство батраков - в сельский пролетариат. С отменой барщины рабочая сила стала товаром и в пределах своих приходов свободно обращалась на рынке труда. В результате широкого распространения денежной ренты (в Курземе в 1861 г. ренту платили 97 % , а в Видземе - около 50 % крестьянских хозяйств) трансформация денежной формы феодальной ренты в капиталистическую ренту свелась к простой смене форм. В основном она последовала сразу же

68 Kahk J. Die Krise der Feudalen Landwirtschaft in Estland, с. 209.

69 Для русских губерний этот процесс начался только после реформы 1861 г. (Яцунский В.К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961, с. 49).

после отмены барщины и в общем завершилась в начале 60-х годов XIX в. Рента постепенно была ограничена избытком над средней нормой прибыли и совпала с арендной платой, получаемой помещиками из прибыли крестьянина — капиталистического арендатора. Поскольку переход к денежной ренте как в имениях, так и в крестьянских хозяйствах сопровождался капиталовложениями и применением вольнонаемной рабочей силы, то товарное производство в сельском хозяйстве Курземе и Видземе перерастало в капиталистическое производство. С середины XIX в. распределение доходов все больше происходило в форме заработной платы (наемные рабочие), прибыли (капиталист) и ренты (земельный собственник). Доходы латышского трудового народа в большинстве случаев состояли из заработной платы. Прибыль шла в карманы исключительно арендаторов дворов, имений и помещиков. Ренту получали почти исключительно помещики.

Капиталистическое развитие крестьянского хозяйства сильно тормозилось значительными пережитками феодализма и различными ограничениями. Для помещиков земля стала в широких масштабах товаром уже во второй половине XVIII в., но для крестьян не была доступна до середины XIX в., за весьма редкими исключениями (первое хозяйство латышскому крестьянину в Видземе было продано в маленьком пригородном имении Волери близ Риги в 1806 г., второе — в имении Руцка близ Цесиса в 1823 г.).⁷⁰ Присвоение помещиками абсолютной ренты в форме арендной платы с крестьян капиталистических арендаторов до продажи им земли в собственность не только тормозило развитие капитализма, но и способствовало сохранению в капиталистическом сельском хозяйстве некоторых полуфеодалных черт. Только в период победы капиталистических отношений помещики в целях получения капитала для уплаты долгов и усовершенствования своего хозяйства в капиталистическом направлении после долгих дискуссий согласились в 1849 г. на введение мелкого крестья-

⁷⁰ Latvijas zeme, zemnieki un viņu darbs. Rīga, 1940, с. 72.

янского землевладения. Однако до 1861 г. в Видземе, по данным самих помещиков, было продано только 655 (2 %) крестьянских хозяйств,⁷¹ а в Курземе продажа крестьянских хозяйств началась лишь в 1863 г. Процесс приобретения земли крестьянами в собственность протекал в 60-70-х годах.

Для сельского хозяйства восточной части Латвии - Латгалии характерен ряд существенных отличий в отношении как темпов, так и форм развития. В первой половине XIX в. в Латгалии наблюдался рост барщины, которая часто превращала доходность крестьянской земли, и рост фольварков. Преобладание мелких имений, находившихся на значительном удалении от рынков сбыта аграрной продукции и потому слабо связанных с рынком, дробление имений на фольварки и передача их в аренду, отсутствие дешевого кредита - все это затрудняло инвестиции в сельское хозяйство.⁷² Избегая хозяйственной деятельности, помещики Латгалии уже во второй половине XVIII в. сдавали крестьянам сенокосы и пашни в аренду за третий стог или сноп и даже ограничивали размеры мызных полей, если те требовали каких-либо вложений капитала. Помещики только тогда приступали к организации товарного производства и к инвестициям, когда у них не было фольварков для сдачи в аренду и отсутствовали возможности получения других "беззаботных доходов". В первой половине XIX в. в Латгалии не наблюдалось стремления к переходу от барщины к наемному труду, не делалось также сколько-нибудь значительных попыток улучшения агротехнической базы, поскольку они не сразу могли привести к увеличению доходов. Появление капиталов в восточной части Латвии было использовано дворянством почти только для получения займов на приобретение предметов роскоши и

71 ЦГИА ЛатвССР, ф. 214, оп. I, д. 920, л. 33.

72 Ср.: Чепко В.В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX в. Минск, 1966, с. 12, 20, 21, 55-56 и др.

покрытия долгов и лишь в весьма редких случаях - для расширения производства. В результате этого купеческий капитал играл здесь роль ростовщического капитала, развивался самостоятельно и оказывал на общее экономическое развитие отрицательное влияние. Это выразилось в усилении феодальной эксплуатации крестьян и ослаблении экономических позиций помещиков без складывания капиталистических отношений. Если в Лифляндской и Курляндской губерниях сельский хозяин часто становился торгующим крестьянином (кушом) или капиталистическим предпринимателем (ремесленником-кустарем), то в Латгалии чаще всего кушцы подчиняли себе производство, консервировали его технический уровень и ухудшали положение ремесленников и рабочих. По своему социально-экономическому облику восточная часть Латвии была близка к восточной части Литвы, Западной Белоруссии и Польше. Генезис капитализма происходил здесь по другой модели, нежели в остальных частях Латвии.

Утверждение капиталистических отношений
в сельском хозяйстве Латвии
(60-70-е годы XIX в.)

Отмена крепостного права в России в 1861 г. и особенно последующие законодательные акты 60-х годов способствовали усилению передвижения населения и утверждению капиталистических отношений. Развитие сельского хозяйства Латвии в это время в основном характеризовалась укреплением латышской сельской буржуазии благодаря покупке земли в собственность. Несмотря на рост цен на землю, превысивших в 3 - 4 раза соответствующие цены в остальных губерниях России, продажа земли в Латвии протекала весьма

стремительно. В отличие от русских губерний, где правом приобретать крестьянскую землю обладали только крестьяне, в Латвии землю мог купить каждый, кто располагал деньгами. В Лифляндской губернии до 1871 г. было продано 6716 (т.е. около половины), а в Курляндской губернии до 1873 г. — 2744 (23 %) крестьянских хозяйства. Во второй половине 70-х годов в руках крестьян находилось 2064 тыс. десятин — 39 % земли (см. таблицу).

Земельная собственность в Латвии в 1877 г. ⁷³

Землевл- дельцы	Видземе		Курземе		Латгалия		Всего	
	в тыс. десят.	в %	в тыс. десят.	в %	в тыс. десят.	в %	в тыс. десят.	в %
Помещики	890,7	48,7	914,7	38,5	567,7	51,1	2372,1	46,1
Крестьяне	758,2	41,4	876,2	36,9	430,9	38,6	2064,4	39,0
Прочие	181,6	9,9	588,4	24,6	113,7	10,3	883,7	14,9
Итого	1830,5	100	2369,3	100	1111,4	100	5321,2	100

Хотя присоединение крестьянской земли к помещичьей продолжалось, общая площадь крестьянской земли увеличивалась, так как многие помещики, стремясь умножить свои доходы, создавали новые крестьянские хозяйства или расширяли старые. Приобретение земли в собственность крестьянами, за редкими исключениями, сопровождалось внедрением капиталистической агротехники и ростом урожайности. В 1868г. курляндский губернатор докладывал, что к многополью перешла большая часть

73) Dunendorfs E. Strukturālas pārmaiņas Latvijas lauksaimniecībā pēc kara. — Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls, 1938, Nr. 4, 618. lpp.

крестьянских хозяйств.⁷⁴ В 1883 г. многополье было введено уже в 14 758 крестьянских хозяйствах (92,84 % от общего числа 15 897 хозяйств, проданных в собственность крестьянам.⁷⁵ Многопольное хозяйство стало почти единственной системой капиталистического земледелия в Латвии. Наряду с этим, как писал губернатор, "... крестьянская курляндская соха уже почти повсюду исчезла", крестьяне пахали землю отвальными плугами.⁷⁶ В 1875 г. в сельском хозяйстве Видземе и Курземе работало 136 паровых двигателей. Большую роль в деле распространения агротехнических знаний и сельскохозяйственных машин, а также в организации кооперации и обмена опытом играли крестьянские сельскохозяйственные общества, число которых в 60-70-х годах быстро увеличивалось.

Руками наемных рабочих (в среднем 2-5 годовых батрака на хозяйство) в крестьянских хозяйствах производились для рынка лен, зерно и мясо-молочные продукты. Особенно большое значение для получения денег в крестьянских хозяйствах не только Видземе и Латгалии, но и даже Курземе имело выращивание льна. Экспорт льна из Лиепая с 70-х годов XIX в. сильно возрос. Несмотря на то, что цена одного берковца (10 пудов) льноволокна в результате конкуренции хлопчатобумажных изделий в Курляндской губернии снизилась с 46 руб.

74 ЦГА СССР, ф.1281, оп. 6, д. 34, л.14.

75 Materialien zur Kenntnis der livländischen Bauernverhältnisse. Riga, 1883, S. 13.

76 ЦГА СССР, ф. 1281, оп.6, д.17, л.16.

в 1867 г. до 30 руб. в 1889 г. и 24 руб. в 1891 г. ⁷⁷, т.е. на 42 % в течение 25 лет, посеви льна, особенно в годы кризиса капиталистического производства, значительно расширились. ⁷⁸

То обстоятельство, что крестьяне основное внимание обращали на земледелие, а также необходимость для них десятилетиями вносить большие выкупные платежи приводили к некоторому отставанию роста товарного мясо-молочного животноводства в крестьянских хозяйствах в сравнении с помещичьими имениями. Это находило выражение в динамике среднего количества крупного рогатого скота в имениях и в крестьянских хозяйствах. В имениях Курляндской губернии среднее количество рогатого скота с 1862 по 1885 г. увеличилось более чем втрое, а в крестьянских хозяйствах

77 Отчет курляндского губернатора за 1892г. (ЦГИА СССР, ф.1284, оп. 223, группа Б, д. 3, лл. 7 - 9).

78 Посевы льна и сбор льноволокна в Курляндской губернии в 1889 - 1895 гг. (согласно отчету курляндского губернатора за 1895 г. - ЦГИА СССР, ф. 1284, оп.223, группа Б, д.7, л.37) :

Годы	Висеяно льна в пудах		Получено льноволокна в пудах
	крестьяне	помещики	
1889	8 186	I 403	246 649
1891	8 546	I 643	296 546
1894	10 991	I 358	388 708
1895	17 010	I 838	415 879

оно осталось на прежнем уровне.⁷⁹ Характерно, что переход к мясо-молочному направлению в более зажиточных крестьянских хозяйствах казенных имений происходил медленнее, чем в хозяйствах крестьян частновладельческих имений.⁸⁰

В Латгалии развитие капиталистического сельского хозяйства сильно задерживалось чересполосицей и недостатком капиталовложений. Выход из деревень на кутора, способствовавший росту капиталистического сельского хозяйства, здесь начался по инициативе богатых крестьян только в 80-х годах XIX в.

79 Среднее количество голов рогатого скота на одно хозяйство в Курляндской губернии в 1862, 1873 и 1885 г. вычислено по отчетам курляндского губернатора за названные годы - ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 6, д. 20, л. 14; ф. 1263, без оп., д. 5503, л. 411; д. 4528, л. 362):

Группа хозяйств	1862 г.		1873 г.		1885 г.	
	абс.цифры	%	абс.цифры	%	абс.цифры	%
Имения	35	100	155	294	165	311,3
Крестьянские хозяйства	9	100	8	88,8	8,5	94,4

80 Среднее количество рогатого скота в хозяйствах Курляндской губернии в 1873 и 1885 гг. (по отчетам курляндского губернатора за названные годы - ЦГИА СССР, ф. 1263, без оп., д. 3717, л. 411; д. 4528, л. 362):

Группа хозяйств	1873г.	1885г.
Частновладельческие имения	217	240
Казенные имения	94	91
Крестьянские хозяйства в частновлад. имениях	8	9
Крестьянские хозяйства в казенных имениях	8	7

Утверждение капиталистического способа производства в имениях в значительной мере тормозилось крупными долгами, которые накопились у помещиков в период разложения феодально-барщинного хозяйства. На 1 июля 1863 г. за 481 имением Курляндской губернии числился долг в 28 033 970 рублей серебром, или 88 рублей на душу крестьянина этих имений.⁸¹ Хотя миллионы рублей, полученных от продажи земли крестьянам, давали помещикам возможность не только уплатить долги, но и делать некоторые капиталовложения,⁸² темпы развития капиталистического хозяйства во многих имениях по сравнению с крестьянскими хозяйствами отставали. Имения все еще основывали свое производство на привилегиях, зачастую использовались менее интенсивно, чем крестьянские хозяйства, менее чутко реагировали на рыночную конъюнктуру и т.д. Неспособность к ведению капиталистического хозяйства приводила к учащению случаев сдачи имений в аренду.⁸³ Тем не менее большинство имений представляли собой сравнительно хорошо механизированные и доходные капиталистические хозяйства и специализировались на производстве зерна, водки и мясо-молочных продуктов для рынка. Переработка зерна и картофеля на водку и пиво в имениях продолжала оставаться важной статьей дохода,

81 ЦГА СССР, ф.1281, оп.6, д.17, л.5.

82 Продажа примерно половины земель имения крестьянам давала помещику возможность освободить имение от долгов (в среднем 3200 руб. на гак) и получить 3200 рублей для капиталовложений, если продажная цена была 6400 рублей за гак.

83 Очерки экономической истории Латвии. 1860-1900, с.33.

развиваясь в направлении укрупнения производства. 84

Ипотечный долг крестьянства непрестанно рос, а помещиков-сокращался. В 80-х годах оба долга достигли примерно одинаковой величины.

Рост внутреннего рынка выразился не только в увеличении массы товаров, но и в расширении товарного обмена между городом и деревней, между областями Латвии, а также между Латвией и остальными частями Российской империи. Городская промышленность и банки Латвии находились в руках немецкой, русской и еврейской буржуазии. Большинство представителей латышской городской буржуазии в 60 - 70-х годах еще не обладали крупными капиталами и свои деньги обыкновенно вкладывали в торговлю, городское строительство и ремесло. Городское цеховое ремесло приобретало характер мелких капиталистических предприятий. В деревне не только сохранялось, но в некоторых местах Видземе и Латгалии даже развивалось мелкое ремесленное товарное производство. В 50-х годах в Латвии началось движение младолатышей - борьба нарождающейся латышской буржуазии и буржуазной интеллигенции за равноправие, а затем и господство в капиталистической экономике и общественной жизни Латвии. В борьбе против господства немецкой буржуазии латышская буржуазия

84 Винокурение в Курляндской губернии в 1872-1892 гг.

(согласно отчету курляндского губернатора за 1892г. - ЦГИА СССР, ф.1284, оп.223, группа Б, д.3, лл.22, 29):

Год	Число винокурен	Выкурено спирта, ведер	Число пивоварен	Сварено пива ведер
1872	127	50 531 364	147	633 073
1880	96	47 635 492	125	I 125 958
1890	58	45 604 995	73	868 914
1892	57	37 763 656	66	825 000

ориентировалась на Россию, притом на славянофильски настроенные круги.

Приток сельского населения в города Латвии в 50-60-х годах возрастал,⁸⁵ хотя закон 1863 г. о свободе передвижения и не привел к радикальному увеличению ухода населения из волостей. Количество рабочих в Риге с 1864 по 1890 г. увеличилось почти втрое, в то время как в Лифляндской и Курляндской губерниях в целом — только на 73 %.

После первой стачки латышских рабочих (100 человек) на лесопильне Вермана в Риге (3 августа 1870г.)⁸⁶ и волнений рабочих Кренгольмской мануфактуры в Нарве в Эстонии положением рабочих заинтересовались даже лифляндские помещики. Барон Сиверс 2 апреля 1873 г. предупреждал ландрагскую коллегию, что "неограниченная эксплуатация рабочих капиталом", которая за границей "приводит к сотрясению всего общества", может иметь те же последствия и в Прибалтике. Поэтому барон рекомендовал учредить комиссию

85 Увеличение количества пришлого населения из Лифляндской и Курляндской губерний в Риге в 1867-1897 гг.

(Б.Я.Вилкс. Формирование промышленного пролетариата в Латвии ..., с.87, 89):

Годы	Население	В том числе выходы из сельских Риги ,тыс.	местностей Лифляндии и Курляндии	тысячи	в % к общему числу жителей
1867	95,8	22,3			23,3
1881	162,6	51			31,5
1897	169,9	100,9			59

86 Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов, т. II, ч. I. 1861-1874. М., 1950, с.246-247.

для инспектирования положения рабочих в Лифляндской губернии.⁸⁷ Стачки, сходки и волнения происходили в Латвии также в 1874, 1880, 1881, 1883 гг. В волнениях в Пардаугаве (Задвинье) в Риге в 1883 г. приняло участие около 600 рабочих. Первые выступления латвийских рабочих были стихийными и не приобрели широкого размаха. Однако эти волнения показали, что на арене общественной жизни появилась новая сила - растущий латвийский пролетариат.

Как видим, в рассматриваемый период экономика Латвии во все большей степени включалась во всероссийский рынок, но в то же время Латвия оставалась одним из районов наиболее раннего проявления развитого капитализма в сельском хозяйстве в масштабе всей Российской империи. Ускорение генезиса капитализма в сельском хозяйстве Латвии в сравнении с другими районами империи было обусловлено, во-первых, географическим положением Латвии, тем, что она находилась на краю "феодалного мира" и располагала протяженным морским побережьем и портами, способствовавшими тесным связям с развивающимся "капиталистическим миром", во-вторых, социально-экономической структурой деревни, наличием сильного собственного мизного хозяйства и разделением крестьянства на небольшой слой арендаторов крестьянских дворов и обширную армию безземельных батраков.

87 Acta des Livländischen Landrat-Collegiums betreffend Fabrikarbeiter-Verhältnisse.

(ЦГИА ЛатвССР, ф.214, оп I, д.812, лл.1-4).

ДАУКШТЕ Вяя Виестуровна

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИКИ
ОСТЗЕЙСКОГО ДВОРЯНСТВА ПО ВОПРОСАМ
ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КРЕСТЬЯН В
40-Х ГОДАХ 19-ГО ВЕКА И ОТРАЖЕНИЕ
ЭТОЙ ПОЛИТИКИ В КРЕСТЬЯНСКОМ ЗАКОНО-
ДАТЕЛЬСТВЕ

К концу 30-х и в начале 40-х годов 19-го века остзейское дворянство приступило к осуществлению более активной политики по вопросам школьного образования латышских и эстонских крестьян.

Началом такого поворота являются решения ландтага ливонского дворянства 1839 года. Завершением этого качественно нового периода политики крестьянского школьного образования в 40-х годах можно считать положения о земских народных школах^I Ливонской губернии, запечатленных в Ливонском Крестьянском Поземельном Уложении 9 июля 1849 года.

Поворот в политике остзейского дворянства по вопросам крестьянского школьного образования был обусловлен рядом причин, вытекавших из условий развития всей социально-экономической и политической жизни прибалтийских губерний.

Среди них определяющее значение имел ряд факторов. Во первых, то, что в результате развития капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве обозначился переход к интенсивным методам хозяйствования, требовавшим некоторого повышения квалификации рабочей силы.

I Земскими народными школами (Volksschulen)

в прибалтийских губерниях в 19 веке назывались крестьянские школы - волостные школы, деревенские школы и приходские школы.

Во вторых, обострение классовых противоречий между крестьянством и помещиками. Недовольство крестьян аграрной политикой остзейского дворянства в период после освобождения от крепостничества в 1817 и в 1819 годах привело к широким крестьянским волнениям в первой половине 40-х годов.

В третьих, аграрные отношения, положение крестьян, в том числе и вопросы крестьянского образования в прибалтийских губерниях в начале 40-х годов в 19-го века вызвали повышенный интерес в различных кругах общественности царской России, считавших назревшими некоторые изменения.

Наконец, обострённое внимание остзейского дворянства к решению вопросов крестьянского школьного образования было связано с тем, что в начале 30-х годов 19-го века истек срок "временно обязательного" положения крестьян.

В данной исторической ситуации остзейское дворянство вынуждено было пойти по пути некоторых реформ и преобразований, что в остзейской историографии характеризовалось как "очень важные преобразования для благосостояния всей земли".² Преобразования в области крестьянских школ и школьного образования в 40-х годах 19-го века оценивались при этом как "весьма значительные"³ для просвещения латвских и эстонских крестьян.

Целью данной статьи является раскрытие сущности и направленности этих преобразований а также анализ их результатов.

2. Berkholz A. Veranlasste Erläuterungen zur Geschichte der Bauerschulen in Livland. - Riga, 1879, S. 19.

3. Там же, с. 41. См. также: Tobien A. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarenismus und russischen Nationalismus. Riga, 1925, Bd. I, S. 241--242.

Важными источниками для решения выдвинутых вопросов являются материалы Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР. Среди важнейших следует отметить материалы ландрата К.А.Бруйнингка, касавшиеся политики остзейского дворянства по вопросам крестьянского школьного образования с 1831 по 1847 год.⁴ В их числе выделяется проект реорганизации народных школ, разработанный в 1847 году Лифляндским верховным комитетом земских школ (Oberlandsschulbehörde).⁵ Ценность этого документа состоит в том, что в нём наиболее ярко отражаются те принципы, на которые опиралось остзейское дворянство в своей политике в области школьного образования в 40-х годах 19-го века.

В названном комплексе материалов находится также инструкция Верховного комитета от 30 марта 1845 года о порядке контроля крестьянских школ.⁶ Анализ этого документа представляет интерес потому, что в 40-х годах 19-го века не существовало общей программы для народных школ ни в Курляндии, ни в Лифляндии. Между тем именно в этой инструкции отражены некоторые аспекты этой программы. В ней сформулированы также цели, выдвинутые остзейским дворянством перед народными школами. В этом деле собрано также множество материалов, отражающих взгляды члена Верховного комитета ландрата Бруйнингка по вопросам крестьянского школьного образования. Во взглядах Бруйнингка во

4 ЦИА ЛатвССР, ф.214, оп.1, д.898. Aus Familienarchiv Bruiningk. Nachlass des Landrats Bruiningk (Carl, Axel, Alexander) betr. Volksschule 1831-1847.

5 Там же, л.175-186. Verordnung über das Schulwesen des Landvolks.

6 Там же, л. 159-162. Instruktion für die Revidenten der Landschulen.

многим отражаются взгляды всей той части остзейского дворянства, которая являлась инициатором активной школьной политики.

Среди таких материалов необходимо выделить соображения Бруйнингга по вопросу о необходимости и перспективах развития крестьянского образования.⁷

Важными источниками для определения политики остзейского дворянства по вопросам крестьянского школьного образования в рассматриваемый период являются решения ландтагов ливляндского дворянства июля 1839 года⁸ и февраля 1842 года.⁹

Фактическим инициатором и исполнителем школьной политики остзейского дворянства был Ливляндский верховный комитет народных школ. Поэтому научный интерес представляют протоколы заседаний этого учреждения.¹⁰

Наряду с неопубликованными источниками для решения выдвинутых вопросов были использованы также ряд опубликованных источников. Среди них наибольшее значение для выяснения выдвинутых вопросов имеет патент Ливляндского губернского правления от 4 апреля 1840 года¹¹ а также

7 ЦИА ЛатвССР, ф. 214, оп. I, д. 898, л. III-II8. Bruiningk C.-A.-A. Die Volksschulensache in Livland 1844.

8 Там же, д. 465а, л. 39-44.

9 Материалы ландрата февраля 1842 года нам не удалось выявить. В статье цитируется выписка из решений ландтага, найденная нами среди материалов фонда Курляндского общества литературы и искусства в ЦИА ЛатвССР, ф. 5759, оп. 2, д. 401, л. 16-17. Полное название этого документа следующее: Auszug aus den Beschlüssen des Landtages 1842 in Betreff der bäuerlichen Verhältnissen in Livland.

10 ЦИА ЛатвССР, ф. 241, оп. I, д. 114, л. I-32.

11 Livländische Gouvernements Regierung. Patente 1840. Befehl 44.

те параграфы по вопросу о крестьянских школах, которые содержатся в Лифляндском Крестьянском Поземельном Уложении 1849 года. ¹²

Два названных законодательных акта составили рубеж целого десятилетия в школьной политике остзейского дворянства. Их сравнение позволяет судить о развитии этой политики в рассматриваемый период времени.

Источником послужил также журнал "Das Inland". Это было издание немецкой интеллигенции. С нашей точки зрения, оно интересно как источник в том плане, что в нем отракалось различие взглядов отдельных представителей остзейского дворянства по вопросу о необходимости образования латышских и эстонских крестьян.

В марксистской историографии политика остзейского дворянства по вопросам школьного образования крестьян в 40-х годах 19-го века специально не исследовалась. Однако некоторые вопросы школьной политики остзейского дворянства в 40-х годах 19-го века затронуты в работах советских историков по истории школы в Латвии. ¹³

12. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание второе, т. XXIV, отделение первое. СПб., 1850, гл. III, §§ 645-657.

13. См.: Drizule M. Latvijas skolu vēsture. Rīga, 1967, 46.-54. lpp.; Salmiņš A. Latvijas skolu izveidošanās un attīstība feodālisma posmā. Rīga, 1980, 75.-90. lpp.; Salmiņš A. Latvijas skolu vēstures nozīmīgākie avoti (18. gs. - 19. gs. 70 g.). - Grām.: Latvijas skolu vēstures avoti. Rīga, 1974, 32.-69. lpp.;

Луков Л. Подготовка народных учителей в Курляндской и в Лифляндской губерниях в эпоху капитализма. Рига, 1980. 81 с.

Тем не менее серьезным начинанием в изучении данного вопроса является исследование советских историков Я.Зутиса и М.Духанова, в которых рассматривается политика остзейского дворянства в целом. ¹⁴

Оценка политики остзейского дворянства в области крестьянского школьного образования с позиций латышской буржуазной историографии дана А.Вичем. ¹⁵ Его работа, несмотря на отдельные недостатки в интерпретации проблемы, представляет богатый фактический материал, собранный автором.

Сравнительно большое внимание этим вопросам уделено в апологетической остзейской историографии. ¹⁶

-
- I4 См.: Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, гл. I; Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Рига, 1949, ч. I, гл. 4, 5, 6; Духанов М. М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50-70-х гг. XIX в. и критика её апологетической историографии. Рига, 1978. 470 с.
- I5 Vičs A. Latviešu skolu vēsture. 2. Kurzemes tautskolas no 1800. līdz 1885. gadam. Rīga, 1926, 88.—154. lpp.; 3. grām. Vidzemes tautskolas no 1800. līdz 1885. gadam. Rīga, 1928, 172.—235. lpp.
-
- I6) См.: Tobien A. Die livländische Ritterschaft ..., Bd. I, S. 241-242; Berkholz A. Verenlesste Erläuterungen..., S. 10-41; Hollman F. Die Volksschule in Livland.—Dorpat, 1873, S. 292-294; Guleke H. Geschichte des livländischen Volksschulwesens. — Manuskript. 1889.
-
- (ЦГА ЛатвССР, ф. 214, оп. 6, д. 152а, л. 1 - 77).

На основе решений ландтага ливонского дворянства 1839 года 4 апреля 1840 года Ливонское губернское правление издало патент о создании системы управления крестьянскими школами. В означенный период это были первые конкретные шаги ливонского дворянства по осуществлению "новой" политики в вопросах образования латышских и эстонских крестьян.

В качестве высшего учреждения этой системы был создан Ливонский верховный комитет земских школ.¹⁷ Верховный Комитет состоял из четырех представителей дворянства и главы духовенства (генералсуперинтендента). С 1844 года состав этого учреждения пополнялся школьным советником,¹⁸ которого избирал ландтаг. Были созданы также местные учреждения управления крестьянскими школами. Решающее слово и тут имело дворянство.¹⁹

Организация практической работы по крестьянскому образованию была "доверена" лютеранскому духовенству.²⁰

В то же время вопросов более конкретной работы по созданию крестьянских школ касался только один пункт этого патента, в котором было сказано, что главной задачей Верховного Комитета является "реализация всех существующих законов и положений" по отношению к крестьянским школам "и особенно положения 1819 года".²¹

Из сказанного следует вывод о том, что преобразования в области крестьянских школ, предложенные ландтагом 1839 года, были исключительно направлены на укрепление определяющей роли дворянства в решении вопросов школьного образования латышских и эстонских крестьян.

17 См.: Patente pro 1840, Befehl Nr. 44, P. 3.

18 ЦГИА ЛатвССР, ф.214, оп.1, д.898, л.155.

19 См.: Patente pro 1840..., P. I, 2, 5, 7, II.

20 См. там же, P. I, 8, 9, 10.

21 Там же, P. 3.

Односторонность и поверхностный характер начатых преобразований во многом объясняется тем, что среди дворянства не было уверенности в целесообразности (с точки зрения самого дворянства - В.Д.) начатой политики. Не было также ясности в том, что и как именно должно быть сделано в области крестьянского школьного дела.

Часть остзейского дворянства в первой половине 40-х годов 19-го века в отношении конкретных вопросов крестьянского школьного образования придерживалась мнения члена Верховного комитета ландрата Х.А.Бока. Бок считал, что "с организацией Верховного комитета сделано достаточно для школьного дела". Далее, по мнению Бока, это дело должно развиваться "само по себе". Главным, по его мнению, оставался вопрос о том, приведет ли образование крестьян к желаемому результату.²²

При этом характерно стремление по возможности сохранить в области крестьянского школьного образования порядок, установленный законодательством 1819 года.

Одновременно с сомнениями, высказанными Бокком, было высказано мнение о том, что некоторым повышением образования крестьян могут быть повышены их моральные качества (в представлениях дворянства - В.Д.). По мнению некоторых представителей дворянства, на место "морали принуждения" должна была стать "мораль осознанная".²³ Причины "заботы" остзейского дворянства "о моральном облике" латышского и эстонского крестьянства во многом объясняют следующие слова Бруйнингга: "... наши политические и экономические интересы требуют сделать крестьянство самостоятельнее, с целесообразным и религиозным образованием".²⁴ В дальней-

²² Guleke H. Geschichte des livländischen..., S.36.

²³ Über Bauerverhältnisse in den Ostseeprovinzen.- Das Inland, 1838, Nr.20, S. 306.

²⁴ ЦГА ЛатвССР, ф.214, оп.1, д.898, л.81. (Обращение Бруйнингга в 1840 году при приступлении к обязанностям главного церковного попечителя).

шем еще в первой половине 40-х годов были выдвинуты и более конкретные предложения по вопросам крестьянского школьного образования. Наибольший интерес представляют мысли Бруйнингга о необходимости и перспективах развития крестьянского школьного образования. Не забывая, что Бруйнингг перед крестьянскими школами выдвигал цель воспитывать "трудолюбивых и сознательно послушных"²⁵ крестьян, внимание заслуживает конкретная программа реализации этих целей. Так, например, по сравнению с мнением других представителей остзейского дворянства, он выступал за более обширную программу крестьянских школ. Предлагалось изучать основы таких предметов, как география, история, знание природы, а также ознакомить учащихся с местным законодательством в отношении крестьян.²⁶ Бруйнингг допускал также более высокую степень образования отдельных представителей крестьянства, но это было бы уже, по мнению Бруйнингга, "немецкое образование" (deutsche Bildung).²⁷

После того как в 1841 году в Лифляндской губернии начались широкие крестьянские волнения, слова Бруйнингга о необходимости повышения образования крестьян в интересах дворянства правящие круги остзейского дворянства вынуждены были принимать во всей серьезности. Об этом свидетельствует широкое обсуждение вопросов крестьянского положения, в том числе и вопросов образования крестьян, на ландтаге лифляндского дворянства в феврале 1842 года. Среди остзейского дворянства было высказано мнение о том, что причинами крестьянских волнений якобы являются "недостаточное образование и глупость" крестьян.²⁸

25 ЦИА ЛатвССР, ф.214, оп.1, д.898, л.113.

26 Там же, л.112-113.

27 Там же, л.114-115.

28 См., например,

Решения ландтага свидетельствуют о том, что правящие круги остзейского дворянства считались с этим мнением. Ландтагом был рассмотрен вопрос о положении крестьян в "моральном и интеллектуальном"²⁹ аспекте и была осознана необходимость некоторого повышения образования крестьян.

Такая необходимость объяснялась тем, что требовалось "повысить среди крестьян сознание их крестьянского долга и их моральных качеств".³⁰

К середине 40-х годов 19-го века в политике остзейского дворянства в области крестьянского образования все более важное место занимали вопросы воспитания крестьян в религиозном духе.

О причинах такой направленности говорят выступления на заседании Лифляндского комитета земских школ 30 ноября 1846 года. Внимание было обращено на "опасность", которая якобы "грозит евангелическо-лютеранским народным школам Лифляндии в связи с вмешательством православного духовенства".³¹

Как известно, в середине 40-х годов 19 века в Лифляндии стал массовым переход латышских крестьян в православие. Это было одной из форм классовой борьбы крестьян. Влияние этих событий на политику остзейского дворянства в области школьного образования крестьян отражается уже в инструкции Верховного комитета от 30 марта 1845 года о порядке контроля над крестьянскими школами.

В инструкции было сказано, что в крестьянских школах низшей ступени - волостных или деревенских - крестьянские дети, во первых, должны получать "порядочное религиозное образование с целью подготовки к их конфирмации".³²

29 ЦИА ЛатвССР, ф.5759, оп.2, д.401, л.16-17.

30 Там же, л. 16.

31 Там же, ф. 241, оп. 1, д. 114, л. 32.

32 Там же, ф. 214, оп.1, д. 898, л. 159. Instruktion...

В крестьянских школах высшей ступени — приходских — предусматривалось наиболее широкое образование для "отдельных индивидов из крестьян", но это, как было сказано в инструкции, "небезопасно для самих этих индивидов и даёт мало пользы народу в целом".³³ Главное внимание в приходских школах было обращено на "усердное обучение слову божьему".³⁴

Политика остзейского дворянства по вопросам крестьянского школьного образования во второй половине 40-х годов 19 века наипрочайшим образом характеризуется проектом преобразования крестьянских школ, который был разработан Лифляндским верховным комитетом земских школ.³⁵

Вопросы преобразований в сфере школьных дел поднимались уже на заседании Верховного комитета 30 ноября 1846 года.³⁶

Существенно важными являются тезисы, на которые опирался Верховный комитет в своей политике по вопросам крестьянского школьного образования.

В первую очередь подчеркивалось, что дела крестьянских школ, начиная уже со шведских времен и кончая Николаем I, находились в управлении остзейского дворянства и такое положение должно сохраняться и в дальнейшем.³⁷

33 ЦИА ЛатвССР, ф.214, оп.1, д.898, л.159.

34 Там же, л. 159, 161.

35 Там же, л. 175-186. *Verordnung über das Schulwesen des Landvolks.*

36 Там же, ф. 241, оп. 1, д. 114, л. 32.

37 ЦИА ЛатвССР, ф.214, оп.1, д.898, л.175.

Во вторых, организация крестьянских школ должна была основываться на положении о крестьянских школах 1819 года.³⁸ По мнению авторов проекта, положения 1819 года соответствуют "местным условиям, уровню развития образования народа".³⁹

Наконец, "религия и еще раз религия" должна была определять содержание учебного процесса в крестьянских школах. Верховный комитет категорически утверждал, что "школы вообще не могут существовать отдельно от церкви".⁴⁰ При этом особенно подчеркивалось, что существующие в Лифляндии крестьянские школы "приспособлены только для обучения крестьянских детей лютеранского вероисповедания".⁴¹

Сам проект состоял из трех разделов. Первым разделом определялась организация крестьянских школ,⁴² второй раздел был посвящен вопросам организации управления школами⁴³, а третий - материальному обеспечению устройства и содержания крестьянских школ.⁴⁴

В первом разделе были сформулированы цели и задачи крестьянских школ. Так, в первом параграфе было сказано, что крестьянские школы должны "обеспечить подготовку крестьянских детей к конфирмации и включению их в жизнь христианского прихода", а также дать такие указания, которые "сделали бы крестьянских детей пригодными для жизни в крестьянском сословии".⁴⁵

38) См.: Gesetz—Sammlung für das Jahr 1819. Livländische Bauerverordnung.— St. Peterburg, 1820, §§ 516; 517.

39) ЦИА ЛатвССР, ф.214, оп.1, д.898, л.175.

40) Там же, л. 176.

41) Там же.

42) Там же, л. 176-179.

43) Там же, л. 179-183.

44) Там же, л. 183-186.

45) Там же, л. 176.

В приходских школах, в отличие от волостных, предполагалось подготовить учащихся таким образом, "чтобы они были способны воздействовать на массы" там, где отсутствуют волостные школы. ⁴⁶

В волостных школах дети должны были обучаться чтению, письму, счёту, пониманию катехизиса, библейских рассказов и пению церковных песен. Предусматривалось также обучение истории по материалам местного законодательства и некоторым знаниям о природе. ⁴⁷

В отношении приходских школ было сказано, что в них должны обучаться тем же предметам, что и в волостных школах с некоторым методическим уклоном. ⁴⁸

Из сказанного следует вывод, что образование крестьян предусматривалось в строго определенных рамках, которыми ограничивались только самые элементарные знания.

Более конкретные программные требования по разным предметам обучения так и не были сформированы. Отсутствие единых требований привело к большим различиям в уровне обучения в разных крестьянских школах.

Неконкретно были сформулированы вопросы сроков школьного обучения, а также школьного возраста. Так, например, седьмой параграф гласил, что срок обучения и школьный возраст в волостных школах зависит в каждом конкретном случае от уровня домашнего обучения (дошкольная подготовка). ⁴⁹

Вопросы форм и методов крестьянского обучения не были затронуты вообще.

46 - ЦИА ЛатвССР, ф.214, оп.1, д.898, л.178.

47 Там же, л. 177.

48 Там же, л. 178.

49 Там же, л. 177.

Вопросы управления крестьянского школьного обучения были развернуты значительно подробнее (второй раздел). Однако, по существу, повторилось содержание патента 1840 года. Наибольшее внимание по-прежнему было обращено на закрепление определяющей роли дворянства в области крестьянского школьного дела.

В третьем разделе проекта определялся порядок материального обеспечения и содержания крестьянских школ. В целом царило мнение, что крестьяне сами должны устраивать и содержать школы.

Однако следует отметить, что наряду с этим обозначились и некоторые попытки включить в эту сферу деятельности также и дворянство. Такое явление в деятельности Верховного комитета — не случайность. Сторонники активной школьной политики дворянства одной из предпосылок успешного осуществления этой политики считали обеспечение школы землей.

Проект, разработанный Верховным комитетом, как отмечается в его материалах, рассматривался на ландтаге ноября 1848 года и в целом был одобрен дворянством. ⁵⁰

На основе выдвинутых Верховным комитетом принципов были разработаны положения о земских народных школах, вошедшие в Поземельное Уложение 1849 года.

Однако по сравнению с выдвинутым проектом в положениях о земских народных школах 1849 года совсем не были затронуты более конкретные вопросы организации крестьянского школьного дела. Если в проекте, представленном Верховным комитетом, были затронуты некоторые вопросы конкретного обучения крестьян, то положения 1849 года касались исключительно только вопросов устройства, содержания и управления крестьянских школ. Положениями о земских народных школах 1849 года фактически был узаконен до того уже существующий порядок: крестьянство устраивает и содержит школы, духовенство — ведёт практическую работу по обучению крестьян, а дворянство — управляет и контролирует все

дела крестьянских школ и школьного обучения.

Так, в отношении волостных школ было сказано, что "учреждение и содержание волостных школ вменены в непосредственную обязанность самим волостным обществам".⁵¹ Такое мнение оправдывалось тем, что "через выдел повинностной земли и законное определение ее пространства волостный союз установлен на более твердых и точных основаниях".⁵² Так оправдалось сохранение того порядка, который был установлен уже аграрным законом 1819 года. "Приходскими обществами" должны были содержаться также евангелическо-лютеранские приходские школы.⁵³

В отношении материальных обязанностей дворянства находим формулировку, что "лифляндскому дворянству предоставляется предназначить единовременные или постоянные способы на учреждение и содержание церковнослужительской школы" (речь идет о учительской семинарии - В.Д.)⁵⁴.

Такая постановка вопроса фактически санкционировала существовавший до того порядок, при котором практические возможности развития крестьянского образования зависели от личной инициативы отдельных представителей дворянства, ибо крестьянские общества не были в состоянии материально обеспечить создание систему крестьянских школ. Одновременно дворянство укрепило свое определяющее место в управлении и контроле над образованием крестьян. Высшей инстанцией надзора по-прежнему оставался Верховный комитет земских школ. Присущество дворянства в составе этого комитета, установленное уже патентом 1840 года и закрепленное

51 ПСЗ, т. XXIV, гл. III, § 645.

52 Там же.

53 Там же, § 648.

54 Там же, § 656.

положениями 1849 года, позволяет рассматривать его дворянским учреждением. ⁵⁵

Несколько подробнее, по сравнению с патентом 1840 года, было разработано местное управление крестьянских школ. Но это было сделано уже названном направлении - а именно: с целью укрепления главного места дворянства в этом управлении. Так, например, уездные комитеты земских школ (Kreislandschulbehörde) должны были быть составлены "под председательством главного церковного попечителя (Oberkirchenvorsteher), из двух членов духовного звания, из двух членов, избранных дворянством, и двух членов духовного звания, избранных Провинциальной консисторией". ⁵⁶ По сходному принципу должны были быть составлены также приходско-школьные правления (Kirchspielsschulverwaltung). ⁵⁷

Практическая деятельность в области крестьянского школьного образования оставалась в компетенции лютеранского духовенства. ⁵⁸ Но, так как не были разработаны единые программные требования для крестьянских школ, не могло быть и речи о более или менее систематическом обучении крестьянских детей.

В положениях о земских народных школах 1849 года не было ничего по существу нового по сравнению с патентом 1840 года. В вопросах управления крестьянских школ не было разногласий также с проектом, представленным Верховным комитетом.

55 ПСЗ, т. XXIV, гл. III, §§ 650; 651; 653.

56 Там же, § 652.

57 Там же, § 653.

58 Там же, § 654.

Отказ от решения конкретных вопросов школьного обучения крестьян объясняется не только нежеланием взять на себя конкретные обязательства. Все вышесказанное свидетельствует о том, что остзейское дворянство в 40-х годах 19 века чувствовало необходимость кое-каких изменений в деле образования крестьян. Однако сопротивление существенным изменениям, которых требовало социально-экономическое и политическое развитие общества, приводило к тому, что в конце 40-х годов 19 века политика дворянства по вопросам крестьянского образования характера той же неуверенностью, о чем была речь в отношении преобразований начала 40-х годов. Характерно то же самое — стремление придерживаться установок 1819 года, якобы все еще соответствующим "местным условиям".

При этом как в проекте преобразований крестьянских школ, так и в положениях о земских народных школах 1849 года, наипрчайшем образом отражается усиление реакционных тенденций в политике остзейского дворянства и в другом аспекте. А именно: особое внимание было обращено на укрепление зависимости образования крестьян от евангелическо-лютеранской церкви. Так, относительно евангелическо-лютеранских волостных школ в положениях 1849 года было сказано, что те "принадлежат к церковным учреждениям".⁵⁹ Было установлено раздельное школьное обучение крестьянских детей лютеранского и православного вероисповедания.⁶⁰

Оценивая положения о крестьянских школах в аграрном законе 1849 года как завершение целого периода политики остзейского дворянства в области крестьянского школьного образования, следует сказать, что эти положения не внесли новшества в крестьянское образование, которые способствовали бы его прогрессу.

59 Там же, § 647.

60 Там же, §§ 646; 648.

Все сказанное, по мнению автора, позволяет сделать следующие выводы.

Политика остзейского дворянства в области школьного образования латышских и эстонских крестьян была направлена на защиту феодальных привилегий дворянства в социально-экономической жизни прибалтийских губерний.

В обстановке кризиса феодального хозяйства и обострения классовых противоречий остзейское дворянство было вынуждено искать новые средства внеэкономического принуждения крестьян. Этим объясняется осознание остзейским дворянством необходимости некоторых преобразований и в области крестьянского школьного дела.

По своему содержанию преобразования в области крестьянского школьного образования, предложенные и осуществленные в 40-х годах, сводились к закреплению определяющей роли остзейского дворянства в решении вопросов образования латышских и эстонских крестьян. В отношении конкретных вопросов школьного образования характерно стремление ограничить образование крестьян только самым минимумом элементарных знаний в духе догм религии.

Таким образом, в этих преобразованиях раскрывается противоречивость всей школьной политики остзейского дворянства. С одной стороны - признание необходимости некоторых реформ, но с другой - стремление по возможности ограничить эти реформы и сохранить максимум старого.

К тому же анализ отдельных мер преобразований позволяет говорить об усилении реакционных тенденций в школьной политике остзейского дворянства во второй половине 40-х годов 19 века по сравнению с первой половиной 40 годов. Об этом говорит сам ход разработки и ограниченность положений о земских народных школах в аграрном законе 1849 года.

Политика остзейского дворянства в области крестьянского школьного образования в 40-х годах 19 века в целом не способствовала существенным изменениям школьного образования крестьян.

Поэтому нельзя согласиться со стремлением апологетов политики остзейского дворянства абсолютизировать отдельные положительные моменты в этой политике и на основе их говорить о якобы большом значении деятельности сторонников активной школьной политики остзейского дворянства в 40-х годах 19 века в развитии образования латышского и эстонского народов.

УТВЕРЖДЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
В ПОМЕЩИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ ЛИТВАНИИ В 50-60 гг. XIX в.

Процесс крушения феодальных и утверждения капиталистических отношений в деревне относится к числу наиболее актуальных и сложных проблем, изучаемых советскими историками. Актуальность эта обусловлена исторической значимостью процесса, а также важным познавательным смыслом его изучения: оно позволяет раскрыть общие закономерности и специфику перехода.

В эстонской и латышской советской историографии вторая четверть XIX века рассматривается как эпоха, в которой коренились явления, приводившие во второй половине века к развитию капитализма в сельском хозяйстве Прибалтики (Ю.Кажж, В.Файнштейн, Х.Стродс, М.Духанов, М.Козин). В итоге эти факторы — ускорение развития производительных сил, усиление классовой борьбы между крестьянством и помещиками и обострение политической борьбы между различными группами правящих классов — делали возможным и ускоряли переход помещиков на капиталистический путь хозяйствования. Границей между феодальной и капиталистической формациями в нашей историографии считаются 60-е годы XIX века. При этом исходят, с одной стороны, из общей периодизации истории СССР, где реформа 1861 г. рассматривается условным рубежом, начиная с которого капиталистическое развитие стало возможным, хотя капитализм в аграрном строе России утвердился далеко не скоро. С другой стороны, исходят из местных крестьянских законов середины XIX в., которые трактуются в том же аспекте, что и русская реформа 1861 года. Крестьянские законы 1849 и 1860 гг. (Лифляндия), 1856г. (Эстляндия), 1863 г. (Курляндия) и 1865 г. (о.Сааремаа) расчищали дорогу развитию капитализма, способствуя

переходу от отработочной аренды к денежной, продаже усадеб и приобретению их крестьянами. Запрещение отработочной аренды с 1868 г. ускорило укрепление капиталистических отношений. Но при этом некоторыми историками подчеркивалось, что, несмотря на крупные успехи в 60-70-е годы XIX в., превращение старого мизно-барщинного хозяйства в чисто капиталистическое инкерское хозяйство в Эстонии не было завершено вплоть до 1917 г., и до тех пор здесь фактически существовала переходная система. ¹

Нам представляется, что трактовка перехода помещичьего хозяйства с феодально-барщинной на капиталистическую систему хозяйствования требует уточнения. Особенно это касается вопросов, как и какими темпами осуществлялся переход, можно ли и начиная с какой поры считать капиталистические отношения господствующими.

Патент Лифляндского губернского правления от 14 мая 1865 г. запрещал заключение новых арендных договоров на барщину и устанавливал срок для окончательного запрещения барщины - 23 апреля 1868г. ² В такой обстановке органы местного дворянства нуждались в данных, которые отразили бы накануне этого критического срока истинное состояние помещичьего хозяйства губернии и степень перехода с отработочной на денежную аренду, а также указали бы на возмож-

1. Kahk J., Vassar A. Lenini õpetus kapitalismi arengise kahest teest põllumajanduses ja mõningaid Eesti agrariale jaloo probleeme. - Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. — 1970, nr.2, lk.157.

2. Сборник дополнительных постановлений к Положению о крестьянах Лифляндской губернии 1860 г. и других узаконений, касающихся Лифляндских крестьян. Рига, 1878, с. 44 - 45 .

ные трудности при отказе от обработок. С этой целью статистическое бюро Лифляндской ландратской коллегии разослало в начале 1867 г. во все имения Лифляндской губернии напечатанные опросные листы о состоянии помещичьего хозяйства в 1865/66 экономическом году. Большинство имений ответили на анкету.³ Первичные материалы этого обследования (с привлечением других источников) позволяют проследить переходный процесс и выявить социально-экономическую структуру и степень перехода помещичьего хозяйства к концу 1860-х гг. в поместном масштабе.⁴ Постановленные вопросы решаются на материале, касающемся Южной Эстонии.⁵

Отправной точкой при характеристике переходного процесса являются методологические положения В.И. Ленина, введшего в научный оборот понятия капиталистической и отработочной систем ведения помещичьего хозяйства.⁶ Эти положения В.И. Ленина и являются основой для группировки поместных хозяйств по степени развития капиталистических от-

-
- 3 Заполненные опросные листы 457 имений эстонской части Лифляндской губернии (Южная Эстония) сохраняются в Тарту в ЦГИА ЭССР (ф.1427, оп. I, д.139-192). Анкетные материалы 185 имений латвийской части губернии (Вицземс) сохраняются в Риге в ЦГИА ЛатвССР (ф.214, оп. I, д.5120-5151).
- 4 Источниковедческий анализ анкетных материалов дан: Розенберг Т.А. Формирование сельского пролетариата Эстонии (мзские рабочие в Южной Эстонии с начала XIX до начала XX века). Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Тарту, 1980, с. 173-182.
- 5 В пяти уездах Южной Эстонии насчитывалось 518 имений. Из них принадлежали казне 98, церкви - 54, частным владельцам - 354, городам - 9 и дворянской корпорации - 3. См.: 1863 *Sivers J.V. Das Buch der Güter Livland und Sesels. Riga, 1863.*
- 6 Ленин В.И. Полн. собр., соч., т. 3, с. 186-187; 199-200.

ношений. Определяющим показателем, характеризующим степень перехода с феодально-барщинного на капиталистическое хозяйство, является характер применяемого труда. Все рассматриваемые мызные хозяйства разделяются на 4 группы (стадии перехода):

1. имения отработочной системы, где сельскохозяйственные работы выполняют батраки крестьянских дворов, состоящие на отработочной или смешанной аренде;
2. имения переходной системы, где еще преобладает отработочный труд;
3. имения переходной системы, где уже преобладает наемный труд;
4. имения капиталистической системы, где все работы выполняются мызными наемными рабочими.

Установить, к какой группе относится одно или другое имение, позволяют данные анкеты. Среди 35 разных вопросов по мызному хозяйству есть вопрос о том, при помощи какой рабочей силы ведется хозяйство: применяются ли отработочные или мызные наемные батраки, а если и те и другие, то в каком соотношении. Относясь критически к этим данным и проверяя правильность одних ответов в сопоставлении с другими, а в случае необходимости привлекая и другие источники, можно получить всестороннюю картину состояния мызного хозяйства в 1866 г. — за два года до запрещения отработочной аренды.

Переходный процесс следует рассматривать дифференцированно, по каждой категории имений (казенные, частные, церковные) отдельно, что обусловлено различиями в их правовом и экономическом строе.

Казенные имения. В начале 60-х гг. XIX в. крестьяне, жившие на казенных землях, составляли в Тартуском уезде 14,5 %, в Вирусском — 13,0 %, в Вильяндиском — 20,7 %, в Пярнуском — 36,1 %, на острове Сааремаа — 55,1 %, а в Южной Эстонии в целом — 23,7 % всего крестьянского населения.⁷

7 Jung-Stilling Fr. Material zu seiner allgemeinen Statistik Livlands und Sesels. Riga, 1864.

Из 98 казенных имений на анкету 1866 г. ответили 86 (91 %), и во всех них хозяйство велось уже почти исключительно наемными батраками. Предпосылкой этого явился начавшийся раньше и протекавший быстрее, чем в частных имениях, перевод крестьянских хозяйств на денежную аренду.

Вопрос о всеобщей отмене барщины в казенных имениях встал в связи с попытками казны найти выход из финансовых затруднений, "поднять тонус" феодального сельского хозяйства путем "попечительства над крестьянами". Видимо, власти надеялись этим повлиять и на положение частновладельческих крестьян, чтобы разрядить конфликтную ситуацию в деревне. Толчок ко всеобщему введению денежной ренты дала так называемая киселевская ревизия. Положение 1841 г. о применении реформы П.Д.Киселева в Прибалтийских губерниях устанавливало: вводить денежную ренту в казенных имениях по желанию крестьян, при условии, если она даст казне больше доходов. 31 октября 1846 г. Министерство государственных имуществ утвердило новую, более выгодную для крестьян инструкцию о введении денежной ренты в Лифляндской и Курляндской губерниях.⁸ В казенных имениях перевод крестьян на денежную аренду осуществлялся пообщинно или поодиночно. В первом случае с волостным обществом заключался договор на основе круговой поруки. Так, например, 31 марта 1847 г. между Аренбургским окружным управлением государственных имуществ и дворохозяевами Каралаской казенной волости был заключен договор на денежную аренду сроком на один год. Волость обязывалась уплатить казне, взамен исполнявшихся до того на мизе барщины и повинностей, по 3 рубля за талер используемой земли - всего 1086 рублей арендной платы. При этом арендаторы отвечали друг за друга всем своим имуществом.⁹

8 Строд Г.П. Переход к использованию наемной рабочей силы в казенных имениях Курляндской губернии в 40-50-х годах XIX в. - Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. М., 1970, с. 300 - 301.

9 ЦГИА ЭССР, ф. 555, оп. I, д. 475.

В 40-х годах и отдельные помещики в частных имениях стали переводить своих крестьян на денежную аренду, но с самого начала этот перевод в казенных имениях осуществлялся намного быстрее, чем в частных. Если в 1847 г. в казенных имениях Тартуского и Вырусского уездов на денежную аренду было переведено 10,5 %, а в Вильяндиском и Пярнуском -- 19,4 % крестьянской земли, то в частных и церковных имениях в то же время на денежную аренду было переведено 9,2 % крестьянской земли. 10

Особо быстрыми темпами шел переход крестьянских усадеб на денежную аренду в казенных имениях в 50-е гг. XIX в.: По данным Дерптского окружного управления государственных имуществ в казенных имениях Тартуского и Вырусского уездов в 1860 г. на денежной аренде было уже более 90 % крестьянских усадеб (табл. I). По тем же данным в казенных имениях Вильяндиского и Пярнуского уездов в 1860 г. из 2003 дворов на денежной аренде был 1781 двор (89 %).

10 Traat A. Aukeet talumaade raharendi leviku kohta Lõivimaal 1847. aastal. - Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused, 1957, nr.2, lk. 197, 202.

Таблица I

Перевод крестьянских усадеб на денежную аренду
в казенных имениях Гартуского и Вырусского
уездов в 1849 -- 1864 гг. *

Год	Кол-во крестьян- ских усадеб	Из них на денежной аренде	
		число	%
1849	1255	320	25,5
1850	1255	401	31,9
1851	1255	486	38,7
1852	1255	563	44,9
1853	1255	804	64,1
1854	1254	874	69,7
1855	1291	1027	79,6
1856	1282	1074	83,3
1857	1282	1091	85,2
1858	1282	1165	90,8
1859	1282	1177	91,7
1860	1282	1177	91,7
1864	1282	1280 + 2 про- данные усадьбы	100

* ЦГИА ЭССР, ф. 2418, оп. I, д. 299.

Поскольку арендные цены казенных земель были для Лифляндии чрезвычайно низкими, то крестьяне казенных имений находились в более благоприятных экономических условиях, чем крестьяне частных имений. Основой низких и стабильных арендных цен в казенных имениях была таксация казенных земель и оценка чистого дохода с нее, начавшаяся с 1854 г. В 1860 г. началась также продажа казенной земли. Продажная цена определялась по капитализации из 4-х процентов ежегодного размера поземельной аренды, который, в свою очередь, составлял 25 - 33 % оценочного дохода с земли, 15 % выкупной суммы следовало выплатить при заключении договора, а остальную сумму надо было погасить в течение 28 лет, внося ежегодно дополнительно 4 % роста с этой суммы. Как арендные, так и продажные цены были относительно низкими, и в течение короткого времени во всей Лифляндии крестьянам казенных имений было продано 425 усадеб. Но скоро казна прекратила продажу земли под предлогом, что регулировка и оценка казенных земель проводились на разных основах. Для устранения этого 14 апреля 1866 г. вышла новая инструкция регулирования и оценки казенных земель.¹¹ Последовавший 10 марта 1869 г. указ об административном и поземельном устройстве крестьян казенных имений прибалтийских губерний определял положение казенных крестьян на более продолжительное время.¹² Указом фиксировалось право казенных крестьян сохранить в постоянном своем пользовании, а по желанию и приобрести в собственность представленные им земельные участки. Одновременно с определением площади и границ названных участков комиссии по регулированию казенных имений должны были вычислить и количество оценочного дохода, причитающегося за пользование каждым участком. Регулировку в казенных имени-

¹¹ Tobien A. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. II Bd. Riga, 1911, S. 336.

¹² ПСЗ II, т. XLV, 1869, № 46833.

ях намечали закончить к 1875 г. Для введения регулирования в действие каждому крестьянину, владеющему участком в казенных имениях, следовало выдать так называемый регуляционный акт, в котором обозначались границы и площадь участка и размер поземельной аренды, который должен был остаться неизменным до истечения 20 лет со дня издания указа. Последующие изменения в окладе аренды могли быть проведены только в законодательном порядке. Продажная цена каждого участка определялась по капитализации из 4-х процентов ежегодного размера поземельной аренды. Вся эту выкупную сумму крестьяне могли постепенно погашать в течение 49 лет, внося ежегодно дополнительно 5,5 % роста с этой суммы.

Хотя продажа усадеб крестьянам, по данным анкеты 1866 г. (табл. 2), в казенных имениях происходила медленнее, чем в частных (в казенных имениях было продано 2,2 %, в частных - 9,9 % общего числа усадеб), подавляющее большинство казенных имений отказалось от отработочной и даже от смешанной аренды, и поэтому в них уже укоренилась капиталистическая система хозяйствования. ¹³

Уже в 1840-е гг. Лифляндская губернская палата казенных имуществ при сдаче казенных имений в аренду обязывала арендаторов приобрести для имений рабочий скот и соответствующий инвентарь. Таким образом, органы Министерства государственных имуществ постарались сделать казенные имения независимыми от барщинного крестьянского хозяйства и способными вести хозяйство при помощи наемного труда. ¹⁴

¹³ Исключения составляли имения Таазере Вильяндского уезда (26 усадеб на денежной, 20 - на смешанной и 17 - отработочной аренде) и Коонга Пярнуского уезда (в 1864 г. 142 усадеб на смешанной аренде). В имениях Резгольди Вильяндского уезда (24 усадеб) и Вайке-Улила Тартуского уезда (15 усадеб) практиковалась исполная аренда.

¹⁴ Kahek J. Eesti ala kroonumbisate rendidokumentatsioon ja allikmaterjal feodalismilt kapitalismile üleminekuperioodi alguses (1840-ndate aastate) majanduslike protsesside uurimiseks. - Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. 1972, nr. 2, lk. 131-132.

Таблица 2

Арендные отношения в казенных имениях и их обеспеченность рабочим скотом, сельскохозяйственными машинами и инвентарем в 1866 г.^ж

	Тартуский у.	Вярский у.	Вальндри- ский у.	Пярнуский у.	Саремаас- кий у.	Всего
Количество имений	26	5	12	17	35	86
Кол-во крестьянских дворов:						
в собственности - число	4	-	11	77	5	97
в арендное пользов.-число	675	345	705	1056	1437	2116
%	99,4	100	93,8	93,2	99,7	97,0
Мизная пашня в дес.на						
I лош.	8,1	7,5	6,9	7,6	4,3	6,2
Кол-во миз. прим. с/х маш.	6	-	9	5	4	24
Кол-во молотилок	3	-	4	3	1	11
Кол-во соломорезок	4	-	5	4	2	15
Кол-во льномялок	4	-	6	5	-	15
Везялки	2	-	1	2	3	8
Сеялки	1	-	-	1	1	3

Сравнить, в какой мере имения, находившиеся на различной стадии перехода на наемный труд, были обеспечены собственным рабочим скотом, позволяет количество мизной пашни, обрабатываемой самой мизой, приходящееся на одну рабочую лошадь. Показатель этот не является вполне точным и сопоставимым, т.к. нагрузка на одну лошадь зависит от системы земледелия (данные о мизной запашке в большей или меньшей степени включают в себя и часть площади, оставляемой под перелог) и от применяемых орудий труда. Однако он позволяет приблизительно оценить, имели ли имения, по тогдашним нормам и оценкам, достаточное количество рабочего скота, требуемое для капиталистического ведения хозяйства. По тогдашним расчетам, для нормального ведения хозяйства требовалась одна лошадь на каждые 8 - 12 десятин мизной пашни (т.е. чем интенсивнее велось хозяйство, тем больше требовалось лошадей).¹⁵ Как видно, казенные имения были хорошо обеспечены собственным рабочим скотом. Как правило, они имели свой, хотя в большинстве случаев еще простой, сельскохозяйственный инвентарь (табл. 2).

Таким образом, благодаря политике Министерства государственных имуществ, в помещичьем хозяйстве Прибалтики самые благоприятные условия для развития капиталистических отношений сложились в казенных имениях. Переход с отработочного на наемный труд начался в казенных имениях в 1840-х гг. и завершился в основном в 1850-х гг.

Частные имения. Самую многочисленную группу имений (около 71 %) составляли частновладельческие и приравняемые к ним имения городских магистратов и дворянской корпорации (рыцарства). В этих имениях перевод крестьян на денежную аренду в 1840 - 50-х гг. проводился сравнительно в немногих имениях и частично. Переломными стали в этом отношении 1860 гг. (табл. 3). В апреле 1860 г.¹⁶ в записке Лифляндского общепольного экономического

¹⁵ Розенберг Т.А. Формирование сельского пролетариата Эстонии ... , с. 68 - 69 .

Таблица 3.

Земельные отношения в частных имениях Южной Эстонии
(в %) *

Уезд	Год	В собст- На а а р е н д е .			
		венности крестьян	денежной	смешанной	отработоч- ной
Тартуский	1847	-	7,0	-	93,0
	1862	5,3	24,2	15,7	54,7
	1866	8,9	38,8	33,4	18,9
	1881	52,2	47,8	-	-
	1897	73,0	27,0	-	-
Вырусский	1847	-	6,4	-	-
	1862	3,5	24,6	25,2	93,6
	1866	8,2	64,2	20,5	46,7
	1881	70,0	30,0	-	7,1
	1897	83,6	16,4	-	-
Вильяндский	1847	-	7,1	-	92,9
	1862	3,6	43,0	20,0	28,4
	1866	21,7	30,2	43,7	4,4
	1881	78,1	21,9	-	-
	1897	82,8	17,2	-	-
Пярнуский	1847	-	24,1	-	75,9
	1862	7,4	32,2	35,3	25,1
	1866	25,0	85,5	13,2	3,8
	1881	45,6	54,4	-	-
	1897	68,0	32,0	-	-
Сааремааский	1866	0,5	33,1	4,5	61,9
	1897	9,2	90,8	-	-

* Treat A. Po. cit., tab. 4; Jung-Stilling Fr. Op. cit., S. 196;

Положение крестьян в Лифляндии, Рига, 1883, табл. 6-9; Материалы для статистики Лифляндской губернии. 29 изд., вып. 3. Рига 1899, табл. 27-28. (В 1847 и 1862 г. - по талерной стоимости крестьянской земли, в 1866 г. - по количеству усадеб на крестьянской, в 1891 и 1897 гг. - на кватной и крестьянской земле).

общества Департаменту сельского хозяйства Министерства государственных имуществ сообщалось, что вся Лифляндия вступила в период перехода от отработочного к наемному труду. ¹⁶

Из 366 так называемых частных имений Южной Эстонии анкетой 1866 г. представлено 327 (89 %). По пяти уездам в целом в это время еще около 10 - 15 % частных имений хозяйствовало на основе труда отработочных батраков. Примерно половина имений находилась на переходной стадии, из них в большинстве (30 %) преобладал наемный труд. Более чем в трети имений хозяйство велось уже капиталистическими методами. Таким образом, во второй половине 60-х годов XIX в. и в частных имениях ведущим стал капиталистический способ хозяйствования (табл. 4). Но в них переход осуществлялся медленнее и был сложнее, чем в казенных имениях. Об этом свидетельствует и пестрота форм аренды (табл. 5). На мзной и квотной земле рассмотренных 327 частных имений находились 2218 крестьянских усадеб, что составляло примерно 16 % всех дворов. Как видно из данных 1866 г., помещики старались сохранить отработочную аренду на мзной земле дольше, чем это предусматривалось постановлением Лифляндского губернского правления от 14 мая 1865 г. в отношении крестьянской земли. Но надежды помещиков, основывавшиеся на положении § 97 крестьянского закона 1860 г., который гласил, что помещик имеет полное право пользоваться мзной землей по своему усмотрению, не оправдались, т.к. постановлением губернского правления № 114 от 24 июля 1867 г. запрет отработочной аренды, начиная с 23 апреля 1868 г., распространялся и на мзную землю. ¹⁷ Поэтому понятно, почему в тех имениях, где в 1866 г. господствовала переходная система хозяйствования, число крестьянских дворов,

¹⁶ ЦГА ЭССР, ф. 1185, оп. I, д. 358, л. 6.

¹⁷ Сборник дополнительных постановлений к Положению о крестьянах Лифляндской губернии 1860 г. ..., с. 95.

находившихся на отработочной аренде, было значительно больше, чем на крестьянской земле.

Скрывать действительную распространенность отработочной аренды позволяла тогда, и особенно после запрещения отработков, смешанная аренда. По крестьянскому закону 1860 г. аренда считалась смешанной, если денежная или натуральная часть составляла не менее одной четвертой всей арендной суммы.¹⁸ Поэтому понятна широкая распространенность смешанной аренды в переходный период. Она позволяла помещику нанимать столько рабочих, сколько было нужно в течение всего года, а на сезонных работах применять рабочую силу арендаторов-крестьян. Так, например, многие имения переходной системы (Адавере, Куриста, Пылтсамаа и др.) отметили в анкете 1866 г., что землю обрабатывают мызные батраки, но при уборке используются отработочники.¹⁹

Этим объясняется очень высокая доля смешанной аренды в тех приходах, где в большинстве имений господствовала переходная система. Так, например, на смешанной аренде в приходе Курси состоял 81,7 % всех усадеб, в Пылтсамаа - 74,3 %, в Кодавере - 70,4 %, в Пилистрере - 62,1 %, в Саарде - 58,5 % и т.д.²⁰⁾

Существование разных форм аренды наблюдалось не только в погрупповом, но и в помезном масштабе. В частных имениях, в отличие от казенных, нередки были случаи, где в одном имении часть дворов была уже продана в собственность, часть состояла на денежной, часть на смешанной и часть на отработочной аренде. Особенно это касалось крупных имений. В крупных имениях, имевших подмызки, процесс перехода протекал иногда намного сложнее, чем в мелких мызах, т.к. в первых существовало несколько систем хозяй-

¹⁸ ПСЗ II, т. XXXV, 1860, № 36312, ст. 150.

¹⁹ ЦГА ЭССР, ф. 1427, оп. I, д. 173.

²⁰ Rosenberg T. Lõuna-Eesti mõisate kleminekust valgatõõjbu kəsutaminele 1866. aast. ringkõsitluse andmeid.-Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, Ühiskonnateadused, 1976, nr. 3, tab. 4.

ствования. Нередки были случаи, когда на главной мize хозяйство вели батраки, а на подмызках - отработочники, или наоборот. ²¹

Оказывается, стадии перехода тесно связаны с разными показателями хозяйственного прогресса. Одной из наиболее существенных трудностей в частных имениях при переходе на наемный труд было обеспечение мизы собственным рабочим скотом и инвентарем, т.к. до этого мизная земля обрабатывалась, как правило, крестьянским скотом и инвентарем. Оказывается, что с повышением степени применения наемного труда повышалась и обеспеченность имений тягловой силой (табл. 6). Если имения отработочной и переходной системы, где преобладал барщинный труд, были только отчасти обеспечены своим рабочим скотом, то в имениях капиталистической системы лошадей хватало бы лишь при трехполье, но явно не хватало для интенсивной обработки мизной земли. ²² Только на острове Сааремаа, где уже в период феодализма тягловый скот имелся в изобилии, имения были хорошо им обеспечены. Нужно учесть только, что там больше, чем в других уездах, использовали волов, а производительность воловой упряжки меньше лошадиной.

²¹ Например, в имении Кайавере на главной мize землю (155 десятин пашни) обрабатывали мизные батраки, в помощь которым во время жатвы посылались батраки из дворов, состоявших на сменной аренде, а земли подмызков (334 десятин пашни), сданных в аренду, полностью обрабатывали отработочные батраки. В имении Ууз-Каристе на главной мize половину работ выполняли мизные батраки, а половину - барщинники, в то время как на сданных в аренду подмызках хозяйство вели только мизные рабочие (ПИА ЭССР, ф. 1427, оп. I, д. 168, 186).

²² К началу XX в. частные имения стали хорошо обеспечены рабочим скотом. Если в выборке из 21 имения в 1866 г. на одну лошадь приходилось в среднем 12,6 десятин мизной пашни, то к 1907 г. обеспеченность тех же имений возросла почти на одну треть (8,6 десятин). - ПИА ЭССР, ф. 1427, оп. I, д. 139-192; ф. 1135, оп. 2, д. 8 - 25.

Существовала связь, хотя меньшая, между стадией перехода и обеспеченностью имений сельскохозяйственными машинами и усовершенствованным инвентарем (табл.6). Из рассмотренных 327 имений в 1866 г. какую-либо машину (молотилки, соломорезки, льномылки, веялки и сеялки) имели 174 имения (53,2 %). Большинство машин приводилось в движение лошадьми или вручную. Во многих имениях еще не умели правильно обращаться с машинами. Поэтому, например, владелец имения Пала фон Стрик написал, что от машин в имении пользы мало.²³ Хотя в начальный период капитализма сам факт применения машин еще не был показателем степени капиталистического развития, но это содействовало развитию капиталистических отношений, ускоряя его.

Церковные имения (пастораты). Из 54 церковных имений на анкету ответил 41 пасторат. Церковные имения принадлежали приходской церкви и давались в пользование приходскому пастору. Пастораты имели в большинстве такую же структуру, как и частные имения: состояли из мизной, животной и крестьянской земли.²⁴ Из рассмотренного 41 пастората только 8 не имели крестьянской земли и 6 не имели также крестьян. В отличие от частных, церковные имения не имели права продавать землю. Большинство пасторатов причислялись к мелким имениям, в них было примерно 30-60 десятин мизной пашни, поэтому большинство мизной земли находилось в пользовании самой мизы. Так как в пасторатах крестьян было мало, то значительную часть мизной земли (в отдельных пасторатах и всю землю) обрабатывали не наемные рабочие или отработочники из среды пасторатских крестьян, а отработочники других имений прихода в счет церковных повинностей. Так, например, в Пухьяском пасторате 30 десятин мизной пашни полностью обрабатывали приходские отработочники, отработывающие на мизе 653 конных и 530 пеших дней

23 ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. I, д. 179.

24 Tobias A. Die Aergergestzgebung Iivlands. II Bd., S. 311

в год и еще 242 дня на уборку урожая. ²⁵ Хозяйственное положение пасторатов характеризует таблица 7. Из рассмотренных пасторатов в 14 имениях (34,2 %) хозяйство вели одни отработочники. Переходная система с преобладанием барщинного труда господствовала в 11 пасторатах (26,8 %) и с преобладанием наемного труда - в 7 имениях (17 %). Только за счет наемного труда хозяйствовали 9 пасторатов (22,0 %). Как видно из таблицы, по развитию капиталистических отношений пастораты значительно отставали даже от частных имений.

Вопрос о сельских рабочих стал в переходном периоде самой острой социально-экономической проблемой в помещичьем хозяйстве. Он обсуждался на дворянских ландтагах, на заседаниях сельско-хозяйственных обществ уездов и губерний и в печати. Трудности углублялись нехваткой собственного скота и инвентаря. Помещичье хозяйство требовало намного больших капиталовложений, чем вкладывалось в предшествовавший период. Для преодоления возникших затруднений применялись меры, характерные для переходного периода; одной из них был раздел мызной земли на три части, как советовала местная печать. Лучшую и наиболее близкую к имению часть предлагалось обрабатывать с помощью наемных рабочих, часть земли раздавать по клочкам мызным рабочим в виде зарплаты, а отдаленные же и низкокачественные земли разбивать на участки и сдавать на прежних кабальных условиях крестьянам в аренду. ²⁶ Так и складывалось в дальнейшем землепользование (табл. 4).

В казенных имениях, где было много леса, значительная часть удобной земли давалась многочисленным лесникам за службу. В частных имениях около 20 - 30 % мызной пахотной земли было в пользовании крестьянских дворов, часть которых оказалась на мызной (квотной) земле из-за присоедине-

25 ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. I, д. 178.

26 "Das Inland" 1860, Nr. 22, S. 420.

Таблица 4

Распределение мизной пахотной земли в частных и казенных имениях Южной Эстонии в 1866 г. (в %) *

Мизной пахотной земли в пользовании	В частных имениях				В казенных имениях	
	отрабоченных	переходных / I /	переходных / II /	капиталистических		всего
Мизы	63,4	58,9	59,1	58,5	59,0	67,5
У мизных батраков	2,6	13,9	11,6	12,0	11,7	6,5
У лесников, корчмарей и пр.	4,9	5,8	5,3	4,8	5,2	23,5
У крестьянских дворов	29,1	21,4	24,0	24,7	24,1	2,5

* ЦГИА ЭССР, ф. 1427, оп. I, д. 139 - 192.

Без учета имений о.Сааремаа, где оплата мизных батраков землей не практиковалась, а также почти отсутствовали крестьянские усадьбы на мизной земле.

ния крестьянских земель к мизным в силу крестьянского закона 1849 г., а часть была вновь основана по указанию помещиков уже на квотных землях. Таким образом, помещики увеличивали мизные земли за счет крестьянских, но не будучи в силах обеспечить обработку всей мизной земли наемными батраками, были вынуждены пойти на развитие арендных отношений на мизной земле по тому же типу, что и на крестьянской земле.²⁷

27 Очерки экономической истории Латвии. 1860-1900. Рига, 1972, с. 33.

Рассмотренные выше обстоятельства — различные условия и темпы в переходе имений на денежную аренду и наемный труд — во многом определяли состав формирующегося мизного пролетариата. Значительная часть применяемых в имениях форм найма несла в себе черты отработочной системы, вследствие чего степень развития капитализма в мизном хозяйстве Лифляндии была выше, чем его масштабы. 28

На основе изложенного материала можно заключить, что в помещичьем хозяйстве Лифляндии начиная с 50-х годов XIX века капитализм стал быстро развиваться и в 60-е годы утверждался уже как господствующая система.

28. См.: Розенберг Т. Переход имений на наемный труд и формирование прослойки мизных рабочих в Южной Эстонии в 1860-х годах. — Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки. 1977, № 3, с. 256 — 280.

ЛЕЙНАСАРЕ Ингрида Альфредовна

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПЛОЩАДИ
КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
В ЛУДЗЕНСКОМ УЕЗДЕ в 1861 - 1863 гг.

(по материалам проверочной комиссии)

Выяснение развития аграрных отношений в России во 2-й половине XIX в. невозможно без изучения реализации аграрной реформы 1861 г. Один из существенных аспектов этой проблемы - это вопрос об изменении площади крестьянского землепользования в период отмены крепостного права. По инициативе историка В.К. Яцунского в конце 1950 г. комиссия по истории сельского хозяйства и крестьянства Института истории АН СССР начала изучение уставных грамот и выкупных актов - источников, наиболее точно отражающих процесс реализации реформы 1861г. ¹ К анализу этих источников обратились также белорусские и литовские историки. ²⁾

1. Литвак Б.Г. Предварительные итоги обработки уставных грамот шести губерний Черноземного центра. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1960 г. Киев, 1962, с. 418 - 425; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861-1895 гг. М., 1972 .
2. Фридман М.В. Реализация реформы 1861 г. в Минской губернии. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1862 г. Минск, 1964, с. 442 - 454; Шпаков М.Ф. Реализация реформы 1861 г. в Могилевской губернии. - В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963 г. Вильнюс, 1964, с. 559-571; Мулявичус Л.П. К вопросу об изменении площади крестьянского землепользования в Литве при проведении реформы 1861 г. - Там же, с. 585 - 589 .

Для исследования аграрных отношений в восточной части Латвийской ССР — Латгале — указанная группа источников еще не использовалась. Первым шагом в исследовании упомянутого вопроса может стать изучение материалов комиссии, которая была образована 9 апреля 1863 г. с целью проверки уставных грамот и составления выкупных актов в северо-западных губерниях России. В Центральном государственном историческом архиве ЛатвССР сохранилось большое количество материалов этой комиссии по Лудзенскому уезду.³

Целью данной статьи является, используя 82 (из 90) протокола комиссии по проверке имений Лудзенского уезда, показать значение этих документов для выяснения изменений площади крестьянского землепользования за период 1861 — 1863 гг. Для сравнения и проверки использованы также материалы фонда мировых посредников ЦГИА ЛатвССР.⁴

Работа проверочной комиссии в Лудзенском уезде началась 1 июля 1863 г. и продолжалась до начала ноября 1865 г. Задачей комиссии было проверить, насколько соответствует действительности зафиксированное в уставных грамотах количество удобной крестьянской земли в 90 имениях уезда (65779 десятин), а также выслушать мнения крестьян и помещиков о размерах и качестве наделов и в соответствии с этим установить размер годовой денежной ренты, капитализируя которую из 6 %, получали сумму выкупа. Вся работа проверочной комиссии отражена в протоколах. Если одна из сторон не была согласна с решением комиссии, вопрос рассматривался уездом в присутствии комитета по крестьянским делам. Когда согласие крестьянина выкупить землю было получено, составлялся выкупной акт, утверждавшийся затем главным выкупным учреждением.

3 Центральный государственный исторический архив ЛатвССР (далее — ЦГИА ЛатвССР), ф. 7066.

4 Там же, ф. 7067.

В исторических источниках нет точных сведений об изменении площади крестьянских наделов до 1861 г. Таких данных нет и в протоколах проверочной комиссии, работавшей в Лудзенском уезде, но эти протоколы раскрывают направления, в которых такие изменения происходили. В 50-х годах XIX в., в особенности же в 1856 - 1857 гг., помещики оправдывают изменение величины крестьянских наделов созданием крестьянских усадеб определенной величины, а именно площадью 15 - 19 и 20 десятин - усадьбы таких размеров стали преобладающими (34 и 30 %). Это мероприятие дало помещикам возможность урезать крестьянские земли или переводить крестьян в места с менее плодородной землей, а лучшие участки присоединять к имению. Крестьяне из Франополе жалуются комиссии, что за указанный период из одного крестьянского двора образованы три; крестьяне с лучших земель переселены на худшие. В имении Исталсна в 1856 - 1857 гг. у крестьян были изъяты лучшие земли, отрезанные полосы часто находились посреди крестьянских земель. Иногда они примыкали к берегу реки или озера, и крестьяне теряли места для водопоя скота. На сокращение наделов в эти годы в комиссию жаловались крестьяне II имений Лудзенского уезда. ⁵

Помещики стремились уменьшить площадь крестьянского землевладения, разрешая крестьянам выкупаться на волю. В 50-х годах XIX в. 39 крестьян этих имений получили личную свободу, выплатив помещику 200 - 400 руб.

Если в крупных имениях Лудзенского уезда наблюдается стремление уменьшить размер крестьянских дворов, то в небольших имениях господствует противоположная тенденция.

5 Имений Александрополь, Балвы, Цирма, Финландмужа, Прочиполе, Пилда, Покумина, Рогайжи, Рожанова, Транополе, Исталсна. - ЦГИА ЛатвССР, ф. 7066, оп. I, д. 2, лл. 1, 21, 223, 285; ф. 7067, оп. I, д. 93, лл. 262, 282, 290, 321.

Их владельцы заинтересованы в том, чтобы за крестьянами числились большие площади удобной земли, до 20 десятин. Поэтому они записывали в качестве удобной земли пастбища и непригодную для сельскохозяйственного использования землю. Такие завышенные сведения были представлены в Редакционную комиссию владельцами имений Пилдской волости Кивдули, Сприкути, Курма, Лопова, Железняка и другими помещиками Лудзенского уезда. Возможно, что это частично может объяснить большую разницу площади удобных крестьянских земель по материалам Редакционной комиссии, с одной стороны, и в уставных грамотах - с другой (в десятинах).⁶

Количество имений	Данные Редакционной комиссии	Данные уставных грамот	о
57	47638	43323	

В период составления уставных грамот (1861 - 1862 гг.) помещики продолжали изымать у крестьян лучшие земли, предоставляя им худшие. О прямом сокращении площади крестьянских земель в материалах проверочной комиссии точных сведений мало. На этом этапе во всех имениях крестьяне теряют леса, находящиеся на отведенных им землях; в имениях Пилдской и Домопольской волостей более чем в других волостях у крестьян сократилась площадь лугов, 32 крестьянина Пушмуцовского имения потеряли 100 десятин земли, у крестьян имения Аннополе было отрезано 6 десятин 288 сажен леса, 19 десятин 1080 сажен кустарника, 4 десятины 2280 сажен пахотной земли и 27 десятин 1446 сажен луга, у крестьян имения Луцмуйда - 10 десятин 1898 сажен пахотной земли, 6 десятин 2220 сажен луга, имения Муракино - 5 десятин 480 сажен пахотной земли, 2 десятины 2332 сажени луга и 2 десятины 1800 сажен залежи, с земли были согнаны 3 крестьянина, якобы за неисполнение повинностей, в имении Рожанова у одного крестьянина отняли землю, а

⁶ По кн.: Приложение к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. СПб., 1860, т. 6, с. 13 - 17.

шестерых переселили в другую деревню. Крестьяне, по их оценке, потеряли 180 десятин земли, позднее эта земля была сдана в аренду восьмерым арендаторам. В других имениях также отнятая у крестьян земля сдавалась в аренду. Открыто менять границы крестьянских земель в начале 60-х годов XIX в., в условиях широко развернувшегося антифеодального движения, помещики не всегда решались.

Выгоднее было оставить за собой свободу действия в будущем, для чего в уставных грамотах не указывалось правильное количество крестьянских дворов и точные границы наделов (табл. I).

Таблица I.

Количество крестьянских дворов

Имение	По данным уставных грамот	По выкупному акту
Аугустова	19	23
Домополе	16	18
Финландму́жа	21	23
Иснауда	20	21
Йозуфи	15	18
Малнава	96	112
Покумина	56	58
Рунторте	27	32
Стружаны	40	42
Шкилбени	96	106
Лосола	28	29

Усилия помещиков были направлены на то, чтобы получить как можно большую ренту, поэтому владельцы 19 имений в уставных грамотах в площадь крестьянских полевых наделов

7 ЦИГА ЛатвССР, ф.706С, оп.1, д.1, л.27, д.2, л.249; ф.7067, оп.1, д.93, лл.48, 126, 154, 348, 321.

включили и пастбища, и неудобные земли. Ошибки, допущенные при составлении уставных грамот, должны были устранить уже мировые посредники, институт которых был создан для регулирования отношений между помещиками и крестьянами, и проверка уставных грамот была их прямой обязанностью. Но поскольку практически реализация реформы была доверена местным помещикам, из среды которых выбирались и мировые посредники Лудзенского уезда⁸, то уставные грамоты составлялись помещиками единственно в своих интересах. Так, мировой посредник 4-го стана Б.Бениславский пытался защитить интересы помещиков в уездном присутствии по крестьянским делам, когда владелец имений Александрополе и Балвно Горожанский стал оспаривать выкупной акт, составленный проверочной комиссией, недовольный низким размером выкупных платежей и изъятым из полевого надела занесенных им туда неудобных земель и площадей, занятых кустарником (изъятого у крестьян в 1958 г. и вырубленного леса).

Проверочная комиссия в своем ответе в ноябре 1963 г. указывала, что ни Горожанский, ни его сын (к жалобе было присоединено и письмо сына) в деревнях не были и о доходности отведенных крестьянам земель судят по полям, принадлежащим именов. Помещик забывает, что его арендаторы перед обнародованием реформы 1861 г. отняли у крестьян наиболее плодородные поля, предоставив им худшие. Проверочная комиссия заключает, что Балвская, Домопольская и Балтинавская волости в хозяйственном отношении хуже всех остальных в Лудзенском уезде, поскольку место здесь низкое,

8 Первые мировые посредники Лудзенского уезда - И.Парака - владелец имения Пулмуцова, И.Родзевич - владелец имений Пилда, Эдвардослава и Гомельмушка, А.Заремба - имения Озупина, Б.Бениславский, - имение родственников которого находилось в Домопольской, Истрской и Пасиенской волостях. В 1863 г. И.Парака, И.Родзевич и А.Заремба были сняты с должности мировых посредников.

болотистое, лесистое, осенью и весной связь с этими волостями весьма затруднительна. У крестьян нет земель, пригодных для посевов пшеницы, и десятина луга не дает и 80 пудов сена, поэтому требование помещика повысить указанную в выкупном акте ренту с 1,80 руб. до 2,40 руб. за десятину невозможно.⁹ Мировой посредник Б.Бениславский, защищая интересы помещика Горожанского, одновременно настаивал на повышении ренты для 10 имений своих родственников в Домопольской волости.

В соответствии с Местным положением от 1 марта 1863г. в период до составления выкупных актов крестьяне должны были платить оброк в сумме, на 20 % сниженной по сравнению с указанной помещиком в уставной грамоте. Это требование не соблюдалось в II имениях Лудзенского уезда (примерно 500 десятин земли). Взимавшаяся с крестьян денежная рента, определенная самими помещиками, колебалась от 2,0 до 3,0 руб. с десятины. Проверочная комиссия, учитывая плодородность земли, количество лугов (соотношение их площади с площадью пахоты), а также близость хозяйства к городу и транспортным магистралям, определила размер денежной ренты на 50 - 60 % меньший, чем в уставных грамотах. Максимальное уменьшение ренты (60%) приходится на небольшие имения Пилдской и Эверсмуйжской волости. Расчеты ренты, произведенные проверочной комиссией, подтверждают, что владельцы имений показывали в уставных грамотах желаемую, а не реальную доходность крестьянских усадеб.

За период оценки крестьянских наделов выяснились действительные площади удобных земель, находящихся в распоряжении крестьян. Основным требованием крестьян было требование разрешить выкупать также земли, изъятые у них помещиками в 50-х и начале 60-х годов. Поскольку по положению крестьянин имел право на выкуп всей той земли, которой он пользовался в 1861 г., во время обнародования

⁹ ЦГИА ЛатвССР, ф. 7063, оп. I, д. 4, лл. 74 - 84.

крестьянской реформы, то он мог выкупать отрезки, если сам их обрабатывал, выполняя за это барщину или платя оброк. Однако если земля была отдана арендатору, крестьянин терял право на эту землю. Не было случая, чтобы имение согласилось вернуть крестьянину отнятые у него наиболее плодородные участки, если они были заменены неплодородными. Только их размеры должны были быть одинаковыми. Отрезные луга, если крестьянин соглашался, могли быть заменены лесом. Лугов у крестьян было мало, и те были плохие. Поэтому, когда 1 мая 1863 г. было запрещено пастись скот в лесу и использовать лесные покосы, крестьяне в первую очередь жаловались на запрет заготавливать сено в лесу.

Материалы поверочной комиссии показывают, что по выкупным актам площадь удобной крестьянской земли (усадебной, пахотной, сенокосной) в Лудзенском уезде на 1409 десятин или на 2,4 % больше, чем по уставным грамотам (см. таблицу 2). Уставные грамоты не всегда отражали фактическую площадь крестьянской земли, чаще — лишь то количество земли, которое помещик решил оставить крестьянам. Таким образом, на основании данных, приведенных в уставных грамотах, невозможно точно определить ни площадь крестьянских наделов до реформы, ни те изменения, которые произошли в ходе реализации реформы. Из приведенной таблицы 2 видно, что различия между данными уставных грамот и цифрами, указанными в выкупных актах, невелики.

Произведенные подсчеты по выявленным выкупным актам показывают, что в составе всего валового надела удобной земли, в трех угодьях: усадебной, пахотной и сенокосной — в 1861 — 1863 гг. изменений было мало. Но произошли изменения в качестве крестьянских наделов: во владении крестьян оказались худшие земли. При оформлении выкупных актов крестьяне получили право собственности на пастбище и на всю неудобную землю в черте крестьянского надела. В

Таблица № 2

Площадь земли, находящейся в пользовании крестьян Лудзенского уезда в 1861-1865 гг. I

Волость	Количество имений	По уставным грамотам				По выкупным актам					
		усадебной, пахотной, се- нокосной		пастбищной		усадебной, пахотной, се- нокосной		пастбищной		неудобной	
		дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.
1. Эверсмуйжа	14	5961	1848	-	-	5925	764	900	931	80	214
2. Карсава	2	2823	939	-	-	3310	487	506	1515	101	758
3. Пушмуцова	9	4342	2184	-	-	4084	973	895	1238	123	408
4. Пасиене	4	5203	137	-	-	5266	2185	451	2129	133	2203
5. Истра	5	5400	-	-	-	5244	162	747	1900	169	1867
6. Балтинава	2	3840	-	-	-	4555	1272	941	1632	121	1440
7. Зальмуйжа	3	7044	200	-	-	7035	2018	809	-	301	2136
8. Ланскорова	2	4083	2100	-	-	4083	2100	340	-	168	-
9. Тиманова	2	3671	1104	-	-	3382	1961	1377	2273	96	56
10. Домополе	10	4864	-	-	-	5687	2064	1133	1632	286	2349
11. Пилда	21	5338	1322	46	722	5532	1375	956	1227	210	656
12. Рунданы	6	2642	-	8	-	1703	394	540	1513	77	1921
13. Балвы	2	3020	-	-	-	3832	869	нет	данных		
Итого:	82	58235	234	54	722	59644	2224	9601	1590	1870	2008

уставных грамотах права крестьян на эти земли в подавляющем большинстве имений не были оговорены.

Материалы проверочной комиссии позволяют утверждать, что выкупные акты содержат наиболее точные сведения о площади крестьянского землепользования в середине 60-х годов XIX в. в Лудзенском уезде, поскольку в большинстве случаев они основаны на данных, представленных землемерами.

МУРАВСКАЯ Елена Ивановна

ОРГАНИЗАЦИИ ХОДАЧЕСТВА ПРИБАЛТИЙСКИХ
ПОМОРОВ В КОНЦЕ 90-х ГОДОВ XIX в.

В конце XIX — начале XX веков продолжался процесс земледельческой колонизации и хозяйственного освоения дальневосточной окраины страны. В результате высоких темпов развития капитализма на протяжении пореформенного периода и особенностей этого развития, в частности вширь, а также, как отмечал В.И. Ленин, проявления с громадной силой такого свойства капитализма, как постоянное расширение сферы своего господства,¹ к концу XIX в. Россия в системе мирового капиталистического хозяйства сталкивалась в конкурентной борьбе на Дальнем Востоке с Японией. Прежде всего это проявилось в сфере рыболовства, тем более, что еще по условиям русско-японского договора 1875 года японским судам, купцам предоставлялось право наибольшего благоприятствования судоходства и торговли в портах Охотского моря и Камчатки, для рыбной ловли в этих водах и вдоль берегов.²

Рыбный промысел как самостоятельная отрасль хозяйства России на Дальнем Востоке был развит недостаточно. Намерения правительства добиться развития рыболовного промысла в этом районе стали более определенными к концу XIX в. Это совпадало с принятой политикой переселения крестьянства, которая характеризовалась с середины 90-х годов некоторым облегчением оформления разрешений на переселение. Политика правительства в переселенческом вопросе знаменовалась определенным поворотом, и постановления Комитета Сибирской железной дороги от 27 апреля 1896 года в совокупности с мнением Государственного совета от 15 апреля того же года составили новый переселенческий закон, по-

1 В.И. Ленин. Полн. соб. соч. т. 3, с. 595.

2 Дипломатический словарь. М., 1950, т. II, с. 560.

новому регулировавший фактически все важные стороны переселенческого дела, начиная от выдачи разрешений на переселение и кончая правилами водворения переселенцев.³ Переселенческое движение крестьян за Урал усилилось и в поток переселенцев, наряду с выходцами из русских губерний, вливались прибалтийские крестьяне.

Архивные материалы о переселении ливляндских, курляндских и частично эстляндских крестьян отложились в делах некоторых фондов ЦИА ЛатвССР и ЦИА Ленинграда. Среди переселенческих дел за 1897-1908 гг. в фонде Ливляндского губернатора оказались материалы о привлечении правительством прибалтийских поморов к переселению на Дальний Восток, в первую очередь на Южно-Уссурийское побережье,⁴ для развития там промыслового рыболовства и каботажного флота.⁵ Дополнением к этим материалам служат некоторые дела фонда Переселенческого управления, хранящегося в Ленинградском архиве.⁶

В соответствии с новыми положениями о переселении 1896 года Переселенческое управление, созданное в том же году при Министерстве внутренних дел, адресовало свои распоряжения губернаторам, которые в свою очередь передавали их уездным начальникам; далее распоряжения шли к комиссарам по крестьянским делам тех или иных уездах участков, а затем они направлялись в волости.

3 Тихонов Б. В. Переселенческая политика царского правительства в 1892-1897 гг. - История СССР, 1977, № I.

4 По административно-территориальному делению дореволюционной России Южно-Уссурийское побережье - это часть Южно-Уссурийского округа Приморской области Приамурского генерал-губернаторства с центром в г. Хабаровске. См. Дробижев В. З., Ковальченко И. ..., Муравьев А. Д. Историческая география СССР. М., 1973, с. 180; Очерки истории советского Приморья. Владивосток, 1963, с. 30.

5 ЦИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886.

6 ЦИА ЛатвССР, ф. 391, оп. 2, д. 463.

В просмотренных архивных делах о переселении поморов сохранились распорядительно-исполнительные документы всех этих инстанций административного аппарата, подчиненного Министерству внутренних дел. Материалы названных архивных дел разделяются на документацию уровня центральных государственных учреждений, где в известной мере формировалась переселенческая политика царизма, и документацию губернского и волостного уровня, которая позволяет судить о степени и ходе реализации этой политики.

Указанные архивные материалы в целом и побудили предпринять попытку проследить реализацию намерения царского правительства привлечь прибалтийских поморов к участию в развитии рыбного промысла и каботажного флота на побережье Дальнего Востока.

I. Причины привлечения прибалтийских поморов к переселению на Дальний Восток и отбор ходяков от них

Исходным источником для решения поставленной в данной статье задачи послужил оригинал официального документа - предписания Переселенческого управления от 8 июля 1897 г. Лифляндскому губернатору В.Д.Суровцеву, подписанного министром внутренних дел И.П.Горемыкиным и заместителем управляющего Переселенческим управлением А.В.Кривошеиным⁷. Копии этого документа были отправлены 26 августа того же года Курляндскому и Эстляндскому губернаторам.⁸ Основное содержание названного документа сводилось к следующим вопросам: 1) Необходимость заселения, хозяйственного освоения побережья Уссурийского края и развития там промыслового рыболовства. 2) Условия переселения рыбаков и их семей в Южно-Уссурийский край.⁹ 3) Причины привлечения прибалтийских поморов. 4) Критерии подбора

7 ЦИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.17.

8 ЦИА ЛатвССР, ф.391, оп.2, д.463, л.23.

9 В тексте документов чаще используется термин "край" вместо "округ".

ходовиков ¹⁰ от прибалтийских поморов и условия их отправки в Южно-Уссурийский край весной 1898 г.

Начиналось предписание с обоснования необходимости заселения и хозяйственного освоения морского побережья Уссурийского края крестьянами, занимавшимся рыболовным промыслом. Аргументация необходимости и возможности развития здесь рыболовного промысла в основном была взята из объяснительной записки (автор не указан - Е.М.), хранящейся в фонде Переселенческого управления ¹¹. В ней говорилось, что море, омывающее Южно-Уссурийское побережье, богато рыбой, морской капустой, трепангами, а это может найти сбыт в соседних странах - Китае, Японии. ¹² Очень определенно утверждалось, что "... побережье остается совершенно пустынным и, кроме морского побережья, Приамурский край вниз по Амру от Хабаровска до устья может дать приют обширному промысловому населению". ¹³ Здесь же в записке излагалась история попыток заселения рыбаками побережья Уссурийского края, предпринятых правительством еще в 80-е годы XIX века, и давался краткий анализ причин малоуспешности этих попыток. Отмечалось, что переселение крестьян в Уссурийский край на основании закона 1882 года шло морем из Одессы на Владивосток, и поэтому основной контингент переселенцев составили земледельцы Полтавской и Черниговской губерний. ¹⁴ Затем прибыли 17 семей рыбаков из Таврической губернии, но "... осели они не на Уссурийском побережье, а на песчаной отмели Амурского залива при устье реки Суйдун, что объяснялось, - как отмечалось в записке, - исконными привычками таврических рыбаков к мутной воде на Арбатской косе в Мелитопольском

¹⁰ Ходячество в практике крестьянских переселений означает направление доверенных из крестьянской среды для выбора мест вселения.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, д. 463, л. 2 - 10.

¹² Там же, л. 2.

¹³ Там же, л. 6.

¹⁴ Там же, л. 3.

уезде и песчаным берегам".¹⁵ В 1891 г. прибыли в Приморье 15 семей астраханских рыбаков. На них возлагались надежды, как писал автор объяснительной записки, что начнут они рыбный промысел, но "... и эти семьи были более землепашцами чем рыбаками, а поэтому в новых местах своего поселения на Дальнем Востоке занялись земледелием... Те же несколько эстонских рыбаков, которые переселились, хотя и занялись рыболовством, не могли положить начало рыбному промыслу".¹⁶

Все эти случаи были приведены в объяснительной записке для мотивировки предложения, вытекавшего из проведенного анализа, — более строгого подбора переселенцев-рыбаков и обязательного направления ходоков от согласных переселиться семей для предварительного ознакомления с возможными новыми местами поселения и занятием рыболовным промыслом.¹⁷

Итак, опыт предыдущих попыток переселения рыбаков на побережье далекой окраины России делал обязательным условием предварительное ходачество. В силу этого в предписании Лифляндскому губернатору от 8 июля 1897 г. весьма определенно говорилось о направлении ходоков. Ввиду государственного значения скорейшего привлечения поморов на Дальний Восток, все путевые расходы и содержание каждого ходока в течение одного года предусматривалось оплачивать из средств государственного казначейства.¹⁸ Общее же число ходоков от поморов Прибалтийских губерний не должно было превышать 10 человек.¹⁹

В целом, условия переселения семей рыбаков предлагались следующие: I. К переселению на Дальний Восток могли быть допущены исключительно лица, для которых за-

15 ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, д. 463, л. 3, 6.

16 Там же, л. 3.

17 Там же, л. 10.

18 ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 3.

19 Там же, л. 3.

нятие рыболовством и каботажем являлось в данное время главнейшим средством существования. 2. Артели и группы рыбаков, которые будут намечены для переселения в Южно-Уссурийский край и изъявят желание переселиться, должны выбрать из своей среды особых доверенных ходоков для отправки их туда весной 1898 г. 3. В том случае, если бы оказались желающие переселиться в Приамурский край (не только Южно-Уссурийский! - Е.М.), то для них предусматривались различные льготы, уточнение которых относилось на время возвращения ходоков и обсуждения выдвинутых ими условий. Но до этого предлагалось указать, что переселенцы будут доставлены на место нового водворения за счет казны и получают затем безвозмездное пособие до 850 рублей.²⁰

При этом прилагался примерный расчет стоимости отправки каждого ходока от поморов, а также стоимости переселения одной семьи. На одну семью предусматривалось расходы в сумме 850 рублей, что включало в себя стоимость продовольствия на каждого взрослого и ребенка в течение двух лет, скота, постройки избы, одежды, шляпки, палубного судна и рыболовных снастей. Примерный расчет затрат на каждого ходока предусматривал оплату проезда по железной дороге в Одессу и обратно, а также продовольствия и побочных расходов на общую сумму 20 руб.; оплату перехода морем на пароходе Добровольного флота по переселенческому тарифу (90 руб.), а обратного пути - по общему тарифу (120 руб.) - на каждого ходока. На переход по морю одного ходока, таким образом, требовалось 210 руб. Кроме оплаты дороги предусматривались кормовые деньги (135 руб.) и расходы на фрахтование судна для осмотра мест водворения. Общая сумма расходов составляла 440 руб. на каждого ходока.²¹ Это были примерные расчеты, и предполагалось, что ходоки внесут в них уточнения после возвращения с Дальнего Востока.

²⁰ ЦГАИ ЛатвССР, ф. 13, оп.2, д. 1886, л.3.

²¹ Там же, л. 3 - 4.

Все эти условия, особенно в части оплаты хозяйства и переселения семей, необходимо было и довести до крестьян, и разъяснить им, — но сделать это весьма осторожно: ведь среди них могло распространиться свое толкование правительственного начинания и выдвинутых условий переселения. Угроза распространения переселенческого настроения и, возможно, движения крестьянства, как это бывало в предшествующие десятилетия XIX века в Прибалтике (в 30-е, 40-е, 60-е годы), вынуждала правительственные круги и местную администрацию не терять настороженности. Кроме того, предлагаемые условия отправки ходоков от прибалтийских поморов и переселения семей рыбаков могли послужить основанием для нежелательных толков (и не только среди прибалтийских крестьян, тем более — рыбаков) об отступлении от существующего переселенческого законодательства. Такая вероятность была велика и, очевидно, поэтому Переселенческое управление направило Главному управлению казачьих войск 14 июня 1897 года, т.е. вскоре после предписания Лифляндскому губернатору, пояснение, в копии его — Лифляндскому, Курляндскому и Эстляндскому губернаторам.²² В нем говорилось, что "переселение крестьян на казенные земли Западной Сибири, степных областей и Иркутского генерал-губернаторства происходит за собственный счет просителей, и поэтому ходаческие свидетельства выдаются только тем лицам, которые имеют достаточные средства на путевые расходы... Что же касается Амурской и Приморской областей, а также Южно-Уссурийского округа, то ввиду дальнего расстояния и проистекающих отсюда весьма значительных путевых расходов, министерство внутренних дел не требует, чтобы крестьяне, предпринимающие переселение в эти местности, предварительно посылали ходоков... Признавая особо важным заселение побережья Южно-Уссурийского округа поморами... министерство внутренних дел пред-

лагают, в виде отступления от общего правила, отправить будущей весной в этот округ на казенный счет ходяков от рыбаков Прибалтийских губерний, с выдачей этим ходякам по 15 рублей в месяц суточных за время пребывания их в этом округе и с уплатой всех расходов по их проезду от места настоящего жительства во Владивосток и обратно. ²³

Пояснение, направленное Главному управлению казачьих войск, было необходимо, по-видимому, не только потому, что последнее могло претендовать на отправку ходяков и переселенцев из донских и астраханских казаков. Переселенческому управлению приходилось считаться с определенными привилегиями уссурийского казачества в Приморской области, куда направлялись прибалтийские поморы.

Рыбаки Прибалтики привлекались к участию в ходячестве и к переселению потому, что, как объяснялось в предписании губернатору, "... поморы Балтийского побережья, независимо от рыбачьих промыслов, занимаются малым каботажом на небольших палубных шкунах. Стоимость таких судов превосходит средства одной семьи, и потому между поморами Балтийского моря издавна установился тип ассоциаций, основанный на обычном праве, а это может дать подобные весьма желательные предприятия (ассоциации) в новых местах водворения этих поморов". ²⁴

Как видно, критерии подбора ходяков определялись на основании опыта переселений крестьян-рыбаков. Кроме того, тот же опыт показывал целесообразность сохранения или создания артелей (ассоциаций, общин), особенно в малозаселенных местах, и развития такого промысла, как рыболовство. Вместе с тем в мотивировке выбора прибалтийских поморов улавливается ориентация на собственно крестьянскую инициативу и крестьянами же созданный тип организации в рыболовном промысле. Администрации предписывалось подыскать и выслать в ходяки "... исключительно

23 ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, д. 463, л. 17.

24 ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 1 - 2.

но лиц вполне благонадежных в нравственном отношении, способных успешно выполнить предстоящую им ответственную задачу и пользующихся у своих односельчан необходимым авторитетом".²⁵

Таким образом, Лифляндский губернатор был оповещен о намерении правительства предпринять переселение прибалтийских рыбаков на дальневосточное побережье. Для этого он был обязан подыскать и отправить подходящих - соответственно требованиям - рыбаков ходаками для выполнения правительственного задания. Главное управление казачьих войск получило по этому поводу пояснение, а Приамурскому генерал-губернатору в ноябре 1897 г. было направлено сообщение Переселенческого управления о намерении послать ходоков-поморов.²⁶ Администрации мест выхода и мест прибытия ходоков следовало обеспечить выполнение задания Переселенческого управления, данного в июле 1897 г.

2. Организация и финансирование ходачества прибалтийских поморов

Выполнение предписания Переселенческого управления началось с того, что Лифляндский губернатор сделал на полученном документе пометки-распоряжения: 25 августа 1897 г. передать Курляндскому губернатору и 28 августа сообщить конфиденциально Рижскому, Вольмарскому, Пернавскому и Эзельскому уездным начальникам о предписании "... в непродолжительное время подыскать ходоков и представить о них нужные сведения".²⁷

Ответы уездных начальников стали поступать через месяц-полтора. Вольмарский уездный начальник В.А.Игнатьев переслал 11 октября 1897 г. "Список" на ходока и кандидата

25 ЦИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д.1886, л. 1.

26 Там же, л. 19.

27 Там же, л. 1.

в ходоки для отправки во Владивосток. В "Список" были внесены: ходоком - крестьянин Старо-Салапкой волости Берн Эдуард Янов, 26 лет, и кандидатом - крестьянин Ново-Салапкой волости Янсон Иоан Иванов, 25 лет.²⁸ Одновременно уездный начальник отмечал, что в ответ на предписание губернатора от 5 сентября 1897 г. выявить желающих переселиться в Южно - Уссурийский край на свои средства таковых не нашлось.²⁹

Вслед за Вольмарским уездным начальником дали ответ все остальные, а также полицмейстер купальных мест местечка Дубельн, близ города Риги, барон А.В.Мирбах.

Рижский уездный начальник в своем рапорте докладывал, что желание отправиться ходоком изъявил крестьянин Магнусовской волости Озолин Мартин Карлов. Однако по собранным сведениям, как писал уездный начальник барон Фитингоф, едва ли тот сможет оправдать возлагаемые правительством условия.³⁰

Полицеймейстер барон Мирбах в рапорте губернатору сообщал, что переселиться в Южно-Уссурийский край изъявили желание 8 семей и ходоками избрали шлоковского крестьянина Ассера Яна Андреева, проживавшего в Карлсбаде, и Анпернского крестьянина Шалдера Сандера Фрицева. В том же рапорте барон Мирбах давал характеристику ходокам, отметив, что Ассер владеет недвижимостью и что Приамурский край ему более или менее знаком, поскольку он плавал на корабле. Шалдера же полицмейстер представлял как человека, ведущего нетрезвую жизнь, и в нравственном отношении неблагонадежного.³¹ Одновременно с рапортом барон Мирбах пересылал протокол, составленный в полицейском участке 12 октября 1897г. в связи с тем, что в этот день в

28 ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л. 15.

29 Там же, л. 16.

30 Там же, л. 16.

31 Там же, л. 17.

Дубельнское полицейское управление явились семь крестьян и один мещанин и заявили о своем желании переселиться с семьями в Южно-Уссурийский край, причем избрали уже от себя ходоков - крестьян Ассера и Шалдера - и получили их согласие на это.³² Среди желающих переселиться в протоколе были перечислены: четверо шлоксских крестьян - Ассер Ян Андреев, Думпе Яков Яковлев, Думпе Август Яковлев, Лунзем Ян Ансов; гросвирцавский крестьянин Путрайн Атус Давов; анпернский крестьянин Шалдер Сандер Фрицев; мезотенский крестьянин Крузе Георгий-Ян Микелов; шлоксский мещанин, проживавший в местечке Каллобад. Все пришедшие крестьяне расписались в протокола, а за неграмотного мещанина Шредера расписался другой.³³

Перновский уездный начальник Максим Алексеевич Фадеев отправил рапорт Лифляндскому губернатору 18 октября 1897 г. Содержание его рапорта отразило большую напряженность поземельных отношений в эстонских уездах Лифляндской губернии, что порождало готовность крестьян уйти из родных деревень хоть на Дальний Восток, где вырисовывалась какая-то вероятность получить землю. М.А.Фадеев докладывал, что ко времени отправки рапорта изъявили желание переселиться в Южно-Уссурийский край 238 семей и что такие заявления поступали ежедневно. Поэтому уездный начальник высказывал предположение, что число желающих переселиться этим не ограничится.³⁴ Крестьяне избрали ходоками 5 человек, однако уездный начальник рекомендовал отправить ходоком крестьянина Текерортской волости, избранного от 22-х семейств этой волости, - Миллера Иоганна Андерсова, 29 лет, безупречного поведения, с детства занимающегося рыболовством.³⁵

32 ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д. 1886, л.18.

33 Там же, л. 18.

34 Там же, л. 19.

35 Там же, л. 19.

В рапорте начальника Эзельского уезда от 21 октября 1897 г. было сказано, что желающих переселиться насчитывалось уже 6 семей из Луммадской волости, 4 - из Гелламской и 2 - из Великокармельской волостей. Ходоком они избрали крестьянина Гелламской волости Палло Михайла Михайлова, которого, хорошо характеризуя, рекомендует в своем рапорте и уездный начальник.³⁶

Итак, в течение немногим более месяца после получения распоряжения губернатора начальники прибрежных уездов: Вольмарского, Рижского, Перновского и Эзельского - рапортовали Лифляндскому губернатору об откликах крестьян на предложение переселиться за свой счет в Южно-Уссурийский край. Трудно сказать, насколько широко были оповещены крестьяне об этом предложении, как понимали и толковали его. Однако активнее всего откликнулись крестьяне эстонского побережья Рижского залива и острова Эзель. Объяснялось это рядом обстоятельств, но в первую очередь тем, что в этих районах рыболовство для крестьян было не только привычным, но и жизненно необходимым занятием, а земля, которой не хватало, была к тому же скудной. Поэтому переселенческое настроение здесь могло шире охватить крестьян.

Курляндский губернатор на предписание подыскать ходоков ответил Лифляндскому губернатору, что посылка 3-х ходоков из Курляндской губернии не встретит никаких затруднений.³⁷ Однако, как свидетельствуют сохранившиеся документы, это не было выполнено. Более того, в январе 1898 г. Курляндский губернатор уведомил Лифляндского, что с разрешения Министерства внутренних дел дальнейшие распоряжения по отправке ходоков от поморов Курляндской губернии прекращены.³⁸ Тем самым Курляндский губернатор с санкции Министерства внутренних дел освободил себя от

36 ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д. 1886, л.20.

37 Там же, л. 13.

38 Там же, л. 70.

обязанности участвовать в подборе ходоков и отвечать за выполнение правительственного распоряжения. Весьма вероятно, что основной причиной такой позиции Курляндского губернатора была настороженность по отношению к переселенческому настроению крестьян, боязнь возобновления его распространения. Еще весной (в апреле) того же 1897 года губернатор доносил в Министерство внутренних дел о появлении самовольных переселенцев из курляндских крестьян в количестве 360 человек на станции Приекульн Либаво-Роменской железной дороги, ³⁹ когда для высадки переселенцев из занятых ими вагонов и возвращения в места жительства поезд был переведен на станцию Гробин, т.к. в Приекульне собралась большая толпа (до двух тысяч человек, как писал губернатор). К тому же были вызваны из Либавской крепости с согласия ее коменданта две роты нижних чинов для "сопровождения" крестьян в их сельские общества. ⁴⁰ Возможность новой вспышки переселенческого движения крестьян заставила, по всей видимости, Курляндского губернатора уклониться от поиска ходоков среди курляндских поморов.

К декабрю 1897 г. поиск ходоков из Лифляндской и Эстляндской губерний был закончен. Вскоре после этого, 28 декабря, Переселенческое управление сообщило Лифляндскому губернатору, что средства на оплату переезда ходоков будут переведены в его распоряжение, а порядок выплаты этих денег ходокам определит управление.

Путь ходокам предстоял долгий и по расстоянию, и по времени. Первый отрезок этого большого пути ходоки проделывали на лошадях или лодках: с мест жительства до Ревеля - эстонские ходоки, до Риги - лифляндские. Далее по железной дороге они ехали до Одессы, а из Одессы до Владивостока шли морем на пароходе Добровольного флота. Деньги ходокам должен был выдать губернатор в размере, необходимом, по его собственному усмотрению, для оплаты

39 ЦИАЛ, ф.391, оп.2, д. 95, л. 8 - 10.

40 Там же, л. 12 - 14.

пути до Одессы, продовольствия и расходов в Одессе до отправления парохода. Проезд по морю предусматривалось оплатить Министерством внутренних дел непосредственным переводом денег Комитету добровольного флота. Во время пребывания ходоков в Уссурийском крае Дальнего Востока деньги должно было выплачивать им местное начальство "... по частям и по мере действительной в том необходимости".⁴¹

Вместе с определением порядка выплаты денег Переселенческое управление обязывало губернатора объявить ходокам, чтобы они были готовы к отъезду в феврале 1898 года.⁴² Лифляндский губернатор, получив такое предписание-разъяснение Переселенческого управления, 4 января 1898 г. дал распоряжение уездным начальникам избрать 4-х ходоков и предупредить, чтобы они были готовы отправиться в путь по первому приказанию.⁴³ В Петербурге в то же время, по-видимому, была достигнута договоренность между Переселенческим управлением и Комитетом Добровольного флота, что подтверждается сообщением Лифляндскому губернатору из Переселенческого управления от 23 января 1898 г. В нем говорилось, что для отправки переселенцев выделены три парохода, отходящие из Одессы между 15 марта и 15 мая. Одновременно с этим давалось распоряжение обеспечить прибытие ходоков в Одессу за 10-12 дней до отхода парохода для санитарного осмотра, в течение которого они будут находиться в даровом помещении и содержаться за счет казны. Сразу по прибытии в Одессу ходоки обязывались явиться в канцелярию градоначальника.⁴⁴ Со своей стороны, одесский градоначальник телеграфировал Лифляндскому губернатору в Ригу о том, что ходокам-помора⁴⁵ предлагалось прибыть в

41. ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.70, 25; 26.

42. Там же, л. 26.

43. Там же, л. 25.

44. Там же, л. 35.

Одессу 7 марта для посадки на пароход "Нижний Новгород", отправление которого во Владивосток назначалось на 15 марта. ⁴⁵

Таким образом, к концу января 1898 года Переселенческим управлением, казалось, уже были решены основные вопросы организации ходачества прибалтийских поморов: Лифляндский губернатор выполнил задание в отношении поиска ходоков, определен был порядок финансирования ходачества, обозначено время и согласовано с Комитетом Добровольного флота и одесским градоначальником отправление ходоков на пароходе "Нижний Новгород". Однако во время сборов ходоков в дорогу один из них - Берн Эдуард Янов, рекомендованный Вольмарским уездным начальником, незадолго до отправления в путь (20 января 1898 г.) подал прошение на имя губернатора с просьбой освободить его от обязанностей ходока по семейным обстоятельствам и назначить вместо него Янсона Кристиана Янова. На прошении Берна губернатор пометил: "Назначить Янсона". ⁴⁶ Кристиан Янсон в первоначальном "Списке" был назван Иоаном Ивановым, затем Крышем Яновым. Когда же Лифляндскому губернатору надо было представлять "Список" ходоков, отобранных для выполнения правительственного поручения, обнаружилось (возможно, в канцелярии губернатора) "несоответствие имени и вероисповедания Янсона. Губернатор отправил довольно резкое отношение Вольмарскому уездному начальнику: "Несмотря на требование мое об особенно внимательном отношении к этому делу, поместили в "Список", заключающий в себе всего два лица, такое сведение: "Крыш Янсон. Православного исповедания". Так как православного имени Крыш не существует, то очевидно, что в подписанном лично вами "Списке" заключается ошибка или в имени, или в исповедании... Предлагаю относиться впредь с большей осмотритель-

45 ЦИГА ЛатвССР; ф.13, оп.2, д.1886, л.40.

46 Там же, л. 35.

ностью к доставляемым сведениям, прошу по выяснении доставить сведения в самом непродолжительном времени" ⁴⁷ .

Вольмарский уездный начальник ответил рапортом от 30 января 1898 г.: "Крыш Янсон действительно православного вероисповедания и наречен при св. крещении именем Христианин. Крыш на местном латышском наречии есть сокращенное Христиан, какового имени в православных святцах тоже нет". ⁴⁸

В конечном итоге утверждены были ходоками от прибалтийских поморов семь человек. Четверо из них ливонские, а трое — эстляндские крестьяне: 1. Палло Михаил Михайлов-Гелламская волость Эзельского уезда 2. Миллер Иоганн Андерсов — Текерортская волость Перновского уезда; 3. Янсон Христиан (Христиан Янов) — Старо-Салацкая волость Вольмарского уезда; 4. Ассер Ян Андреев — Шлокская волость Рижского уезда; 5. Ваард Петр (отчество не указано) — Эммастская волость, остров Даго; 6. Кальф Альфред и 7. — Таммевески Ян (отчества не указаны) — оба из Кейнской волости острова Даго.

География мест выхода этих крестьян показывает, что рыболовство и мореходное дело было им знакомо. Согласиться на ходатайство их побуждали различные причины, объективные и субъективные обстоятельства. Основными же следует считать те обстоятельства, которые обуславливали "выталкивание" крестьян с оседлых мест и делали переселенчество постоянным явлением в условиях земельной тесноты для огромного числа крестьян. Ходокам предстояло выполнить правительственное задание — оценить возможности рыболовного промысла на Южно-Уссурийском побережье, и вместе с тем создавалась возможность самим увидеть, а затем рассказать своим односельчанам о малоизвестных дальневосточных краях, то есть получить и передать полную и достоверную информацию, прежде чем подниматься на переселение.

47 ЦГИА ЛатвССР; ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 28.

48 Там же, л. 37.

Уездные начальники после получения ими телеграммы губернатора оповестили ходоков о том, что они должны явиться к губернатору 28 февраля 1898 г. утром.⁴⁹ Всем ходокам в губернском правлении были выписаны проходные свидетельства, подписанные губернатором.⁵⁰

Маршрут пролегал для эстляндских ходоков от Ревеля (Таллина), а для Лифляндских - от Риги через Двинск (Даугавпилс) - Вильно (Вильнюс) - Ровно - Казатин на Одессу. В назначенное время ходоки прибыли соответственно в Ревель и в Ригу, получили в губернском присутствии проходные свидетельства, а 2 марта из Ревеля и 3 марта из Риги тронулись в долгий путь. Но в самом начале лифляндским ходокам довелось столкнуться на рижской железнодорожной станции с организационными неурядицами. Ходоки должны были выехать из Риги второго числа вечером, но третьего они пришли в губернское присутствие и объяснили, что станционное начальство не успело подготовить для них нужные документы и выдало только третьего, а также намеревается отправить ходоков в товарном вагоне как груз малой скорости. Основанием для такого решения станционной администрации послужили выданные ходокам документы, которые действительно были накладными на груз малой скорости, где под наименованием груза было проставлено: переселенец такой-то ... После выяснения всех вопросов ходоки отправились 3 марта почтовым поездом из Риги. Но вот уже четвертого числа со станции Свенцяны ходоки направили Лифляндскому губернатору телеграмму, в которой сообщали об отсутствии вагона. Телеграмма была получена в Риге 5 марта, и в тот же день Лифляндский губернатор сообщил об этом в Переселенческое управление и одновременно просил отправить ходоков пассажирским, а не товарным поездом, чтобы они успели прибыть в Одессу к 7 марта.⁵¹

49 ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 40.

50 Там же, л. 68.

51 Там же, л. 49, 50.

Финансирование хождения поморов и порядок выплаты денежных средств, как уже отмечалось выше, были определены правительством еще в декабре 1897 г.⁵² Но 10 марта 1898 г., когда ходоки уже выехали из Риги, губернатор получил копию тревожной телеграммы из Одессы: "Традиционно для ходоков нет денег нечего чем отправлять".⁵³ Министерство финансов, согласно правительственному решению, открыло кредит по смете Департамента общих дел Министерства внутренних дел их "Фонда вспомогательных мероприятий Сибирской железной дороги" на сумму 100 рублей в распоряжение Лифляндского губернатора 20 февраля 1898 г.⁵⁴ Однако уведомление Казенной палаты Министерства финансов пришло в канцелярию губернатора лишь 13 марта того же года - так помечено штампом канцелярии губернатора на данном документе. В то же время Лифляндский губернатор, получив телеграмму из Одессы, тут же, 11 марта 1898 г., сообщил Переселенческому управлению, что деньги на путевые расходы ходоков от Риги до Одессы были переведены в его распоряжение лишь 10 марта, так что ходоки отправились на частные средства.⁵⁵ 18 марта была выписана ассигновка титулярному советнику Остроухову, которая уполномочивала его получить в Рижском губернском казначействе 80 рублей из переведенных 100 руб. на покрытие расходов по переезду ходоков-поморов до города Одессы.⁵⁶ В распоряжении губернатора оставалось 20 рублей на обратный путь ходоков от Одессы до их постоянного места жительства.

О пути, проделанном ходоками, дано некоторое представление несколько телеграмм. Одна из них была отправлена 12 марта 1898 г. исполняющим должность одесского гра-

52 ЦГИА ЛатвССР, ф.13, оп.2, д.1886, л.25.

53 Там же, л. 52.

54 Там же, л. 54.

55 Там же, л. 52.

56 Там же, л. 55.

доначальника Старковым Переселенческому управлению с просьбой разрешить выдать семи ходокам эстляндцев и ливонцев, отбывающим 15 марта во Владивосток, по 25 рублей каждому на покупку рубах, сапог и прочего, необходимость чего он подтверждает. ⁵⁷ Ответ пришел телеграммой 13 марта, где было сказано, что "не встречается препятствий израсходовать 175 рублей на поморов". ⁵⁸ А 18 марта Переселенческое управление телеграфировало в Хабаровск Приамурскому генерал-губернатору о том, что с пароходом, отшедшим из Одессы во Владивосток, в Енисейско-Уссурийский край отправившись семь ходоков от поморов Лифляндской и Эстляндской губерний. ⁵⁹ Этой телеграммой завершались сведения о продвижении ходоков на Дальний Восток.

В июле 1898 г. появились телеграммы в Переселенческом управлении и канцелярии Лифляндского губернатора о возвращении ходоков. Морской путь занимал время в 40-45 суток, следовательно, ходоки осматривали побережье Енисейско-Уссурийского края возможно чуть более двух месяцев. 10 июля 1898 г. Приамурский генерал-губернатор сообщал телеграммой Переселенческому управлению, что ходоки прибалтийских поморов, осмотрев побережье бухты Преображения, нашли удобные для поселения места и просят отправить их теперь обратно. ⁶⁰ На содержание поморов Приамурскому генерал-губернатору было ассигновано 1500 рублей. Ко времени возвращения ходоков оставалось 1150 рублей. В упомянутой телеграмме Приамурский генерал-губернатор спрашивал разрешения уплатить из оставшихся 1150 руб. Добровольному флоту за проезд ходоков и выдать им деньги на кормовые расходы на весь путь. ⁶¹ Разрешение поступило в от-

57 ЦИАЛ, ф. 391, оп. 2, д. 463, л. 54.

58 Там же, л. 55.

59 Там же, л. 63.

60 Там же, л. 64.

61 Там же, л. 65.

ветной телеграмме Переселенческого управления от 16 июля 1898 г., где одновременно было сказано, что необходимо покрыть расходы по отправке ходоков до Одессы, а средства на дальнейшее их следование будут выделены одесским градоначальником.⁶² И уже из Владивостока сами ходоки отправили 26 июля 1898 г. телеграмму Лифляндскому губернатору очень краткого, но емкого содержания: "Мы ходоки просимся домой и остальные деньги".⁶³

На каком пароходе ходоки шли до Одессы и когда вышли из Владивостока, в названных архивных делах сведений не сохранилось. Известно, что 6 октября 1898 г. они уже выехали из Одессы в Ригу и в Ревель. Доказательством тому служат проходные свидетельства, выданные одесским градоначальником ходокам: Миллеру, Ассер, Палло и Янссону, возвращавшимся в Ригу, которых обязывали явиться в канцелярию губернатора и там их сдать.⁶⁴ Одновременно с этим одесский градоначальник телеграфировал Лифляндскому губернатору о том, что ходоки отправлены по железной дороге в Ригу и что каждому выдано по 4 рубля на довольствие в пути, а также проходное свидетельство.⁶⁵

В то время, когда ходоки были еще в пути, Лифляндский губернатор обратился в Переселенческое управление с отношением, в котором отмечал, что оставшихся 20 рублей из 100, предоставленных в его распоряжение Министерством финансов, недостаточно, чтобы оплатить расходы ходоков на дорогу от Одессы до их мест жительства. В результате этого отношения были выделены в распоряжение губернатора еще 50 рублей на расходы ходоков "от Риги до мест их постоянной оседлости".⁶⁶

62 ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 2, д. 463, л. 63.

63 Там же, л. 63; ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 53.

64 ЦГИА ЛатвССР, ф. 13, оп. 2, д. 1886, л. 63.

65 Там же, л. 63.

66 Там же, л. 60, 61.

12 октября 1898 года четверо ходоков — поморов Лифляндской губернии вернулись в Ригу, явились в губернское присутствие по крестьянским делам, сдали проходные свидетельства и высказали свои соображения по поводу целесообразности и возможности развития промыслового рыболовства, каботаж на Дальнем Востоке и условий переселения туда семей рыбаков.

Огромный путь был преодолен ходоками. Домой они возвратились спустя 7 месяцев со времени отъезда. Правительственное задание было выполнено. Информация ходоков, их наблюдения, опыт преодоления этого большого пути с Запада на Дальний Восток приобретали серьезное значение в практической переселенческой политике царизма.

Ходоками были высказаны и критические замечания в отношении организации и финансирования ходачества. В частности, они жаловались на нечеткость объяснения им условий ходачества. Собираясь в дорогу, они думали, что каждому из них будет выдано на руки 450 рублей. Незрасходованную часть этих денег они рассчитывали по возвращении использовать в своих хозяйствах. Поскольку деньги им выдавались по частям, к тому же на пароходе питание было плохим, ходоки истратили в пути даже свои личные деньги и поэтому обратились с ходатайством о компенсации своих затрат.

Ходачество прибалтийских поморов, как элемент в политике и организации царизмом переселения крестьянства на Дальний Восток было выполнено латышскими и эстонскими крестьянами — рыбаками, несмотря на ряд упущений в деятельности правительственных учреждений и лиц, обеспечивавших это ходачество.

Предстояло оценить и использовать информацию ходоков для решения вопросов развития промыслового рыболовства на Кюно-Уссурийском побережье и переселении в связи с этим семей рыбаков.

ГРАВА Илга Криста овна

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОБСЛЕДОВАНИЙ 1913-1914 гг.
В ВЕНДЕНСКОМ УЕЗДЕ)

Проблема социального расслоения прибалтийского крестьянства периода капитализма затронута многими историками-аграрниками. Не пока в историографии нет единого мнения по этому вопросу. Это вызвано тем, что сельское население делит на разное количество групп, существует разная методика обработки одних и тех же источников, недостаточная четкость в определении групп, выделении основных отличительных свойств. Почти все исследователи указывают на большие трудности, возникающие в связи с нехваткой конкретных данных о крестьянском хозяйстве. Таким образом, проблема выявления и анализа новых источников, содержащих информацию о развитии и структуре прибалтийской деревни сохраняет свою актуальность, также как и разработка методики анализа таких источников.

Выявление всех историков привлекало организованное Рижским центральным сельскохозяйственным обществом в 1913-1914 гг. обследование крестьянских хозяйств. В историографии существует мнение, что для характеристики крестьянских хозяйств накануне первой мировой войны нет другого известного источника, равноценного указанному обследованию.¹ Долгое время историки могли пользоваться только краткой сводкой собранного материала двух уездов (Венденского и Вольмарского) Лифляндской губернии, сделанной руководителем обследования Я.Бокалдером, поскольку анкеты об отдельных крестьянских хозяйствах считались утерянными. Теперь в фонде Латвийской сельскохозяйственной

1 I. Balēvica, Lauksaimniecība Vidzemē un Kurzemē pirms pārcelšanās kara priekšvakarā, Rīga, 1972, 15, lpp.

камеры 1935-1940 гг. выявлено 925 первичных анкет упомянутого обследования. Таким образом, представляется возможность более подробного изучения социальной структуры крестьянства - самого многочисленного класса и производителя материальных благ начала XX века.

Для дальнейшей обработки нами отобрано 738 анкет Венденского уезда - они составляют основную массу всех выявленных анкет. Проверка достоверности и представительности источника для решения проблемы социального расслоения крестьянства показала, что в целом данные обследования Венденского уезда 1913 года верно отражают в среде крестьянства средние слои, по отношению к другим, занимая долю беднейшего слоя и завышая удельный вес зажиточных крестьян. Это было обусловлено целями и задачами, которые выдвинуло ИЦСО. Главным являлось получение материалов о членах кооперативов или потенциальных членов в ближайшем будущем. Такими являлись в большинстве случаев средние и крепкие крестьянские хозяйства. Внимание заполнителей анкет в основном было обращено к тем хозяйствам, которые существовали за счет сельскохозяйственного производства. Вместе с тем анкеты обследования вполне представительны для анализа внутреннего строя крестьянских хозяйств всех типов, исключая самые бедные слои. Обширная программа обследования, которая охватила все стороны производства сельскохозяйственной продукции, кроме расходов, представляет возможность дать общую характеристику по отдельным группам крестьянских хозяйств.²

Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых вопросов методики и анализа данных обследования с тем, чтобы показать те возможности, которые оно представляет для конкретного изучения социальной структуры деревни начала XX в.

2 Подробнее о источниковедческом анализе обследования ИЦСО 1913-1914 гг. см.: Грава И.К. Новый источник по истории крестьянства Прибалтики накануне первой мировой войны. - История СССР, 1981, № 3.

Важным свойством анкет обследования является возможность получения не только прямой, но и скрытой информации, таким образом повышая информативную ценность источника. Скрытой частью информации являются отраженные в воспринятых чертах объекта сведения о присущих ему взаимосвязях, которые прежде всего характеризуют структуру.³ Важным свойством такой информации является ее наименьшая подверженность субъективным воздействиям во время фиксации данных, и поэтому она наиболее адекватно отражает объективную реальность. К. Маркс писал, что общество не состоит из индивидумов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивидумы находятся друг к другу.⁴ Таким образом, специфика реального объекта коренится прежде всего в характере связей и отношений, определяющих объект как систему.⁵ Имея в своем распоряжении данные о крестьянских хозяйствах, всесторонне раскрывающих разные стороны их функционирования и являя их взаимосвязи, историк получает возможность всестороннего анализа внутренней структуры крестьянского хозяйства. Реализация на практике системно-структурного анализа связана с моделированием.

3 Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации. (К постановке вопроса). — В кн.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск, 1979, ч. I. М., 1979, с. 38.

4 Из рукописей Карла Маркса "К критике политической экономии". — Вопросы философии, 1966, № 5, с. 132.

5 Молчанов В.И. Системный анализ социологической информации. М., 1981, с. 21.

Любая научная модель является абстрагированным выражением основной сущности исследуемых явлений и процессов. Никакая количественная модель не может быть построена без модели качественной. Поэтому любое научное моделирование состоит из двух этапов: сущностно-содержательного и формально-количественного. Первый этап - построение сущностно-содержательной модели - является результатом теоретического анализа, выражает основные черты, закономерности и особенности функционирования исследуемых явлений, а также их теоретически допустимые состояния.⁶ Она служит основой для построения формально-количественной модели и содержательной интерпретации результатов количественного моделирования.

При построении сущностно-содержательной модели социально-экономического строя крестьянского хозяйства Прибалтики накануне первой мировой войны необходимо исходить из тех закономерностей, которым они подчинялись, установить те особенности, которые определяли принадлежность к определенному слою крестьянства. При этом надо учитывать, что оно было расчленено на качественно отличительные слои и группы. Теоретико-методологической основой для содержательно-исторического анализа этих групп служат положения марксистской политэкономии о сущности товарно-капиталистического производства. Суть их состоит в том, что по мере втягивания крестьянского хозяйства в рыночные, товарно-денежные отношения и развития в нем товарного производства, функционирование этого хозяйства подчиняется законам, присущим данному производству. Прежде всего это законы стоимости и конкуренции. Они приводят к постепенному установлению внутренней сбалансированности хозяйства, возникновению все более тесной взаимосвязи различных компонентов (размеры производства, производственно-техническая база, трудовые ресурсы и т.д.). Степень такой сбалансированности, выражае-

6 Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов. - Вопросы истории, 1978, № 8, с.73.

мая теснотой взаимосвязей различных характеристик, является показателем глубины развития в этом хозяйстве товарно-капиталистических отношений.⁷

В.И. Ленин выделял в капиталистической деревне следующие группы крестьянства:

1. Сельскохозяйственный пролетариат, наемные рабочие годовые, сроковые, поденные), получающие средства к жизни работой по найму в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях.

2. Полупролетариат, или парцеллярные крестьяне, которые как переходная категория от пролетариев к мелким крестьянам сочетали в себе черты тех и других. Средства к жизни они получали частью наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях, частью — трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, давшем лишь некоторую долю продуктов питания для семьи.

3. Малкое крестьянство, т.е. мелкие землевладельцы, владеющие, на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы.⁸ Слой мелких крестьян является уже (хотя и в небольшой мере) продавцом предметов потребления.

4. Среднее крестьянство, под которым в экономическом смысле следует понимать мелких землевладельцев, владеющих на правах собственности или аренды тоже небольшими участками земли, но такими, которые, во-первых, дают при капитализме по общему правилу не только средства скудного содержания семьи и хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере, в лучшие годы превращаться в капитал, и которые, во-вторых, прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы.⁹ Эта группа

7 Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с.303.

8 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.41, с.170-171.

9 Там же, с. 173.

не была однородна: одни, используя наемный труд и по своему хозяйственному положению будучи близки к зажиточным, составляли непосредственный резерв высшего слоя крестьянства, а другие — большинство, — в развитии которых наметилась тенденция к упадку, разорению, были резервом бедноты.¹⁰

5. Крупные крестьяне (Grossbauer) являются капиталистическими предпринимателями в земледелии, хозяйничающие по общему правилу с несколькими рабочими и связанные с "крестьянством" лишь невысоким культурным уровнем, образом жизни, личной работой (физической) в своем хозяйстве. Это — самый многочисленный из буржуазных слоев, являющийся прямым и решительным врагом пролетариата.¹¹

Теснота взаимосвязей применения наемных сельскохозяйственных рабочих, наряду с другими показателями хозяйства, является важным показателем выявления принадлежности групп хозяйств к тому или иному из указанных слоев. При этом отличия могут выразиться и в том, к какому найму прибегали крестьяне — годовому, сезонному или поденному. В крупных капиталистических хозяйствах, где основным производителем является наемный рабочий, должен преобладать годовой найм. В середняцких хозяйствах, где труд членов семьи хозяина играет такую же, а часто и более значительную роль, чем наемный труд, большое распространение должен получать сезонный найм в самый активный период сельских работ.

Далее общий уровень развития сельскохозяйственной техники в крупных капиталистических хозяйствах должен иметь определенную связь с другими компонентами хозяйства. При построении сущностно-содержательной модели социально-экономического строя крестьянского хозяйства Прибалтики надо учитывать, что уже накануне первой мировой войны имела место специализация сельскохозяйственного производства в

10 Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900 - 1917 гг). Новосибирск, 1976, с.198.

11 Ленин В.И. Полн.собр.зоч., т.41, с.174-175.

сторону животноводства. При скотоводстве как основной отрасли меняется структура посевов и использование рабочей силы — женский наемный труд начинает играть такую же роль в хозяйстве как и мужской. Как видим, для раскрытия социально-экономической структуры крестьянского хозяйства требуется целый комплекс данных. Анкеты ЦСГО представляют такую возможность. Они содержат почти всю необходимую информацию для построения модели социально-экономической структуры крестьянского хозяйства накануне первой мировой войны.

Следующим этапом моделирования является создание формально-количественной модели. Сущностно-содержательная модель представляет основу для создания и интерпретации его формально-количественной модели.¹² Необходимым элементом создания этой модели является выбор математического аппарата, адекватного целям исследования, воспроизводящего свойства и функционирование объекта моделирования. Математические методы обработки источника позволяют получить количественные характеристики изучаемых явлений и процессов, где обычные методы подобных характеристик не дают.¹³

Из разнообразного арсенала математико-статистических методов корреляционный анализ является наиболее эффективным для количественного выражения характера и тесноты взаимосвязей различных факторов крестьянского хозяйства. Для исследования исторических процессов и явлений важно, что при установлении коррелированности переменных, единицы измерения отдельных признаков не играют никакой роли. Степень коррелированности переменных измеряет коэффициент корреляции — r , значение которого меняется в интервалах от -1 до $+1$. Чем ближе величина коэффициента к его пре-

¹² Ковальченко И.Д. О моделировании исторических..., с.73.

¹³ Какх Ю.Ю., Ковальченко И.Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях. — История СССР, 1974, № 5, с. 93.

дельным значениям, тем больше теснота зависимости между признаками. При значении $r = -1$, между признаками обратная функциональная зависимость, при $r = +1$ - прямая. При $r = 0$ между факторами отсутствует всякая линейная зависимость.

При этом надо учитывать, что фиксировать наличие прямой или обратной взаимосвязи между рассматриваемыми явлениями или состояниями можно лишь при условии, когда коэффициент корреляции является значимым. Значимым же является такой коэффициент, который по модулю больше некоторого определенного уровня. Этот уровень зависит от заданной вероятности (обычно 95 - 99 %) и объема выборки. В противном случае коэффициент признается незначимым, то есть с заданной вероятностью невозможно утверждать наличие какой-либо взаимосвязи между явлениями.

После выбора математического аппарата выступает проблема группировки крестьянских хозяйств. От выбора группировочного признака для выявления взаимосвязей в большой мере зависят дальнейшие результаты работы. При этом необходимо учитывать указание В.И. Ленина о том, что "экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки размеры и типы хозяйства." ¹⁴ В то же время В.И. Ленин никогда какому-то одному признаку не придавал уникального значения, подчеркивая: "Признаки для различия этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия." ¹⁵

Выбор определенного экономического признака для группировки крестьянских хозяйств по их размерам и типам зависит от конкретных условий и целей исследования. Важным фактором, характеризующим размеры хозяйства, является величина валового дохода, которая свидетельствует об обеспеченности средствами производства, рабочей силой, эффективности ведения хозяйства и товарности. При этом надо учиты-

14 Ленин В.И. Полн. собр. соч., с. 96.

15 Там же .

вать, что ЦСО при сборе данных своей целью ставило обследовать те хозяйства, которые в основном занимались сельскохозяйственным производством. Поэтому как основной признак для группировки крестьянских хозяйств Венденского уезда выбран валовый доход от сельского хозяйства. Это позволяет объединить в одну группу хозяйства одного направления. Учет всей продукции, реализованной на рынке, а не только излишков над собственным потреблением, позволяет более точно оценить масштабы развития товарно-денежных отношений. 16

Степень подчинения крестьянского хозяйства рынку является одной из важнейших структурообразующих характеристик. В начале XIX века практически все крестьянские хозяйства прибалтийской деревни в какой-то степени были связаны с рынком в реализации сельскохозяйственной продукции, и в силу этого оказывались под воздействием товарно-капиталистических закономерностей.

Для дальнейшей обработки материала важным моментом является выбор группировочных интервалов. Необходимо учитывать, чтоб интервалы выделенных групп наиболее полно способствовали выявлению социальной структуры крестьянства. Также надо соблюдать требование о необходимом минимуме единиц в каждой группе для получения устойчивых средних. Источниковеды, работавшие с крестьянскими бюджетами доколхозной деревни, определили такой минимум в пределах 30 хозяйств. 17 - При выборе границ групп крестьянских хозяйств Венденского уезда, обследованных ЦСО, учтено, что в основном собраны данные о средних и крупных хозяйствах.

16 Ковальченко И.Д. Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX в. - История СССР, 1962, № 1, с.82,87-88

17 Обюда В.А. Методы изучения социально-экономического строя крестьянского хозяйства доколхозной деревни

(по данным бюджетных обследований крестьянства Урала). Автореф.дис. на соиск.учен.степ. канд.ист.наук. М., 1975, с.12.

Итак, для крайних групп выбраны границы - I группа с доходом от сельского хозяйства до 400 руб., а У группа с доходом более 1500 руб. Кроме двух крайних групп, выделены три средние при учете требования, чтобы каждая из них имела верхний интервал, не превышающий более чем в два раза величину нижнего. В результате 596 хозяйств разделены на пять групп по доходу от сельского хозяйства: I группа - до 400 руб., II группа - 401 - 700 руб., III группа - 701 - 1000 руб., IV группа - 1001 - 1500 руб. и У группа - более 1500 руб.

Из 738 анкет Венденского уезда в группировку не попало 142. Во-первых, из дальнейшего анализа исключены те хозяйства, в которых часть земли отдавалась в аренду. В этих анкетах невозможно установить, учитывается ли вся посевная площадь или только та часть, которую обрабатывал сам хозяин. Так же неясно, зафиксирована ли вся стоимость мертвого инвентаря и скота, находящегося в хозяйстве, с учетом инвентаря и скота арендатора. Во-вторых, анализу не подчинялись хозяйства, которые обрабатывались с помощью труда исполщиков. В этих анкетах те же недостатки, что в хозяйствах, сдавших часть земли в аренду. В третьих, в группировку нельзя было включить те хозяйства, где нет данных о сельскохозяйственных доходах. Часть земли в аренду сдавали в 55-ти хозяйствах, в большинстве - в 33-х и не зафиксировано сельскохозяйственных доходов в - 54 хозяйствах. 596 крестьянских хозяйств разделены на 5 групп и распределяются следующим образом (см. таблицу).

Таблица I.

Соотношение групп крестьянских хозяйств Венденского уезда по доходу от сельского хозяйства.

Группы	Число хозяйств	в %
I	9	15,1
II	150	25,2
III	169	28,4
IV	115	19,3
V	72	12,0
Всего	596	100,0

Для подсчетов коэффициентов корреляции был произведен отбор показателей на каждое крестьянское хозяйство. Это обусловлено ее рассмотрением как производственной единицы. Для дальнейшего анализа полученных матриц коэффициентов корреляции необходимо установить значимости коэффициента. При заданной вероятности 0,95 или 95 % коэффициенты корреляции значимы, т.е. будут подтверждать наличие линейной связи между факторами в том случае, если они будут превышать уровни: I группа $\pm 0,22 / r = 90 /$, II группа $\pm 0,16 / n = 150 /$, III группа $\pm 0,18 / n = 115 /$ и IV группа $\pm 0,23 / n = 72 /$.

Для раскрытия нами предложенной методики анализа анкет обследования крестьянских хозяйств Венденского уезда Лифляндской губернии, чтобы показать ту новую информацию, которую автор получает при использовании корреляционного анализа материала, рассмотрим взаимосвязи обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом с другими факторами.

Таблица 2 .

Взаимосвязи обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом и земельными угодиями и посевом.

Показатели	Коэффициент корреляции 0...			
	Г р у п п ы			
	I	II	III	IV
1. Общая площадь удобной земли				
2. Пашня	58 61	81 81	81 87	84 45
3. Сенокос	52	80	65	80
4. Посевная площадь	60	82	85	85
5. Посев зерновых	32	79	76	39
6. Посев технических культур	45	72	52	70
7. Посев клевера	48	73	65	72

Перед анализом коэффициентов корреляции кратко охарактеризуем средние показатели стоимости рабочего скота по выделенным группам. Как это и можно было ожидать, то стоимость лошадей прирастает с приростом доходов от сельского хозяйства - от 188,7 руб. в I группе до 673,9 руб. в IV группе. Также увеличивается показатели от I группы к IV группе стоимости рабочего скота на дес. удобной земли (I группа - 6,9, II группа - 8,2, III группа - 9,8 и IV группа - 10,1 руб.). Отличительные показатели стоимости рабочего скота на дес. посева, где различия по выделенным группам незначительны. По группам они распределяются: 24,5, 24,2, 23,9 и 26,8 руб. Такие результаты подтверждают одинаковое действие законов капиталистического развития в сельскохозяйственном производстве во всех группах крестьянских хозяйств. Производственно-экономи-

ческий уровень (рабочий скот является одним из основных показателей) хозяйства во всех группах относительно посевной площади был примерно одинаков. Но показатели стоимости рабочего скота на одного работника в хозяйстве указывают на другую закономерность. С приростом доходов от сельского хозяйства резко прирастает обеспеченность одного работающего в хозяйстве с рабочим скотом: I группа - 51,1 руб., II группа - 67,4 руб., III группа - 76,8 руб., IV группа - 86,5 руб. Таким образом, можно утверждать, что в хозяйствах с более высоким доходом от сельского хозяйства уровень интенсификации и производительности был выше.

Как показывает табл. 2, коррелируемость обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом с земельными угодьями и посевом достигает средней степени. Если в первых группах с приростом пашенного фонда увеличивается стоимость рабочего скота, то в IV группе это проявляется слабее. Но по отношению к посевной площади тенденция увеличения сбалансированности обеспеченности рабочим скотом хозяйства прослеживается прямо с ее приростом. Это дает возможность говорить о том, что в более мелких хозяйствах пашня использовалась более интенсивно, а залежи занимали незначительную часть. В I группе слабо связано увеличение посевной площади с обеспеченностью рабочим скотом / $r = 0,32$ /.

В более крупных хозяйствах, где была больше площадь посева, обеспеченность рабочим скотом тесно связана с увеличением площади посева клевера. Во II и III группах также тесная связь с посевом зерновых / $r = 0,79$ и $r = 0,76$ /.

Рассматривая обеспеченность хозяйства рабочим скотом и валовый сбор отдельных культур, надо отметить, что тут связи меняются по выделенным группам. Так тесная сбалансированность со сбором зерновых была только в III группе / $r = 0,72$ /, а в других группах связь была средней тесноты. Здесь надо отметить, что III группа отличалась более сильной зависимостью сбора зерновых со стоимостью инвентаря и

хозяйственных построек, чем другие группы / $r = 0,61$ и $r = 0,72$ /. В более крупных хозяйствах сбор технических культур был выше при увеличении обеспеченности рабочим скотом, что предоставляло возможность освобождения рабочих рук. Выращивание льна требовало больше физического труда, чем другие культуры.

Прирост обеспеченности рабочим скотом определял и возможность увеличения стоимости продуктивного скота, поскольку это влекло за собой усиление интенсификации производства. Оно влияло не только на прирост стоимости продуктивного, но и остального скота.

Таблица 3.

Взаимосвязь обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом с рабочей силой.

Показатели	Коэффициент корреляции 0,...			
	Г р у п п ы			
	I	II	III	IV
1. Число местных работников	52	60	61	-0,5
2. Число годовых наемных рабочих	43	09	47	74
3. Число сезонных наемных рабочих	47	79	73	27

При рассмотрении связей обеспеченности хозяйства рабочим скотом и числом местных рабочих надо указать на схожую величину коэффициентов корреляции во всех трех группах, кроме IV группы. Это дает возможность высказать мысль о том, что члены семьи хозяина не участвовали своим физическим трудом в процессе сельскохозяйственных работ,

или участвовали очень минимально. При увеличении численности членов семьи хозяина стоимость рабочего скота не меняется. Во второй группе улучшение обеспеченности рабочим скотом увеличивается степень применения найма сезонных рабочих, но никак не влияет на изменение числа годовых наемных рабочих. В III группе также обеспеченность рабочим скотом тесно связана с увеличением количества сезонных рабочих / $r = 0,74$ / и менее тесно с годовыми рабочими. В более крупных хозяйствах ярко проявляется тенденция перехода на использование в основном годовых рабочих, которая обусловливалась углублением специализации в сторону животноводства. Труд годовых наемных рабочих был более продуктивен, поскольку они часто работали в одном хозяйстве длительное время.

По взаимосвязи обеспеченности хозяйства рабочим скотом и доходов выделяется I группа.

Здесь прослеживается тенденция с приростом обеспеченности хозяйства рабочим скотом, увеличение числа годовых и сезонных наемных рабочих, а также доходов от несельскохозяйственных занятий. В мелких хозяйствах рабочий скот максимально использовался не только в сельскохозяйственных работах, но и в заработках, которые составляли более 20 % от общего дохода на хозяйство. Основным источником получения средств был вывоз леса со своими лошадьми и инвентарем. Из других отраслей в первой группе возможность интенсификации хозяйства использовалась для увеличения дохода от скотоводства, хотя и в небольшой степени. В более крупных хозяйствах увеличение стоимости рабочего скота определяло увеличение доходности земледелия, особенно по отношению к доходам от "других продуктов земледелия". Прирост товарной продукции зерна был слабее, что определялось специализацией производства.¹¹

Таблица 4.

Взаимосвязи обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом с доходами.

Показатели	Коэффициент корреляции 0,...			
	Г р у п п ы			
	I	II	III	IV
1. Общий доход	65	56	81	83
2. Валовый доход от сельского хозяйства	53	80	55	82
3. Доход от земледелия	22	60	43	66
4. Доход от зерна	-02	39	41	33
5. Доход от технических культур	24	48	35	61
6. Доход от других продуктов земледелия	08	60	74	60
7. Доход от скотоводства	42	69	74	70
8. Доход от молока и молочных продуктов	26	32	48	73
9. Доход от скота	37	71	45	38
10. Доход от несельскохозяйственных занятий	49	-01	21	43

Улучшение обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом - возможность интенсификации производства - связано с увеличением товарной продукции животноводства. В IV группе это была продукция молока и молочных продуктов, а во второй группе - скот. В IV группе, так же, как и в I группе, доходы от несельскохозяйственных занятий среднетесно сбалансировано с обеспеченностью рабочим

скотом. Но здесь нельзя говорить о какой-либо близости процессов, поскольку работы были разного характера. Резко отличается и их доля в общем доходе (в IV группе несельскохозяйственные занятия давали 4,5 % от общей суммы доходов.) Если в мелких хозяйствах заработки обуславливались только обеспеченностью рабочим скотом и возможностью найма рабочих рук, то в крупных хозяйствах это обусловлено внутренними резервами - приростом посева кормовых культур, обеспеченности производственно-технической базы и применением годового найма, которому было необходимо найти занятие и в зимний сезон, когда работ в хозяйстве было гораздо меньше.

Подводя итоги надо указать, что даже анализ одного показателя и его связей с другими компонентами крестьянского хозяйства раскрывает много интереснейших явлений, которых традиционными методами не удастся раскрыть. Применение математических методов позволит более четко установить те основные отличительные черты, которые определяют принадлежность крестьянского хозяйства к тому или другому типу. Анализ и других показателей и их взаимосвязей в дальнейшем позволит историку создать конкретную качественную и количественную модель каждого типа хозяйства и определить основные, определяющие характеристики переходных типов, которые существовали в империализме - высшей стадии капитализма.

БЕБЕРС Янис Янович

РАССЛОЕНИЕ ЛАТЫШСКОГО ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО
КРЕСТЬЯНСТВА В СССР НАКАНУНЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1925 - 1928 гг.)

В данной статье автор ставит цель показать классовый состав и его особенности в латышских поселениях в СССР накануне коллективизации (1925-1928 гг.).

Основная литература, касающаяся данного вопроса, - это книги К.Шкиллера "Латышский крестьянин в Белоруссии до и после Октябрьской революции", "История латышских поселений"¹. Для сравнения можно использовать книгу В.Маамяги относительно эстонских поселенцев "Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940)"².

Как источник используются издания латышской советской прессы, а именно "Кривевяс Циня" (за 1925-1927 гг.), "Латвиешу Земннекс" (за 1926-1928 гг.). Надо принимать во внимание и то, что эти источники в отдельных моментах имеют и определенную тенденциозность.

Латышские поселенцы не представляют собой однородную в социальном отношении массу, вопреки утверждениям идеологов кулачества о якобы "братском единстве" всех латышских поселенцев. В латышских поселениях, наравне с местными деревнями, происходил процесс расслоения крестьянства, который достиг особенно быстрых темпов в конце восстановительного периода хозяйства. На 1926/27 г. по сравнению с 1924/25гг. середняки достигают 62,7% (вместо 61,1%), беднота - 22,1% (вместо 25,9%), кулаки 3,9% (вместо 3,3%) и батраки 11,3% (вместо 9,7%)³. Эти данные относятся к СССР в целом. В ла-

1 Šķilters K. Latvju zemnieks Baltkrievijā pirms un pēc Oktobra revolūcijas. - Minska, 1935. - 144.lpp.; Latvijas koloniju vēsture. - M., 1926. 141.lpp.

2 Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940). - Таллин, 1976, - 235 с.

3 История СССР. М., 1967, т.8, с.425.

тышских поселениях эти процессы наблюдаются с определенными отклонениями в ту или иную сторону.

Характерно, что часто представители местных властей за основу определения классового характера хозяйств брали доходы хозяйств, количество скота, лошадей, хотя они значительно колеблются в зависимости от экономического состояния каждого географического района. Здесь необходимым дифференцированный подход. Уже в 1928 году представитель ЦК ВКП(б) И.И.Меллаук отмечал, что понятия "середняк" и "кулак" надо устанавливать для каждого района особо, при этом нельзя исходить только из имущественного положения⁴.

Одним из наиболее шекотливых вопросов накануне коллективизации (да и позже тоже) был вопрос об общей оценке поселенцев. Наиболее острая борьба происходила между сторонниками двух радикально противоположных взглядов, т.е.: 1) все латышские поселенцы - кулаки; 2) в поселениях кулаков вообще нет⁵.

Оба эти взгляды одинаково ошибочны. Как в одном, так и во втором случае латышские поселенцы абсолютно вырываются из естественной как социальной, так и экономической и исторической среды. В первом случае проявляется явное нежелание считаться с особенностями поселенческой жизни. Насчет этого А.Пелмс пишет в "Латвиешу Земниекс": "О латышских пахарях все время было неправильное мнение, будто они все без исключения кулаки. Такие взгляды укоренились вследствие того, что к определению экономических отношений в поселениях подходили с той же меркой, что и в русской деревне, "не принимая во внимание те особенные обстоятельства (хуторское хозяйство, многополье, использование машин, более высокий уровень культуры и т.д.). В

4 Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940).
Таллин, 1976, с. III.

5 Krievijas Cīņa, 1927, 16. jūl.

связи с этим соотношение зажиточности между различными группировками латышских хозяйств существенно отличается от русской деревни⁶. Так же ошибочно оценивать хозяйство только по доходу, по имеющейся земле, поголовью скота. Это еще не раскрывает классовую принадлежность хозяйства. По этому поводу "Латвиешу Земниекс" публикует статью члена коллегии комиссариата земледелия М.Ладиса (Судраба) "Кого советское правительство считает кулаком", где, в частности, пишется следующее: "Часто на селе кулаком считают просто трудолюбивого и бережливого хозяина. Часто считают, сколько у него десятин земли, сколько лошадей, сколько свиней, сколько коров. Такой меркой мерять нельзя, да и не гоже... Ну и что, что у меня много движимого и недвижимого инвентаря! Если это плоды моих усилий и нет тут труда наемных рабочих, я примерный хозяин. Такими должны быть все. Так смотрит советское правительство"⁷. Очевидно, что определяющее значение имеет наличие или отсутствие наемной рабочей силы или эксплуатации односельчан. В этом-то и заключается ответ на вопрос, есть или нет кулаков среди латышских поселенцев.

Латышские поселения не являются никаким исключением. Здесь так же происходит расслоение крестьянства, эксплуатация наемной рабочей силы и так же имеются кулаки. Этот процесс особенно усиливается в конце восстановительного периода.

Так же, как и крестьянство вообще, латышское поселенческое крестьянство делится на три основные группы - бедноту, середняков и кулаков.

Середняки в поселениях являются центральной фигурой и вместе с беднотой - главной силой⁸.

В период военного коммунизма в поселениях происходило уравнивание за счет определенной экспроприации кулачества, произошел прирост середняков и уменьшение численности бедноты и кулаков, причем этот процесс не прекратился и в 1925-1926 гг.⁹.

6 Latviešu Zemnieks, 1926, 27. aug.

7 Turpat, 8. janv.

8 Krievijas Cīņa, 1926, 5. aug.

9 Turpat, 1927, 6. janv.

В поселении Кайбинка Томской губернии с 1921 по 1926 г. число бедняцких хозяйств уменьшилось с 34% до 26%, число зажиточных (тут, очевидно, подразумеваются середняки) увеличилось с 48% до 66%¹⁰. Похожая картина наблюдается в поселениях района Шим Тарской области в Сибири, где по данным "Криевияс Циња" бедняцкие хозяйства составляют 31%, середняцкие - 63% и зажиточные - 4%¹¹. Правда, в данном случае критерием разделения по группам является количество коров в хозяйстве.

Для сравнения можно привести данные обследования 614 тысяч крестьянских хозяйств в 1927 году по СССР в целом. Из них 3,2% кулацких, 26,1% бедняцких хозяйств¹².

В латышских поселениях процентуальное соотношение отдельных групп крестьянства колеблется на уровне этих средних цифр, имея, однако, значительные отклонения в отдельных регионах.

Раслоение латышских крестьянских хозяйств в Могилевском округе (1927 г.)¹³

№ пп	Расслоение	Поголовье крупного рогатого скота	Земля в десятинах	налоги в рублях	% из числа хозяйств
1	Батраки	-	-	-	6
2	Бедняки	1	3	-	14,8
3	Средняки	3	6	30-60	43,7
4	Зажиточные	6	12	60-95	31,5
5	Кулаки	7	17	95-150	4

Как видно, середняки и зажиточные составляют более 75%. Число кулаков немного превышает средние показатели

10 Krievijas Cīņa, 1927, 6. janv.

11 Turpat, 31. maija.

12 Маамяги В. Эстонские поселенцы..., с. III.

13 Latviešu Zemnieks, 1927, 11. nov.

по стране. Но в то же время число бедняков значительно ниже среднего уровня.

В Новгородском округе в 1926/27 гг. в шести поселениях численность (в %) бедноты колеблется от 7% до 43%, середняков - от 50% до 77%, кулаков - от 0% до 13%¹⁴.

То же самое можно сказать и о латышских поселениях в Белоруссии. В конце периода реконструкции (1926/27 гг.) латсекция КП(б) Белоруссии социальный состав поселенцев характеризуется следующими данными: 15% бедноты, 65% середняков и 20% кулаков¹⁵. В то же время по данным "Кривеяс Цина" в Смоленской губернии беднота составляет 20%, середняки - 70% и кулаки - 10% всех поселенцев¹⁶.

Рассмотрим данные об изменениях земельных площадей в хозяйствах Коновского поселения¹⁷ в Белоруссии.

Г о д	Земля на одно хозяйство			
	1-6 га	6-15 га	15-30 га	30-130 га
1913	5	4	13	2
1920	6	6	12	-
1924	7	8	9	-
1927	4	13	7	-

Консолидация середняков происходит за счет уменьшения количества наиболее мелких и наиболее крупных хозяйств.

Уменьшение численности бедноты происходит и в поселениях других районов. Так, в Тарском поселении Омской области численность бедноты с 1925 до 1926 года изменяется

14 Jokums K. No viensētām uz kolektīviem. M., 1933, 63.lpp.

15 Там же.

16 Krievijas Cīņa, 1927, 20.janv.

17 Šķilters K. Latvju zemnieks Baltkrievijā pirms un pēc Oktobra. Minska, 1935, 99.lpp.

с 17,5% до 8,4%. Хотя надо отметить, что увеличивается численность зажиточных (с 16,9% до 26,7%) и остается неизменной численность середняков¹⁸.

В Донской области в поселении Таурупе-Звайгзните маломощными считаются хозяйства с посевными площадями от 7 до 29 десятин, которых тут 73,6%; богатые хозяйства имеют посевных площадей более 32 десятин, и таких хозяйств 7,7%¹⁹. Правда, нет данных почти о 20% хозяйств. С другой стороны, хотя посевная площадь только приблизительно позволяет судить о классовом характере хозяйства, и к тому же это зерновой район, все же следует отметить, что здесь даже маломощные хозяйства имеют больше земли, чем в Белорусских поселениях середняки. Но тот факт, что богатые хозяйства имеют свои молотилки и по 4 наемных рабочих, не позволяет сомневаться в характере этих хозяйств²⁰.

В одном из наиболее крупных поселений Башкирии, в Архангельском, в 1930 году 493 хозяйства распределялись следующим образом - 46 кулацких, 375 середняцких, 72 бедняцких, которые не платили налогов; к тому же отмечается, что здесь многие середняцкие хозяйства более сильные, нежели те, которые в других районах были подвергнуты раскулачиванию²¹.

Сибирским поселениям также не чужды основные закономерности. По данным "Кривияс Цина" в Ладожском поселении Атчинского уезда беднота составляла 11% хозяйств, середняки - 71,8% и зажиточные - 17,2%²². В Омской губернии в 1925 году беднота составляла 20-25%, середняки - 60-70%, зажиточные - 5-6% из числа поселенческих хозяйств²³.

18 Krievijas Cīņa, 1927, 6. jūlv.

19 Latviešu Zemnieks, 1926, 8. aug.

20 Там же.

21 Latviešu Zemnieks, 1930, 10. nov.

22 Krievijas Cīņa, 1927, 9. aug.

23 Rullis E. Latvju kolonijas Republiku Savienībā. - Sākums. 1925, N 2, 21. lpp.

Для сравнения можно привести данные о расслоении среди эстонских поселенцев в СССР. Тут, соответственно, беднота составляет 23,1%, середняки - 68,7%, кулаки - 8,2% из всех хозяйств, где также имеются довольно большие региональные отклонения²⁴.

Данные указывают на определенную нестабильность среди поселенцев-средняков: наблюдается уклон зажиточной части в сторону кулачества, ибо на определенной ступени развития хозяйству уже не обойтись без наемных рабочих (если не идти по пути коллективизации). Как уже говорилось, иногда ошибочно или преднамеренно и кулаков причисляли к этой группе.

Продвижение зажиточной части середняков к кулачеству отмечает и "Криевияс Циня": "В латышских поселениях значительную часть середняков составляют зажиточные, которые в хозяйственном отношении более близки к кулачеству"²⁵.

На основе изложенного можно сделать определенные выводы:

1. В 20-е годы в латышских поселениях, как и в стране в целом, происходит процесс расслоения крестьянства, который имеет тенденцию углубляться.

2. На основе экономических, социальных, культурных и исторических особенностей в латышских поселениях расслоение крестьянства имеет свои особенные черты, которые проявляются в отношении отдельных групп крестьянства и в их влиянии и силе (экономической и политической); а именно: более высокий процент кулачества; значительная группа зажиточных середняков, которая имеет тенденцию примкнуть к кулачеству и составляет как бы резерв кулачества.

3. В латышских поселениях удельный вес группы бедноты зачастую ниже, чем у коренного населения, что обуславливало ее слабость в борьбе с кулачеством (хотя одновременно имелись и поселения с очень высоким процентом бедноты).

24 Маамяги В. Эстонские поселенцы..., с.109.

25 Krievijas Cīņa, 1927, 20. janv.

4. В поселениях влияние батраков пока незначительно, несмотря на их относительно большое количество, что обусловливается малым числом батраков — латышей и тем, что основная масса батрачества — представители других национальностей.

5. Только вместе с середняками, которые являются центральной фигурой в поселениях, беднота и батраки могли одержать верх над кулачеством. Успех коллективизации в поселениях, кроме всего прочего, во многом зависел от того, кто выиграет битву за середняка, ибо последние составляли основную массу поселенцев.

СОДЕРЖАНИЕ

Ниедре О.М.	Специфические (прибалтийские) особенности статистики землевладения военно-конских переписей конца XIX - начала XX вв..	3
Звиргздинь И.К.	Характеристика материалов Митавского отделения крестьянского поземельного банка.	17
Эвардсоне И.И.	Сравнение материалов трех волостных управлений Курляндской губернии с материалами статистического комитета губерний, изданных в 1912 году	30
Стродс С.Х.	Генезис капитализма в сельском хозяйстве Латвии	42
Даукште В.В.	Некоторые вопросы эволюции политики остзейского дворянства по вопросам школьного образования крестьян в 40-х годах XIX века и отражение этой политики в крестьянском законодательстве	88
Розенберг Т.А.	Утверждение капиталистической системы в помещичьем хозяйстве Лифляндии в 50-60 гг. XIX в.	107
Лейнасаре И.А.	К вопросу об изменении площади крестьянского землепользования в Лудзенском уезде в 1861-1863 гг. (по материалам проверочной комиссии)	126
Муравская Е.И.	Организация хоодачества прибалтийских поморов в конце 90-х годов XIX века	136
Грава И.К.	Опыт изучения социально-экономической структуры крестьянских хозяйств (на материалах обследований 1913-1914 гг. в Венденском уезде)	157
Беберс Я.Я.	Расслоение латышского крестьянства в СССР накануне коллективизации (1925-1928 гг.)	174

Авторы статей - историки Латвийской и Эстонской ССР:

НИЕДРЕ О.М., доц. каф. истории СССР ЛГУ им. П.Стучки,
канд. ист. наук;

ЗВИРТЗДИНЬ И.К., дипломант каф. истории СССР ЛГУ им.
П.Стучки, инженер Национального парка Гауя;

ЗВАРДСОНЕ И.И., студ. 3 курса ЛГУ им. П.Стучки;

СТРОДС Х.П., зав. каф. истории СССР ЛГУ им. П.Стучки,
докт. ист. наук;

ДАУКШТЕ В.В., аспирант каф. истории СССР ЛГУ им.
П.Стучки;

РОЗЕНБЕРГ Т.А., ст. преп. каф. истории СССР Тартусско-
го гос. ун-та, канд. ист. наук;

ЛЕЙНАСАРЕ И.А., доц. каф. истории древних и средних
веков ЛГУ им. П.Стучки;

МУРАВСКАЯ Е.И., доц. каф. истории СССР ЛГУ им. П.Стуч-
ки, канд. ист. наук;

ГРАВА И.К., преп. каф. истории СССР ЛГУ им. П.Стучки;

БЕБЕРС Я.Я., преп. каф. истории СССР ЛГУ им. П.Стучки.